http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Dublet

БИБЛІОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ПОЭЗІИ

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ

Н. В. БЕРГА.

ИЗДАНІЕ Н. В. ГЕРБЕЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

БИБЛІОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ПОЭЗІИ

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ

П. В. БЕРГА.

ИЗДАНІЕ П. В. ГЕРБЕЛЯ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-69

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.
1860.

http://rcin.org.pl

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 1 мая 1860 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

http://rcin.org.pl

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Подъ общимъ заглавіемъ «Библіотека Иностранной Поэзіи» издатель предположилъ выпускать отъ времени до времени собранія стихотворныхъ переводовъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ-переводчиковъ, и тѣмъ хотя отчасти восполнить недостатокъ въ нашей литературѣ изданій, знакомящихъ съ поэзіею другихъ народовъ.

Для начала собраны «Переводы и подражанія Н. В. Берга», поэта съ достаточно-установившеюся репутаціей, чтобы хвалить его. Считаемъ необходимымъ замѣтить только, что издаваемый нынѣ выпускъ не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ напечатанныхъ г. Бергомъ въ 1854 году переводовъ, подъ

http://rcin.org.pl

заглавіемъ «Пѣсни Разныхъ Народовъ», а составляетъ, такъ сказать, дополненіе къ нимъ, будучи въ то же время самостоятельнымъ цѣлымъ.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

1-го мая 1860 года.
С. Петербургъ.

http://rcin.org.pl

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МАРЬѢ ВЛАДИМІРОВНѢ

НОВОСИЛЬЦОВОЙ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны....

Письма Гоголя.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Честь открытія Краледворской рукописи принадлежитъ извѣстному чешскому поэту Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ. Осенью 1817 года онъ отправился въ городъ Кралеве-Дворъ, съ цѣлію изслѣдованія древнихъ памятниковъ чешскаго языка. Здѣсь онъ познакомился, чрезъ одного изъ своихъ друзей, г. Скленичку, съ капланомъ Борчемъ, который однажды за обѣдомъ, именно 16 сентября, разсказалъ Ганкѣ, что въ склепѣ тамошней городской церкви находится много разныхъ древнихъ рукописей и оружій. Ганка немедленно пошелъ туда и, среди всякаго хлама и бумагъ временъ Жижки, открылъ рукопись, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстна подъ именемъ Краледворской.

Эта рукопись представляетъ часть цѣлаго значительнаго собранія древне-чешскихъ стихотвореній. Дошедшій до насъ отрывокъ состоитъ изъ двухъ узкихъ полосокъ и двѣнадцати небольшихъ листочковъ пергамена. По формату рукопись относится къ такъ-называемымъ малоосьмушечнымъ. Она сохранилась очень хорошо и читается безъ особеннаго труда, потому-что письмо ея красиво и правильно, хотя весьма мелко и

http://rcin.org.pl

часто безъ знаковъ препинанія и раздѣленія стиховъ; даже иныя слова написаны слитно съ другими; сокращеній мало и этимъ также, отчасти, облегчается чтеніе. Добровскій полагаетъ время явленія рукописи между 1290 и 1310 годами. Другіе говорятъ, что она явилась раньше.

Стихотворенія, составляющія рукопись, могутъ быть подраздѣлены на эпическія, лиро-эпическія и чисто-лирическія. Первыхъ считается 6, вторыхъ 2 и послѣднихъ 6. Размѣры ихъ довольно разнообразны. Въ эпическихъ преимуществуетъ извѣстный десятисложный размѣръ славянскихъ пѣсень.

Разсмотримъ теперь каждое стихотвореніе отдѣльно.

1) Ольдрихъ и Болеславъ. Въ этомъ отрывкѣ говорится объ освобожденіи Чеховъ отъ власти Полянъ (Поляковъ) въ началѣ сентября 1004 года. Шафарикъ полагаетъ, что это сказаніе называлось: «o poßitie Polanow i wyhnanie z Prahy» (въ рукописи же находятся только слова: ....lanow iwil....), а начиналось такъ: «Zwola B(oleslaw)». Стихи этого отрывка отличаются силой и поэтическимъ изяществомъ.

2. Бенешъ Германычь. По рукописи принадлежитъ къ III книгѣ, 26 главѣ. Событіе, о которомъ разсказывается въ пѣснѣ, относится къ первымъ годамъ XIII столѣтія. Соединенныя войска императора Филиппа и маркграфа Мишенскаго пришли въ Чехію (Богемію), въ 1203 году, отмстить королю Премыслу Отакару I за то, что онъ прогналъ свою супругу Адельгейду, сестру упомянутаго маркграфа. За отбытіемъ короля къ императору Оттону IV (k Otě daleko zajel), Бенешъ собираетъ народъ подъ Великою Скалою (Hrubá Skála) и освобождаетъ отчизну отъ пришельцевъ. Герой этого разсказа упоминается и въ другихъ памятникахъ чешской старины, между 1197 и 1220 годами. Впослѣд-

http://rcin.org.pl

ствіи онъ былъ намѣстникомъ Будишинскимъ. Старый замокъ Hrubá Skála (Gross-Skal) существуетъ до сихъ поръ въ Младоболеславскомъ округѣ. Онъ построенъ на высокой горѣ. Неподалеку отъ него Троски — двѣ огромныя скалы, съ развалинами замка.

3. Ярославъ. По рукописи относится къ III книгѣ, 26 главѣ. Историческій разсказъ о пораженіи Татаръ Чехами и Моравами при Оломуцѣ (Ольмюцъ), въ 1241 году, 24 іюня. Упомянутый здѣсь Ярославъ есть предокъ извѣстной въ Чехіи фамиліи графовъ Штернберговъ. Стихи этого сказанія чрезвычайно изящны. Гостайновъ, нынѣ Гоштейнъ, — гора близъ городка Быстрицы, отъ Оломуца на востокъ, въ двухъ часахъ ѣзды. Еще недавно были видны на ней слѣды насыпи.

4. Честміръ и Влаславъ. По рукописи принадлежитъ къ III книгѣ, 27 главѣ. Разсказъ о разбитіи Честміромъ, или Чтиміромъ, измѣнника Крувоя и Луцкаго, или Жатецкаго князя Власлава. Объ этомъ князѣ читаемъ нѣкоторыя подробности у Козьмы, Далимила и Гайка. Слѣдуя этимъ историкамъ, можно заключить, что событіе, описанное здѣсь, происходило въ первой половинѣ IX столѣтія.

5. Людиша и Люборъ. По рукописи принадлежитъ къ III книгѣ, 27 главѣ. Въ этомъ стихотвореніи описывается съѣздъ бояръ къ одному Залабскому князю, а потомъ бой между ними, или турниръ того времени. Такіе поединки, или турниры, были заведены въ Чехіи королемъ Вячеславомъ I (1230 — 1253); особенно же утвердились они при его преемникѣ Премыслѣ Отакарѣ II (1253 — 1278). Основываясь на этихъ обстоятельствахъ, можно приблизительно опредѣлить время появленія этой пѣсни.

6) Забой и Славой. По рукописи относится къ III книгѣ, 27 главѣ. Здѣсь говорится о пораженіи Чехами

http://rcin.org.pl

какого-то чужеземнаго короля, коего имя неизвѣстно. Когда появилась эта пѣсня, опредѣлить трудно. Мейнертъ полагаетъ, что, разбитый Чехами король, есть не кто иной, какъ Людвигъ Нѣмецкій (Людекъ), предпринимавшій въ 849 году походъ на Регенсбургъ. Свобода же разумѣетъ здѣсь битву Сама съ Франками, пришедшими подъ предводительствомъ короля Дагоберта Великаго (628 — 638). А Палацкій говоритъ, что содержаніе этой пѣсни есть чистый вымыселъ, имѣющій зародышъ въ преданіяхъ о борьбѣ христіанства съ язычествомъ. Явленіе пѣсни Палацкій относитъ къ XII или XIII вѣку.

7. Збигонь. Первое лиро-эпическое стихотвореніе Краледворской рукописи. Принадлежитъ по ней къ III книгѣ, 28 главѣ. Свобода происхожденіе этой пѣсни относитъ къ самой глубокой древности.

8. Олень. Второе лиро-эпическое стихотвореніе рукописи. Принадлежитъ къ III книгѣ, 28 главѣ. Явленіе этой пѣсни, по мнѣнію Добровскаго, могло быть около 1250 года. Замѣчу, что Олень дошелъ до насъ въ двухъ спискахъ, которые совершенно сходны между собою. Первый принадлежитъ Краледворской рукописи, а другой найденъ Циммерманомъ въ 1823 году.

За тѣмъ слѣдуютъ чисто-лирическія стихотворенія Краледворской рукописи, или 6 пѣсень: Вѣнокъ, Ягоды, Роза, Кукушка, Сирота и Жаворонокъ. Всѣ они принадлежатъ, по рукописи, къ III книгѣ, 28 главѣ. Челаковскій замѣтилъ сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ съ русскими и малороссійскими.

Разсмотрѣвъ пѣсни собственно Краледворской рукописи, перейду къ тремъ стихотвореніямъ, найденнымъ послѣ и только присоединеннымъ къ ней условно во всѣхъ изданіяхъ. Всѣ они суть только отрывки. Первое Сеймъ, считаютъ иные началомъ или продолже-

http://rcin.org.pl

ніемъ Любушина Суда. Это послѣднее сказаніе найдено въ 1818 году и подарено тогда же чешскому музею неизвѣстнымъ лицомъ. Шафарикъ и нѣкоторые другіе относятъ время происхожденія этой пѣсни къ концу IX столѣтія. Свобода же полагаетъ, что она явилась въ XI вѣкѣ. Размѣръ Любушина Суда (какъ и Сейма) обыкновенный десятисложный. Здѣсь въ особенности поражаетъ изящная простота и энергія стиха. По моему, это лучшее стихотвореніе рукописи. Шафарикъ съ Палацкимъ издали въ Прагѣ, въ 1840 году, критическій и филологическій разборъ Любушина Суда (Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache), съ приложеніемъ снимковъ, надстрочнаго латинскаго перевода и стихотворнаго нѣмецкаго перевода Свободы.

Пѣсня подъ Вышеградомъ открыта въ 1817 году г. Линдою. Нынѣ принадлежитъ чешскому музею. Пѣснь глубокой древности. Списокъ относится къ первой половинѣ XIII столѣтія.

Краледворская рукопись, можно сказать, найдена «въ добрый часъ». Ни одинъ древній памятникъ не былъ такъ счастливъ на переводы. Въ настоящее время всѣ главные европейскіе народы имѣютъ переводъ Краледворской рукописи. Это обстоятельство подало поводъ виновнику ея открытія, В. В. Ганкѣ, издать въ 1843 году полиглотту Краледворской рукописи на 8 языкахъ. На нѣмецкомъ издано, сколько мнѣ извѣстно, три перевода рукописи; у насъ также три: одинъ прозой и два стихами.

Какъ это всегда бываетъ съ древними памятниками, возбудившими интересъ и толки, Краледворская рукопись подвергалась нѣсколько разъ подозрѣнію въ подлогѣ. Даже не дальше, какъ въ прошломъ году, Ганка долженъ былъ крѣпко отстаивать ея настоящее, законное рожденіе. Что до меня, я не смѣю подать голоса

http://rcin.org.pl

ни pro, ни contra, но могу смѣло сказать, что нѣкоторыя изъ стихотвореній рукописи достойны особеннаго вниманія и заслуживаютъ быть перенесенными въ любую европейскую литературу посредствомъ самыхъ тщательныхъ переводовъ. Въ этомъ случаѣ, сколько бы кто ни спорилъ, поэзія въ проигрышѣ не будетъ.

Январь, 1860.

---

http://rcin.org.pl

ОЛЬДРИХЪ И БОЛЕСЛАВЪ.

. . . . . въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ владыки собирались вмѣстѣ,
Семь владыкъ съ дружинами своими.
Выгонъ-Дубъ въ ночную темнеть прибылъ,
Со своими прибылъ молодцами:
Было съ нимъ сто воиновъ отважныхъ
И у всѣхъ въ ножнахъ мечи гремѣли;
Сто мечей наточено булатныхъ,
Сто десницъ могучихъ на-готовѣ;
Удальцы владыкѣ вѣрно служатъ.
Вотъ пришли они въ средину лѣса,
Стали въ кругъ; другъ-дружкѣ руки дали
Разговоры тихіе заводятъ.
Было время за-полночь гораздо,
Утро сѣрое ужь было близко.
Выгонъ молвилъ тихо князю Ольдрѣ:
«Гой еси ты князь и воинъ славный!
Богъ вложилъ въ тебя и мочь и крѣпость,
Въ буйну голову далъ разумъ свѣтлый:
Такъ веди-жь насъ на Полянъ свирѣпыхъ!

http://rcin.org.pl

За тобой послѣдуемъ мы всюду:
Взадъ, впередъ, направо и налѣво,
Гдѣ ты будешь въ ярой битвѣ биться!
Ну зажги-жъ ты въ сердцѣ нашемъ храбрость!»
Князь беретъ могучею рукою
Длинный праноръ: «Такъ за мною, братья,
На Полянъ, враговъ роднаго краю!»
Вслѣдъ за княземъ двинулись владыки,
Восемь всѣхъ, и было съ ними войска
Триста парней добрыхъ да полсотни.
Всѣ они собрались, гдѣ Поляне
Сонные, раскинувшись, лежали.
Становились у опушки лѣса (1).
Прага все еще во снѣ молчала;
Паръ клубился надъ рѣкой Влетавой;
А за Прагой ужь синѣли горы,
И востокъ за ними загорался.
«Въ долъ за мною, только тихо, тихо!»
Вся дружина скрылась въ Прагѣ сонной,
Спрятавши оружье подъ одежу.
На зарѣ пастухъ подходитъ къ замку
И кричитъ, чтобъ отперли ворота.
Услыхалъ его изъ замка сторожъ.
Отворилъ ворота чрезъ Влетаву.
Пастырь всходитъ на мостъ, громко трубитъ
Ольдрихъ выскочилъ и съ нимъ владыки,
Семь владыкъ и всякъ съ народомъ ратным
Бубны-трубы загремѣли разомъ;
На мосту завѣяли хоругви;
Мостъ затрясся, какъ пошла дружина.
Обуялъ Полянъ внезапный ужасъ.
Вотъ они оружіе схватили!

---

(1) Тамъ, гдѣ нынче стоитъ Страговъ, былъ нѣкогда весьма густой лѣсъ.

http://rcin.org.pl

Вотъ владыки стали съ ними биться!
Но Поляне скоро заметались
И толпами бросились къ воротамъ,
Убѣгая отъ рѣзни жестокой.
Самъ Господь намъ даровалъ побѣду!
И одно встаетъ на небѣ солнце —
Яромiръ опять встаетъ надъ нами!
Разнеслась по цѣлой Прагѣ радость,
И кругомъ-то Праги разнеслася;
По всему-то полетѣла краю,
По всему ли краю отъ той Праги.

БЕНЕШЪ ГЕРМАНЫЧЪ.

Гой ты, солнце наше красно!
Что съ лазоревыхъ высотъ
Нынче такъ печально свѣтишь
Ты на бѣдный нашъ народъ?
Гдѣ нашъ князь? гдѣ людъ военный?
Къ Отту, къ Отту всѣ ушли...
Кто жь прогонитъ вражью силу
Изъ отеческой земли?
Идутъ Нѣмцы длиннымъ строемъ —
То Саксонóвъ злая рать;
Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
Идутъ край нашъ воевать.
Злато-сéребро сбирайте,
Будьте щедры и добры:
Скоро жечь придутъ злодѣи
Наши хаты и дворы.

http://rcin.org.pl

Все пожгли враги, побрали
Злато-серебро изъ хатъ
И стада угнали наши;
Къ Троскамъ далѣе спѣшатъ.
Не тужите, добры люди:
Встанетъ травушка въ поляхъ,
Что́ Саксоны притоптали,
Проскакавши на коняхъ.
Убирайте же вѣнками
Избавителю чело!
Зелень выросла на нивахъ,
Все по-старому пошло.
Скоро минетъ наше горе:
Бенешъ Германычъ идетъ,
Биться на́ смерть съ сопостатомъ
Призываетъ свой народъ.
Вотъ собрались наши люди
Подъ Скалой въ лѣсу густомъ,
И пошли на бой кровавый
Кто съ булатомъ, кто съ цѣпомъ,
Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
Всѣ бѣгутъ во слѣдъ ему.
«Горе Нѣмцамъ!» Бенешъ крикнулъ
«Нѣтъ пощады никому!»
Закипѣли гнѣвомъ лютымъ
Въ битвѣ обѣ стороны;
Взволновалися утробы;
Очи злобой зажжены.
Набѣжали другъ на друга
И давай колоть и сѣчь:
Коломъ колъ тяжелый встрѣченъ,
Зацѣпился мечъ за мечъ!
Страшно рать на рать валила,
Словно лѣсъ пошелъ на лѣсъ;

http://rcin.org.pl

Отъ мечей летѣли искры,
Будто молнія съ небесъ.
Нивы стономъ застонали;
Всполошило всѣхъ звѣрей;
Всполошило вольныхъ пташекъ
Средь лѣсовъ и средь полей.
До вершины ажно третьей
Слышно было жаркій споръ;
Копья съ саблями трещали,
Словно падалъ ветхій боръ.
Такъ стояли оба войска,
Сѣвши крѣпко на пяту —
И пришло отъ лютой битвы
Тѣмъ и тѣмъ не въ-моготу.
Въ гору Германычъ ударилъ;
Что махнетъ мечомъ своимъ —
Цѣлой улицей ложится
Вражья сила передъ нимъ;
И направо, и налѣво
Такъ и стелетъ онъ народъ:
Поднялся — и сопостата
Сверху камнями онъ бьётъ.
На широкій долъ сбѣжали
Мы опять съ холмовъ крутыхъ;
Завопили Нѣмцы, дрогнувъ:
Мы пошли — и смяли ихъ!

———

http://rcin.org.pl

ЯРОСЛАВЪ.

Разскажу я славную вамъ повѣсть
О бояхъ великихъ, лютыхъ браняхъ;
Собирайте вы свой умъ да разумъ:
Нынѣче будетъ вамъ чего послушать!
Тамъ, гдѣ правитъ Оломуцъ землями,
Невысокая гора поднялась;
Называютъ гору ту Гостайновъ:
На ея вершинѣ Христіанамъ
Чудеса творила Божья Матерь.
Долго, долго жили мы въ покоѣ;
Было все кругомъ благополучно;
Да поднялась отъ востока буря,
А поднялась ради дщери ханской,
Что́ за злато Нѣмцы погубили,
За жемчугъ, за до́роги каменья.
Дочь Кублая, красотой что́ мѣсяцъ,
О земляхъ на Западѣ узнала,
И узнала, что въ нихъ много люду:
Собиралась въ дальнюю дорогу
Поглядѣть житье-бытье чужое.
Съ нею десять юношей срядилось
Да еще двѣ дѣвы молодыя:
Было все потребное готово.
Тутъ они на быстрыхъ сѣли ко́ней
И свой путь по солнышку держали.
Какъ заря передъ восходомъ блещетъ
Надъ густыми темными лѣсами:
Такъ блестѣла дочь Кублая Хана,
Красотой блестѣла и нарядомъ,
Золотой она парчей покрылась,

http://rcin.org.pl

Лебединую шею обнажила,
Дорогимъ увѣшалась каменьемъ.
Ханской дочери дивились Нѣмцы.
На ея сокровища польстились;
Выжидать засѣли на дорогѣ,
И въ лѣсу Кублаевну убили,
Все богатство ханское побрали.
Какъ про то услышалъ Ханъ татарскій,
Что́ съ его Кублаевной случилось:
Собиралъ несметныя онъ рати,
И пошелъ, куда уходитъ солнце.
Короли на Западѣ узнали,
Что Кублай готовится ударить:
Перемолвились, набрали войско
И поѣхали на встрѣчу къ Хану;
Становили станъ среди равнины,
Становили, поджидали Хана.
Вотъ Кублай сбираетъ чародѣевъ.
Звѣздочетовъ, знахарей, шамановъ,
Чтобъ они рѣшили ворожбою,
Будетъ ли, не будетъ ли побѣда.
Притекли толпами чародѣи,
Звѣздочеты, знахари, шаманы;
Разступившись, кругомъ становились;
Положили черный шестъ на землю,
Разломили на-двое, назвали
Половину именемъ Кублая,
А другую назвали врагами;
Стародавнія запѣли пѣсни; —
Тутъ шесты затѣяли сраженье:
Шестъ Кублая вышелъ цѣлъ изъ бою.
Зашумѣли въ радости Татары,
На коней садились ретивыхъ —
И рядами становилось войско.

http://rcin.org.pl

Христіане ворожбы не знали,
А пошли на басурмановъ просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремѣла первая тутъ битва.
Задождили стрѣлы, будто ливень,
Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома,
Блескъ мечей, что́ молнія изъ тучи.
Обѣ стороны рубились крѣпко
И одна другой не уступала.
Вдругъ Татаръ шатнули Христіане
И совсѣмъ бы смяли сопостатовъ:
Да пришли къ нимъ чародѣи снова
И шесты народу показали.
Тутъ опять Татары разъярились,
Въ Христіанъ ударили свирѣпо
И погнали ихъ передъ собою,
Словно псы испуганнаго звѣря.
Здѣсь шеломъ, тамъ щитъ желѣзный брошенъ;
Тамъ несется конь съ вождемъ убитымъ,
Что́ ногою въ стремени повиснулъ.
Здѣсь одинъ вотще съ врагами бьется,
Тамъ другой помилованья проситъ.
Такъ Татары были крѣпки въ битвѣ,
Что налоги съ Христіанъ собрали
И два царства отняли большія:
Старый Кіевъ да Новго́родъ людный.
Выростало горе на долинахъ;
Весь народъ сходился христіанскій,
Собиралось ихъ четыре войска;
Звали снова басурмановъ къ бою.
Въ этотъ разъ Татары взяли вправо,
Словно туча съ градомъ надъ полями,
Что́ грозитъ богатымъ урожаямъ:
Издалеча рати такъ шумѣли.

http://rcin.org.pl

Вотъ и Угры сдвинули дружины,
Въ сопостата ударили крѣпко,
Да напрасны мужество и храбрость,
Молодецкая напрасна доблесть:
Одолѣли дикіе Татары,
Разметали угорское войско,
Цѣлый край мечомъ опустошили.
Христіанъ покинула надежда!
Было горе, всѣхъ горчѣе горе.
Милосердному взмолились Богу,
Чтобы спасъ ихъ отъ Татаръ свирѣпыхъ:
«Господи! возстань въ своемъ Ты гнѣвѣ,
Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
Что́ совсѣмъ сгубили наши души:
Рѣжутъ насъ, какъ ярый волкъ овечекъ!»
Бой потерянъ и другой потерянъ.
Въ землю польскую пришли Татары,
Полонили все, что́ было близко,
Додрались до града Оломуца.
Тяжкая бѣда кругомъ вставала:
Брали верхъ поганые Татары.
Бьются день, другой дерутся крѣпко;
Никуда не клонится побѣда.
Вотъ невѣрныхъ рати разрослися,
Будто тьма вечерняя подъ осень.
Посреднѣ ихъ рядовъ нечистыхъ
Колебались Христіанъ дружины,
Продираясь ко святой часовнѣ,
Гдѣ свѣтился чудотворный образъ.
«Ну, за мною, братья!» — такъ воскликнулъ,
Въ щитъ мечомъ гремя, Внеславъ могучій,
И хоругвь надъ головами поднялъ.
Всѣ метнулись, какъ едино тѣло,
На Татаръ ударили жестоко,

http://rcin.org.pl
Instytut Polonistyczny KORBUTIANUM Uniw. Warsz.

И, какъ пламень изъ земли, пробились
Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ.
На пятахъ они поднялись въ гору,
У подошвы развернули рати,
А въ долину стали вострымъ клиномъ.
Тутъ покрылись тяжкими щитами,
Справа, слѣва, и большія пики
Взбросили на могутныя плечи
Другъ ко другу: задніе переднимъ.
Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство.
Только ночь остановила битву,
Разостлавшись по землѣ и небу;
Тѣмъ и тѣмъ она закрыла очи,
Что́, враждой раскалены, горѣли.
Той порой, во мракѣ, Христіане
Навалили подъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ:
Зашумѣли о́рды сопостатовъ
И кругомъ ту гору обступили;
Не видать конца полкамъ несметнымъ!
На коняхъ иные тамъ кружили
И на длинныя втыкали пики
Головы отъ труповъ христіанскихъ —
И носили предъ наметомъ ханскимъ.
Собралися въ кучу всѣ ихъ силы,
Къ одному они шатнулись боку,
И полѣзли по горѣ на нашихъ,
Оглашая крикомъ всю окрестность,
Аж но долъ и горы загудѣли.
Христіане поднялись на насыпь.
Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
Натянулись ихъ тугіе луки,
Ихъ мечи булатные сверкнули —
Отступили отъ холма Татары.

http://rcin.org.pl

Разъярился людъ ихъ некрещеный;
Закипѣло серце Хана гнѣвомъ;
На три полчища разбился таборъ,
Съ трехъ сторонъ облавили ту гору;
Тутъ скатили Христіане бревна,
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
Подбѣжали къ насыпи Татары,
Въ облака ударились ихъ вопли
И хотѣли вражьи дѣти насыпь
Раскидать, но бревна покатились —
Какъ червей приплюснуло тутъ нехристь,
И еще давило ихъ въ долинѣ.
Тѣ и тѣ потóмъ рубились долго,
Только ночь остановила битву.
Господи! Внеславъ сраженъ могучій
И на землю съ насыпи свалился.
Одолѣло горе наши души,
Изсушила жажда всѣ утробы;
Языки съ травы лизали рóсу
Вечеръ тихъ былъ передъ ночью хладной,
Послѣ ночь смѣнилась утромъ сѣрымъ.
Смирно было въ станѣ сопостата.
Разгорѣлся день передъ полуднемъ.
Христіане падали отъ жажды,
Рты свои сухіе отворяли,
Хриплымъ голосомъ молились Дѣвѣ,
Истомленныя поднявши очи,
Заломивши руки въ лютой скорби;
Жалостно съ земли смотрѣли въ небо.
«Намъ не въ мочь терпѣть такую жажду,
Отъ нея не въ силахъ мы рубиться!
Кто не смерти, живота желаетъ:
Дожидайся милости татарской!»

http://rcin.org.pl

Такъ одни сказали, а другіе:
«Лучше сгинуть отъ меча намъ, братья,
Чѣмъ отъ жажды на холмѣ издохнуть.
Хоть въ плѣну бы намъ воды напиться!»
—Такъ за мною-жь!—къ нимъ Вестонъ воскликнулъ:
Коли такъ вы, братья, говорите,
Коль измучились отъ жажды лютой! —
Тутъ свирѣпымъ туромъ на Вестона
Вратиславъ ударилъ и за плечи
Онъ потрясъ его рукою мочной:
«Ахъ ты змѣй, предатель окаянный!
Погубить людей ты хочешь добрыхъ!
Чѣмъ бы милости просить у Бога,
Ты зовешь ихъ въ мерзкую неволю.
Не ходите, братья, на погибель!
Вѣдь ужь зной мы тяжкій пережили:
Въ ярый полдень Богъ намъ силы подалъ;
Онъ еще подастъ, коль вѣрить будемъ.
А такія рѣчи непотребны
Тѣмъ, кого зовутъ богатырями!
Пусть мы сгинемъ здѣсь отъ жажды лютой:
Эта смерть отъ Бога будетъ, братья!
А мечамъ невѣрнымъ отдадимся:
Руки сами на себя наложимъ!
Неугодна Господу неволя:
Смертный грѣхъ въ яремъ идти охотой.
Кто такъ мыслитъ — онъ за мною, мужи,
Тотъ за мною ко святой иконѣ!»
Двинулись къ часовнѣ Христіане:
«Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
Дай смирить намъ силы сопостата,
Выслушай моленіе Ты наше!
Мы отвсюду стиснуты врагами:
Изъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви

http://rcin.org.pl

И увлажь росою намъ гортани!
Славословить Тебе, Бога, станемъ!
Сокруши Ты нашихъ сопостатовъ,
Да не придутъ нехристи во вѣки!»
Глядь — ужь тучка въ раскаленномъ небѣ!
Дуютъ вѣтры, слышенъ рокотъ грома;
Разостлались облака по небу,
Мечутъ молніи на станъ татарскій,
Страшный ливень рвы холма наполнилъ.
Миновала буря. Идутъ рати
Изо всѣхъ земель и странъ далекихъ,
Къ Оломуцу вѣютъ ихъ хоругви;
Тяжкіе мечи гремятъ у бедеръ;
На плечахъ колчаны со стрѣлами,
А на буйныхъ головахъ шеломы.
Скачутъ-пляшутъ ретивые кони.
Зазвенѣли вдругъ рога лѣсные,
Бубны-трубы раздался въ полѣ;
Закипѣла яростная битва.
Стало темно межь землей и небомъ —
И была послѣдняя то схватка!
Звонъ и стукъ пошелъ отъ сабель вострыхъ,
Засвистѣли стрѣлы каленыя;
Ломъ отъ копій, трескъ отъ пикъ тяжелыхъ.
И молитвы посреднѣ битвы,
Плачъ, тревога — и веселья много!
Кровь лилась ручьями дождевыми;
Что̀ въ лѣсу деревьевъ, было труповъ.
У того мечомъ разрубленъ черепъ,
У того не стало рукъ по плечи,
Тотъ съ коня валится черезъ брата
Тотъ врага, остервенясь, ломаетъ,
Словно буря на скалахъ деревья;

http://rcin.org.pl

У инаго мечъ торчитъ изъ реберъ,
А тому отнесъ Татаринъ ухо.
Ухъ! кругомъ послышалися вопли:
Христіане сбиты, побѣжали;
Гонятъ ихъ поганые Татары!
Но смотрите: Ярославъ несется,
Что́ орелъ летитъ, могучій витязь!
На груди его желѣзный панцырь,
А подъ нимъ отвага и удача;
Подъ шеломомъ крѣпкимъ разумъ быстрый,
А въ очахъ играетъ гнѣвъ и ярость;
Расходился, будто левъ косматый,
Что́, почуявъ запахъ теплой крови,
Раненый, бѣжитъ за человѣкомъ; —
Такъ онъ мчался, лютый, на татарство.
Чехи съ нимъ, что́ градъ изъ темной тучи.
Онъ на сына ханскаго нагрянулъ —
И борьба межъ ними закипѣла!
Пиками тяжелыми сразились —
Да сломились пики у обоихъ.
Ярославъ съ конемъ окровавленнымъ
Рванулся, махнулъ мечомъ широкимъ
И разнесъ Кубланча до брюха.
Палъ Кубланчъ бездыханнымъ трупомъ,
Глухо звякнувъ на плечахъ колчаномъ.
Басурманы всѣ оторопѣли,
Пометали саженныя ко́пья,
И кто могъ пустился по долинѣ
Въ тѣ края, отколь приходитъ солнце.
И враговъ Татаръ не стало въ Ганѣ.

———

http://rcin.org.pl

ЧЕСТМІРЪ И ВЛАСЛАВЪ.

Князь Некланъ велитъ къ войнѣ сряжаться,
Княжескимъ велитъ онъ словомъ,
Противъ Власлава.
Собрался, встали рати,
Собрались по слову князя,
Противъ Власлава.
Чванился Влаславъ побѣдой
Надъ Некланомъ, славнымъ княземъ,
И вносилъ огонь и мечъ
Онъ въ Неклановы предѣлы;
И своимъ удалымъ людямъ
Онъ приказывалъ надъ княземъ
Непотребно издѣваться.
«Чміръ, веди мои дружины!
Все ругается надъ нами
Князь Влаславъ надменный!»
Чміръ встаетъ, веселый духомъ,
И снимаетъ щитъ свой черный,
Что́ съ двумя зубами [2]) сдѣланъ,
Да беретъ тяжелый молотъ,
И шеломъ несокрушимый;
А потомъ богамъ приноситъ
Подо всѣ деревья жертвы [3]).
Громкимъ голосомъ онъ крикнулъ:
Рати строятся рядами.
Вотъ пошли передъ зарею;

---

[2]) Думаютъ, что это былъ щитъ на двухъ ножкахъ съ желѣзными остріями, которыя втыкались въ землю, когда воинъ готовился отразить врага.

[3]) Таковъ былъ обрядъ жертвоприношенія у древнихъ Чеховъ.

http://rcin.org.pl

Цѣлый день въ походѣ были;
Шли, когда и солнце сѣло,
Шли на холмъ высокой,
Дымъ отъ селъ валитъ клубами;
Въ селахъ жалобные вопли.
«Кто спалилъ тѣ сёла?
Кто принесъ вамъ слезы?
Не Влаславъ ли гордый? —
Больше онъ не будетъ
Храбровать надъ вами:
Я иду злодѣю
Отомстить за братьевъ!»
Тутъ сказали Чміру:
«Окаянный Крувой
Завладѣлъ въ долинахъ
Нашими стадами;
Въ сёла внесъ онъ горе
Мечёмъ и пожаромъ;
Все сгубилъ, что́ было
Въ жизни намъ потребой:
Взялъ и воеводу!» —
На Крувоя Чміръ озлился,
И въ груди его широкой
Злоба закипѣла,
Потрясла всѣ члены.
«Братья!» — крикнулъ — «нынче утромъ
Будетъ крѣпкая работа;
А теперь даю вамъ отдыхъ!»
Горы влѣво, горы вправо;
На хребтѣ у нихъ высокомъ
Красно солнышко играетъ.
И отсюда черезъ горы,
И оттуда черезъ горы
Идутъ Чміровы дружины

http://rcin.org.pl

И несутъ съ собою битву.
Прямо, прямо къ городу,
На скалѣ что́ выросъ!
Крувой заперъ тамъ Войміра,
Съ нимъ и дочь его младую,
Что́ въ лѣсу густомъ похитилъ,
Тамъ, подъ сѣрою скалою,
Гдѣ ругался надъ Неклановъ.
Крувой клятву далъ Неклану
Быть ему слугою вѣрнымъ,
И десницу князю подалъ;
Только тѣмъ же голосомъ,
Той же самою рукою
Онъ бѣду принесъ народу.
«Ну, за мною, молодцы,
Къ городу высокому!»
И отважная дружина
Быстро къ за́мку двинулась,
Слова Чмірова послушавъ;
Двинулась, какъ туча съ градомъ.
Тяжкіе щиты сомкнувши плотно,
Рядъ передній весь покрылся ими;
Тѣ, что́ сзади, оперлись на копья
И, всадивъ ихъ поперегъ въ деревья,
Всею тяжестью на нихъ повисли.
Ихъ мечи тутъ загремѣли
Надъ вершинами лѣсными,
На мечи кидаясь вражьи,
Что́ изъ за́мка поднимались.
На стѣнѣ, какъ быкъ, метался Крувой,
Въ осажденныхъ разжигая храбрость.
Мечъ его на Пражанъ падалъ,
Словно дубъ съ горы высокой,
Что́, валясь, деревья ломитъ;

http://rcin.org.pl

Столько было подъ стѣнами
Воиновъ Неклана-князя.
Чміръ велѣлъ идти на городъ сзади;
Спереди жь, черезъ ограду,
Онъ скакать велѣлъ дружинѣ.
Тамъ два дерева стояло:
Прислонилися деревья
Подъ скалой къ оградѣ самой —
Пусть на нихъ летятъ колоды,
А головъ не тронутъ буйныхъ!
Тутъ-то, спереди, поставилъ кучу
Молодцовъ онъ дюжихъ и широкихъ,
Такъ-что всѣ они срослися
Богатырскими плечами.
Поперегъ они на плечи
Жерди длинныя взмахнули,
Ихъ веревкой вдоль связали
И на древки оперлися.
Тутъ на жерди къ нимъ другіе
Мужи крѣпкіе вскочили;
Копья вскинули на плечи
И веревкою связали.
Третій рядъ вскочилъ на этихъ,
Тамъ четвертый рядъ на третій;
А ужь пятые достали
До вершины самой замка.
Тутъ мечи блеснули сверху,
Сверху стрѣлы засвистѣли,
Сверху бревна покатились.
Черезъ стѣны Пражане, какъ волны,
Хлынули и замкомъ завладѣли.
«Выйди, выйди, Воймiръ, ты на волю,
Выйди съ дочерью милой своею!
Утро ясное въ небѣ играетъ!

http://rcin.org.pl

Посмотри, какъ злодѣю Крувою
Буйну голову нынѣче отрубятъ!»
На зарѣ вышелъ витязь могучій,
Дочь-красавицу вывелъ съ собою,
И увидѣлъ, ка́къ злаго Крувоя
Казнію безчестною казнили.
Отослалъ Чміръ до́бычу къ народу,
А съ добычей вернулась и дѣва.
Тутъ Воймiръ хотѣлъ готовить жертву
Въ томъ же мѣстѣ, въ ту же солнца пору.
«Нѣтъ, въ походъ!» къ нему Честміръ воскликнулъ:
«Чѣмъ скорѣе, тѣмъ къ побѣдѣ ближе!
Погодимъ богамъ сжигать мы жертву;
Намъ карать велятъ Власлава боги.
А какъ станетъ солнышко на полдень —
Соберемся мы, гдѣ надо будетъ,
И войска намъ прокричатъ побѣду.
Вотъ тебѣ оружіе Крувоя,
Не́друга лихаго — и поѣдемъ!»
Закипѣлъ Воймiръ веселъемъ буйнымъ;
Громкимъ голосомъ съ горы онъ крикнулъ
Изъ гортани сильной, ажно дрогнулъ
Темный лѣсъ: «Не гнѣвайтесь вы, боги,
За мое предъ вами прегрѣшенье,
Что сегодня я не жгу вамъ жертвы!»
А Честміръ: «За нами эта жертва!
Но пора и въ битву съ сопостатомъ!
На коня садись-ка ты лихаго
Да лети ты черезъ боръ оленемъ!
На дорогѣ, близь дубравы темной,
Повстрѣчаешь небольшую гору (*),

(*) Вѣроятно, это была гора Громоланъ.

http://rcin.org.pl

Эту гору полюбили боги:
Тамъ сожги ты имъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За побѣду, что́ была за нами,
За побѣду, что́ еще предъ нами!
Ты придешь на это мѣсто прежде,
Чѣмъ подвинется на тверди солнце;
А когда ужь двѣ и три ступени
Пробѣжитъ оно и надъ лѣсами
Станетъ тамъ — придутъ и ратн наши
Въ тѣ мѣста, гдѣ дымъ столбомъ взовьется
Къ небесамъ отъ жертвы приносимой;
Тамъ дружины голову преклонятъ.»
На коня тогда Воймiръ садился,
Полетѣлъ онъ чрезъ боръ оленемъ
Къ той горѣ, что́ близь дубравы темной;
Тамъ сжигалъ богамъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За побѣду, что́ была за ними,
За побѣду, что́ еще предъ ними,
Сожигалъ онъ добрую телицу;
Шерсть на ней червонная блестѣла.
Ту телицу онъ купилъ въ долинѣ,
Что́ густою поросла травою;
За телицу пастухамъ оставилъ
Онъ коня и съ нимъ его уздечку.
Какъ святая запылала жертва —
Подходили воины къ долинѣ
И въ дубраву другъ за другомъ шумно
Поднимались, брякая мечами.
Каждый воинъ обходилъ вершину
И богамъ провозглашалъ онъ славу;
Проходя, мечомъ не медлилъ брякнуть.
А когда осталось ихъ немного,

http://rcin.org.pl

На коня Воймiръ лихаго прыгнулъ
И велѣлъ поднять остатки жертвы
Шестерымъ онъ всадникамъ послѣднимъ:
Два плеча и жирныя лопатки.
Вотъ пошли дружины вмѣстѣ съ солнцемъ.
На полуднѣ солнышко стояло.
А въ долинѣ князь Влаславъ надменный
Поджидалъ ихъ съ силами своими,
Что́ отъ лѣса протянулись къ лѣсу.
Впятеро ихъ было больше Пражанъ.
Словно въ тучѣ тамъ гремѣли громы
И собакъ тамъ заливались стаи.
«Трудно будетъ биться намъ съ врагами:
Палицы не переломишь коломъ!»
Такъ Воймiръ, а Чмiръ ему на это:
— Хорошо лишь про-себя то вѣдать!
Лучше быть всегда на все готову!
Развѣ лбомъ ты гору поворотишь?
А лиса проводитъ вѣдь и тура.
Съ высоты Влаславу нашихъ видно:
Такъ придется обойти намъ гору,
Чтобы тѣ, что́ впереди-то идутъ,
Позади за нами очутились;
Тамъ и ну ходить вокругъ вершины! —
И Воймiръ устроилъ дѣло съ Чмiромъ:
Девять разъ, по ихъ наказу, войско
Девять разъ ту гору обходило.
Такъ ихъ силы выростали съ виду,
Такъ враги все болѣе пугались.
Вдругъ вся рать въ кустахъ остановилась
И мечи врагу блеснули въ очи;
Вся вершина будто жаръ горѣла!
Тутъ выходитъ смѣлый Чмiръ съ отрядомъ,
А въ отрядѣ томъ четыре части;

http://rcin.org.pl

Въ ту же пору Трясъ на сопостата
Налетѣлъ изъ-за деревьевъ частыхъ
И враговъ перепугалъ онъ сзади:
Ихъ ряды, смѣшавшись, побѣжали;
Но Воймiръ своей рукою храброй
Заградилъ имъ ночью выходъ въ поле
И ударилъ съ боку на Власлава.
Ухъ! какъ лѣсъ-то затрещалъ широкой:
Словно горы тамъ съ горами бились
И деревья на себѣ ломали!
Тутъ Влаславъ понесся противъ Чмiра;
Встрѣтилъ Чмiръ его ударомъ тяжкимъ;
Закипѣла битва между ними —
И Влаславъ на землю повалился.
По землѣ катается онъ страшно,
Въ бокъ и въ задъ, а справиться не можетъ:
На покой зоветъ его Морена;
Кровь изъ тѣла крѣпкаго струится,
По травѣ бѣжитъ въ сырую землю
И душа изъ теплыхъ устъ порхнула;
Тамъ и сямъ она летала долго,
Съ дерева на дерево, покуда
Не сожженъ былъ на кострѣ убитый (5).
Побѣжали воины Власлава
И ударились, въ испугѣ, въ гору,
Трепеща передъ очами Чмiра,
Что въ бою сразилъ Власлава-князя.
Загремѣли вѣсти о побѣдѣ;
Ихъ Некланъ веселымъ ухомъ слышитъ,
И свою военную добычу
Радостнымъ оглядываетъ окомъ.

---

(5) Чехи-язычники полагали, что душа мертваго не успокоится до тѣхъ поръ, пока не сожгутъ тѣла.

http://rcin.org.pl

ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

Старъ и младъ, внимай разсказу
О бояхъ и ратоборствахъ!
Жилъ когда-то князь за Лабой,
Князь богатый, славный, добрый;
Дочь-краса была у князя,
И ему и всѣмъ по сердцу;
Красотою свѣтъ дивила:
У нея былъ станъ высокой,
Бѣлый ликъ, а на ланитахъ
Расцвѣталъ живой румянецъ;
Очи были, словно небо;
По плечамъ же бѣлоснѣжнымъ
Разсыпались золотыя
Кудри, въ кольца завиваясь.
Князь посламъ велитъ сряжаться —
Звать къ нему бояръ окольныхъ
На великій праздникъ въ городъ.
День уставленный приходитъ:
Все боярство собралося
Изъ земель и странъ далекихъ
На великій пиръ, на праздникъ.
Бубны-трубы загремѣли.
Подошли бояре къ князю,
Подошли и поклонились
Низко князю и княгинѣ,
И княжнѣ, дѣвицѣ красной;
За столы потомъ усѣлись
Всѣ по сану и по роду.
Тутъ прислуга подносила
Яства дивныя боярамъ,
Подносила медъ шипучій.

http://rcin.org.pl

То-то былъ веселый праздникъ!
То-то было пированье!
Въ члены сила набиралась,
Душу бодрость наполла!
Князь сказалъ тогда боярамъ:
«Мужи! тайну я открою,
Для чего собралъ васъ нынѣ:
Мужи славные! хочу я
Испытать теперь, извѣдать,
Кто изъ васъ мнѣ всѣхъ нужнѣе.
Благо ждать войны и въ мирѣ:
Насъ вѣдь Нѣмцы окружаютъ!»
Князь сказалъ — и всѣ бояре
Изъ-за трапезы поднялись
И, поднявшись, поклонились
Низко князю и княгинѣ
И княжнѣ, дѣвицѣ красной.
Бубны-трубы загремѣли.
Изготовились бояре.
Посреди равнины свѣтлой,
На разубранномъ балконѣ
Князь сидѣлъ передъ народомъ
Со своими старшинами;
Близь него была княгиня.
Съ именитыми женами,
И съ подругами Людиша.
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву первый,
Самъ я, князь, того назначу!»
Указалъ онъ на Стребора.
Вызвалъ Стреборъ Людислава.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ;
Другъ на друга поскакали,

http://rcin.org.pl

Долго бились и боролись,
Оба древка изломили
И, отъ боя истомяся,
Вышли вонъ изъ-за ограды.
Бубны-трубы загремѣли.
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ вторымъ на битву,
Пусть княгиня намъ укажетъ!»
И княгиня указала
На Серпоша. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Спитибора.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по острой пикѣ
И помчались другъ на друга.
Выбилъ Серпошъ Спитибора,
Самъ съ коня спрыгнулъ онъ на земь,
За мечи схватились оба —
И запрыгали удары
По щитамъ ихъ по тяжелымъ
И посыпалися искры.
Спитиборъ Серпоша ранилъ,
Тотъ на землю палъ сырую.
Истомясь отъ боя, оба
Вышли вонъ изъ-за ограды.
Бубны-трубы загремѣли.
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву третьимъ,
Пусть Людиша намъ укажетъ!»
И Людиша указала
На Любора. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Болеміра.
На коней садятся оба,
Всякій взялъ по острой пикѣ,
И вскакали внутрь ограды.

http://rcin.org.pl

Другъ на друга понеслися.
Пики вострыя скрестились —
Люборъ выбилъ Болеміра;
Щитъ его далеко прянулъ;
Самого жь его прислуга
Понесла изъ-за ограды.
Бубны-трубы загремѣли.
Люборъ въ бой идетъ съ Рубошемъ.
На коня садится Рубошъ,
Быстро скачетъ на Любора;
Люборъ вмигъ копье Рубоша
Пересѣкъ мечомъ тяжелымъ
И врага въ шеломъ ударилъ.
Рубошъ палъ съ коня на землю
И взяла его прислуга.
Бубны-трубы загремѣли.
Люборъ кликнулъ за оградой:
«Кто теперь со мною хочетъ,
Выходи плечо помѣрять!»
И пошелъ въ народѣ говоръ.
Люборъ ждетъ-стоитъ въ оградѣ.
Вотъ Здеславъ качаетъ пикой,
А на пикѣ турій черепъ (6);
На коня Здеславъ садится,
Горделиво похваляясь:
«Прадѣдъ мой осилилъ Тура,
Разогналъ отецъ мой Нѣмцевъ,
А меня спознаетъ Люборъ!»
Другъ на друга поскакали,
Лбами крѣпкими сразились —
И слетѣли оба съ сѣделъ.
За мечи схватились быстро

(6) Первое употребленіе наслѣдственныхъ знаковъ или гербовъ.

http://rcin.org.pl

И рубиться ими стали;
Гулъ стоялъ отъ ихъ ударовъ;
Люборъ съ боку вдругъ нагрянулъ
И въ шеломъ врага ударилъ
И разбилъ шеломъ на части.
Ихъ мечи потóмъ скрестились:
Выбитъ мечъ изъ рукъ Здеслава,
Полетѣлъ онъ за ограду,
А Здеславъ на землю рухнулъ.
Бубны-трубы загремѣли.
Обступили всѣ Любора,
Повели предъ очи князя,
И княгини, и Людиши;
И княжна вѣнокъ дубовый
Возложила на Любора.
Бубны-трубы загремѣли.

ЗАБОЙ И СЛАВОЙ.

Поднимается скала надъ лѣсомъ;
На скалѣ стоитъ Забой могучій
И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
Возмутился духъ его печалью—
И Забой заплакалъ, что́ твой голубь.
Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ;
Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
Черезъ боръ широкой и пустынный;
Побывалъ у каждаго онъ мужа,
Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался;
Рѣчь держалъ короткую со всякимъ;

http://rcin.org.pl

Преклонялъ чело передъ богами.
И къ другимъ оттуда онъ пускался.
Минулъ день; за нимъ другой проходитъ;
Въ третій день блеснулъ на небѣ мѣсяцъ.
Собрался мужи въ лѣсъ дремучій;
Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
Что́ лежала межь лѣсовъ глубоко.
Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
Въ варито (7) рукою ударяетъ.
«Мужи, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Мужи искренніе взоромъ!
Вамъ пою въ глубокой я долинѣ (8),
Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
Что́ печалью возмутилось!
Нашъ отецъ ушелъ къ отцамъ
И дѣтей покинулъ малыхъ,
И подругъ своихъ покинулъ (9),
Не сказавши никому:
Братъ! поди, поговори ты съ ними,
Какъ отецъ съ родимою семьею!
И пришелъ чужой въ предѣлы наши;
Зашумѣлъ на насъ чужою рѣчью;
И, какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
Такъ и нашимъ женамъ и ребятамъ
Жить велѣлъ, и каждому онъ мужу
По одной велѣлъ держать подругѣ

---

(7) Музыкальный инструментъ со струнами, въ родѣ кобзы. Это слово напоминаетъ греческое βάρβιτον.

(8) Пѣвцы того времени становились или садились во время пѣнія обыкновенно ниже тѣхъ, кому пѣли. Въ подлинникѣ: vãm pěju najniži zdola pieseň. Я сдѣлалъ небольшое отступленіе, дабы сохранить параллель этого стиха съ слѣдующимъ.

(9) Изъ этого стиха видно, что въ Чехіи нѣкогда было многоженство.

http://rcin.org.pl

На пути съ Весны и до Мораны ([10]).
Ясныхъ кречетовъ изъ бору выгналъ
И боговъ, что боги на чужбинѣ,
Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
И святыя сожигать имъ жертвы;
А своимъ никто не смѣй молиться,
И въ потемкахъ приносить имъ пищу.
Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу, —
Онъ посѣкъ священныя деревья,
И боговъ кумиры ниспровергнулъ.»
— Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу
Пѣсню горя, какъ Люміръ ([11]), что́ двигалъ
Вышеградъ ([12]) и всѣ его предѣлы
Пѣснями да крѣпкими словами:
Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ;
Добраго пѣвца и боги любятъ!
Пой! отъ нихъ поешь ты пѣсни;
Что́ мутятъ все наше сердце
Противъ недруга лихаго!—

([10]) Весною называлась у нихъ богиня весны (jara) и молодости, а потомъ и самая весна и молодость. Морана (Morana, иначе Marana, Morena, Morĕna, Morina) была, напротивъ, богиня зимы, смерти, а также и самая зима и смерть. Морана встрѣчается еще въ пѣснѣ «Честміръ и Влаславъ»: Morĕna jej sypaše v noc črnu — Морена препроводила его въ царство черной ночи. Morĕna и до сихъ поръ самое обыкновенное слово у Чеховъ; наприм. они говорятъ: Morĕna na něj sáhla — Смерть ему приключилась. Также существуетъ у нихъ пословица: proti Morĕně není korĕne — отъ смерти нѣтъ лекарства; по-нашему: отъ смерти не уйдешь!

([11]) Древній пророкъ-пѣвецъ.

([12]) Построеніе сего города приписывается нѣкоторыми Любушѣ; но скорѣе можно думать, что онъ былъ при ней возобновленъ. Это подтверждается и стихами изъ «Любушина Суда»:

V Lubušině otně zlatě siedle,
Siedle otně, světě Vyšegradě.

Значитъ: Вышеградъ былъ ея наслѣдственною столицею.

http://rcin.org.pl

Посмотрѣлъ Забой, какъ у Славоя
Разгорѣлись, раскалились очи —
И запѣлъ онъ пѣсню снова,
Чтобъ сердца расшевелились:
«Жило-было двое братьевъ.
Какъ ужь стали голосами
На мужей они похожи,
Всякій день ходили въ рощу
И къ мечу, копью и млату
Пріучали тамъ десницу;
Прятали въ густомъ лѣсу оружье
И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
А какъ стали руки братьевъ крѣпки,
Выходили братья въ бой кровавый.
Втапоры, братишки ихъ другіе
Подростали и во слѣдъ за тѣми
На враговъ летѣли, словно буря;
И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ!»
Всѣ къ Забою, къ молодцу прыгнули
И пѣвца въ объятьяхъ сжали крѣпкихъ,
Клали руки сильныя на перси,
И умно-разумно говорили.
До разсвѣту было ужь недолго.
Выходили изъ долины мужи,
Выходили розно, темнымъ лѣсомъ,
И по всѣмъ дорогамъ разбрелися.
День проходитъ, и другой проходитъ;
А на третій день, какъ ночь настала,
Въ темный лѣсъ пошелъ Забой
И за нимъ пошли дружины;
Въ темный лѣсъ пошелъ Славой
И за нимъ пошли дружины.
Всякъ покоренъ воеводѣ;

http://rcin.org.pl

Королю же всякъ тамъ нѐдругъ,
Всякъ его сгубить замыслилъ.
«Гой еси ты, братъ Славой!
Къ голубой ступай вершинѣ (13),
Что́ надъ всѣмъ поднялась краемъ!
Тамъ собираться надо будетъ.
На востокъ отъ той вершины,
Видишь, лѣсъ идетъ дремучій:
Тамъ рукой ударимъ въ руку!
Пробирайся жь ты лисицей;
Я туда жь приду съ полками.»
— Гой еси ты, братъ Забой!
Для чего оружье наше
Оставлять въ покоѣ долго?
Что́бы грянуть намъ отсюда! —
«Ты послушай, братъ Славой,
Коль известь ты хочешь змѣя,
Наступи ему на горло —
Горло вражье на вершинѣ!»
По́ лѣсу разбились мужи,
И направо и налѣво.
Эти идутъ, слушая Забоя,
Тѣ — по слову храбраго Славоя,
Темнымъ лѣсомъ, къ синей той вершинѣ.
Въ пятый разъ восходитъ солнце красно.
Тутъ вожди другъ другу руку
Подаютъ и лисьимъ окомъ
Съ той вершины озираютъ
Королевскія дружины.
«Насъ однимъ разбить ударомъ
Хочетъ Лодекъ: вишь, полки сбираетъ!

(13) Нельзя точно опредѣлить, какая это была гора. На правомъ берегу Лабы могла быть Бездѣзь (Posig), а на лѣвомъ Громолапъ (Donnersberg) близь Миленова.

http://rcin.org.pl

Эй ты, Людекъ! ты теперь холопомъ
Надъ холопами у нихъ поставленъ!
Палачу ты своему скажи-ка,
Что его приказы — дымъ для нашихъ!»
Разъярился Людекъ;
Войско быстро онъ сзываетъ.
Много свѣту было въ небѣ:
Красно солнце тамъ играло,
И играло красно солнце
На дружинахъ королевскихъ.
Всѣ они въ походъ готовы
И поднять готовы руку,
Коли вождь прикажетъ Людекъ.
«Гой ты, братъ Славой!
Ты зайди лисицей сзади,
Я жъ ударю имъ на встрѣчу!»
И пошелъ Забой, какъ туча съ градомъ,
И Славой пошелъ, какъ туча съ градомъ:
Этотъ съ боку, тотъ ударилъ прямо.
«Братъ! вонъ эти лиходѣи,
Что́ боговъ и насъ низвергли.
Порубили рощи наши,
Ясныхъ кречетовъ прогнали.
Намъ пошлютъ побѣду боги!»
Разозлился Людекъ, заметался;
Онъ изъ полчищъ на Забоя вышелъ;
И Забой, сверкая взоромъ, встрѣтилъ
Людека. Что́ дубъ схватился съ дубомъ
Средь лѣсовъ: такъ Людекъ на Забоя
Налетѣлъ среди обѣихъ ратей.
Людекъ поднялъ тяжкій мечъ
И пробилъ въ щитѣ три кожи;
Тутъ Забой пускаетъ молотъ —
Людекъ въ сторону отпрянулъ;

http://rcin.org.pl

Угодилъ тяжелый молотъ,
Угодилъ онъ въ дубъ высокой —
Дубъ на воиновъ свалился,
И къ отцамъ пошло ихъ тридцать.
Разъярился Людекъ: «Звѣрь ты дикій,
Злющая ты гадина, ехидна!
Ну-ка выйди на мечахъ со мною!»
И махнулъ Забой мечомъ:
Отлетѣлъ у сопостата
Отъ щита большой осколокъ.
Людекъ самъ ударъ заноситъ —
Да скользнулъ булатъ по кожѣ,
Что́ была по сверхъ щита Забоя.
Распалились оба воеводы,
Сыпали тяжелые удары,
И забрызгали другъ друга кровью;
Всѣ въ крови и воины ихъ были,
Что́ вокругъ вождей рубились крѣпко.
На полуднѣ стало солнце
И пошло ужь къ вечеру съ полудня;
Но вожди безъ умолку все бились.
Здѣсь кипѣла яростная сѣча,
Да и тамъ Славой сражался ладно.
«Ахъ ты врагъ безъ угомону!
Чтобы взялъ тебя нечистый!
Что́ ты кровь-то нашу точишь!»
И Забой свой молотъ поднялъ:
Да отпрыгнулъ Людекъ!
Поднялъ тотъ свой молотъ снова
И пустилъ имъ въ сопостата;
Молотъ свистнулъ—вражій щитъ разбился,
И разбились Людековы перси;
А душа изъ тѣла полетѣла;

http://rcin.org.pl

Молотъ выпугнулъ оттуда душу
И пронесся въ войско на пять сажень.
Страхъ напалъ на вражьи рати,
Вырывая вопль изъ ихъ гортани.
У Забоя жь люди веселились
И въ очахъ у нихъ играла радость.
«Братья! боги дали намъ побѣду!
Раздѣлитесь, братья, на двѣ части —
И въ походъ направо и налѣво!
Изо всѣхъ долинъ коней сгоняйте:
Пусть заржутъ они въ дубравахъ этихъ!»
— Братъ Забой! удалый левъ!
Бей враговъ ты безъ пощады! —
Щитъ Забой на землю бросилъ,
Въ руку взялъ тяжелый молотъ,
А въ другую мечъ булатный —
И дорогу межь врагами
Проложилъ себѣ онъ разомъ.
Зашумѣли, дро́гнули дружины!
Тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучій
И они со страху завопили.
Кони ржутъ въ густомъ лѣсу.
«На коней и за врагами!
Черезъ весь ихъ край гоните!
Быстры кони, мчитесь, мчитесь
По пятамъ злодѣевъ нашихъ!»
И отряды на коней вскочили
Скокъ-по-скокъ погнали за врагами,
Сыпля за ударами удары.
Проскакали горы, лѣсъ, равнины —
Справа, слѣва все назадъ бѣжало.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ.
Воины спрыгнули въ рѣку

http://rcin.org.pl

И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.
Все леталъ надъ тѣми надъ полями
На широкихъ крыльяхъ лютый коршунъ.
И гонялъ онъ малыхъ пташекъ.
А дружины смѣлыя Забоя
По полямъ, разсыпавшись, бѣжали
За врагами, ихъ разили всюду
И топтали ярыми конями.
Ночью гнали, какъ свѣтилъ имъ мѣсяцъ;
Гнали днемъ, когда свѣтило солнце.
Тамъ опять скакали ночью,
Тамъ зарей на утрѣ сѣромъ.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ.
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.
«Ну, къ сѣдымъ туда вершинамъ,
Тамъ конецъ кровавой мести.»
— Ты послушай, братъ Забой:
До горы ужь недалеко,
И враговъ немного стало;
Да и тѣ о жизни молятъ! —
«Такъ назадъ веди дружины!
Я жь пойду и доконаю
Всѣхъ послѣднихъ Королевцевъ!»
Въ томъ краю прошли метели;
Въ томъ краю прошли дружины.
Въ томъ краю, направо и налѣво;
Тамъ и сямъ дружины видны,
Крики радостные слышны.

http://rcin.org.pl

«Братъ, ужь вотъ она, вершина,
Гдѣ намъ богп шлютъ побѣду!
Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
И порхаютъ по деревьямъ;
Звѣрь и птицы ихъ боятся,
Не боятся только со́вы.
Погребать пойдемъ убитыхъ,
Да боговъ своихъ покормимъ,
Принесемъ большія жертвы
Имъ, спасителямъ народа;
Возгласимъ и честь и славу
И положимъ все предъ ними,
Что́ у не́друговъ отбили!»

ЗБИГОНЬ.

Сизъ леталъ голубчикъ
По кустамъ зеленымъ;
Высказывалъ горе
Онъ темному лѣсу:
«Ахъ! ты, лѣсъ широкой!
Здѣсь леталъ я прежде
Съ дорого́й подружкой,
Съ голубицей милой;
Да подружку-душку
Збигонь-недругъ отнялъ
И въ каменный городъ
Онъ бѣдняжку заперъ!»
Подъ стѣнами за́мка
Мо́лодецъ гуляетъ;
О красѣ-дѣвицѣ

http://rcin.org.pl

Воздыхаетъ, плачетъ.
Отъ того ли за́мка
Уходилъ онъ въ горы;
На горѣ садился,
И молчалъ онъ долго
Вмѣстѣ съ лѣсомъ темнымъ.
Вотъ летитъ голубчикъ,
Жалобно воркуетъ.
Мо́лодецъ уда́лый
Голубчику молвилъ:
«Что́ ты, сизъ-голубчикъ,
Стонешь такъ и плачешь?
Али одинокимъ
Ты живешь на свѣтѣ?
Али соколъ быстрый
Заклевалъ подружку?
У меня вотъ Збигонь
Милую похитилъ
И въ каменномъ за́мкѣ
Дорогую заперъ.
Ты бы, сизъ-голубчикъ,
Съ соколомъ подрался,
Кабы сердце было
У голубя храбро.
Ты бы вѣдь подружку
У злодѣя отнялъ,
Кабы востры когти
У тебя случились.
Ты задралъ бы, сизый,
Вора-лиходѣя,
Лишь родись ты съ клёвомъ,
Съ крѣпкимъ, плотояднымъ!»
«Мо́лодецъ уда́лый!
Ну-ка поднимайся

http://rcin.org.pl

И ударь ты смѣло
Въ Збигоня-злодѣя!
У тебя, вѣдь, сердце
Нетрусливо, храбро!
У тебя, вѣдь, латы,
Ратные доспѣхи;
У тебя, вѣдь, молотъ,
Молотокъ желѣзный!»
И пошелъ онъ доломъ,
И дремучимъ лѣсомъ;
Взялъ броню съ собою
И желѣзный молотъ.
Вотъ подъ стѣны за́мка
Мо́лодецъ приходитъ.
Былъ онъ подъ стѣнами —
Ночь, ни зги не видно!
Онъ рукою сильной
Постучалъ въ ворота.
«Кто за воротами?»
Изъ за́мка спросили.
— Молодой охотникъ
Ночью заблудился! —
Отперли ворота.
Онъ еще ударилъ:
Отперли другія.
«Гдѣ владыка Збигонь?»
— Въ терему высокомъ! —
Тамъ онъ затворился;
Тамъ краса-дѣвица
Молодая плачетъ.
«Отворяй-ка двери!»
Збигонь не послушалъ.
Мо́лодецъ ударилъ
Молотомъ желѣзнымъ —

http://rcin.org.pl

Распахнулись двери!
Въ голову онъ послѣ
Збигоня ударилъ —
Збигонь повалился.
Юноша по за́мку
Побѣжалъ и въ за́мкѣ
Все побилъ живое;
А потомъ съ подружкой,
Съ дорогою, съ милой,
Спалъ онъ до разсвѣту.
Разъигралось солнце,
Сквозь деревья свѣтитъ
На каменный городъ.
Разъиграласъ радость
У мо́лодца въ сердцѣ,
Что красу-дѣвицу
Обнималъ онъ снова
Сильною рукою.
«Это чья-жь голубка?»
— Збигонь ту голубку
Изловилъ въ дубравѣ
Да и заперъ пташку,
Какъ меня, бѣдняжку! —
«Такъ лети жь, голубка,
Ты теперь изъ за́мка!»
Вотъ и полетѣла
Въ лѣсъ она широкій;
Тамъ и сямъ порхала
Съ кустика на кустикъ;
Со своимъ ли другомъ,
Съ голубочкомъ сизымъ,
На одной на вѣткѣ
Ночку ночевала.

http://rcin.org.pl

Веселилась дѣва
Съ мо́лодцемъ уда́лымъ;
Тамъ и сямъ гуляла,
Гдѣ млада хотѣла.
И спала съ любезнымъ
На одной кровати.

ОЛЕНЬ.

Скачетъ олень по долинамъ,
Прыгаетъ онъ по горамъ,
Носитъ по цѣлому краю,
Носитъ крутые рога́.
Рѣжетъ крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летмя летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.
Хаживалъ мо́лодецъ въ горы,
Доломъ широкимъ на брань;
Тяжкія нашивалъ стрѣлы,
Вражію мочь поражалъ.
Добраго мо́лодца нѣту! —
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалились,
Молотъ желѣзный сверкнулъ
Юношу въ персн ударилъ,
Всплакались темны лѣса;
Вышла изъ мо́лодца, вышла,
Душенька вышла душа!
Горломъ пошла лебединымъ;
Въ алы порхнула уста.

http://rcin.org.pl

Вотъ онъ лежитъ; за душею
Точится теплая кровь;
Кровь молодецкую тихо
Пьетъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонетъ и больно болитъ.
Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочекъ,
Вѣтви пустилъ широко́.
Ходитъ олень круторогой,
Скачетъ на прыткихъ ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу молодомъ.
Быстрые кречеты вьются,
Изъ лѣсу къ дубу летятъ,
Голосомъ жалкимъ выводятъ:
«Молодца врагъ погубилъ!»
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

ВѢНОКЪ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
Изъ дубравы княженецкой.
Прибѣжала красна дѣвка
Зачерпнуть воды на рѣчку.
Глядь: а къ ней вѣнокъ зеленой
По волнѣ плыветъ студёной,
Перевитъ вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.

http://rcin.org.pl

Вотъ она ведро становитъ
И вѣнокъ зеленый ловитъ,
Да ловивши, оступилась,
Въ воду съ берега скатилась.
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый:
Я тому позолочоный
Подарила бы въ гостинецъ
До́рогъ-перстень на мизинецъ.
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Чья рука тебя срывала,
Тонкимъ шелкомъ увивала:
Я тому бы втихомолку
Изъ косы дала иголку([14]).
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый,
На просторъ волны студеной:
Я дала бъ тому вѣночекъ, —
Пусть надѣнетъ милъ-дружочекъ!»

Я Г О Д Ы.

Разъ моя краса-подруга
Въ лѣсъ по ягоду пошла;
Уколола бѣлу ножку
Ей терновая игла,

([14]) Это было украшеніе головы у славянскихъ дѣвушекъ. Онѣ носили также и вѣнокъ, который снимался послѣ свадьбы. Украшеніе, въ родѣ чепца, надѣвали замужнія женщины по рожденіи перваго ребенка.

http://rcin.org.pl

И ступить ужь на дорожку
Красна дѣва не могла.
«Ахъ ты тернъ, ты тернъ колючій,
Что́ со мною сдѣлалъ ты?
Изведу тебя за это,
Вражьи вымету кусты!»
—Подожди въ дубравѣ темной
Ты, красавица, меня:
Дай пригнать мнѣ изъ долины
Бѣлогриваго коня! —
Борзый конь въ долинѣ ходитъ,
Травку-травушку жуетъ;
А въ дубравѣ-то въ зеленой
Молодца подруга ждетъ;
Про себя все тужитъ, тужитъ,
Тихо молвитъ иногда:
«Что-то скажетъ мнѣ родная?
Знать, пришла моя бѣда!
«Мать говаривала: сердце
Ты отъ мо́лодцевъ храни!...
Да чего жь мнѣ ихъ бояться,
Коль со мной добры они?»
На конѣ на бѣлогривомъ
Прискакалъ къ подругѣ я
И серебряной уздечкой
Привязалъ въ лѣсу коня.
Обнялъ крѣпко дорогую,
Цѣловалъ ее въ уста —
И про тернъ, про тернъ колючій
Позабыла красота!
Мы ласкались, миловались;
Солнце къ вечеру пошло.
«Ахъ пора, пора, мой милый;
Намъ домой пора, въ село!»

http://rcin.org.pl

На коня вскочилъ я быстро
И проворною рукой
Обхватилъ красу-дѣвицу
И поѣхалъ съ ней домой.

РОЗА.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
Распустилася такъ рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увяла
И, увянувши, упала!
Долго я вечоръ сидѣла,
Пѣтухи ужь прокричали:
Я млада еще сидѣла;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорѣла.
Я заснула — мнѣ приснилось,
Что съ руки-то у бѣдняжки
Перстенечекъ спалъ завѣтный,
Выпалъ камень самоцвѣтный.
Не нашла я камня снова,
Не дождалась я милова!

КУКУШКА.

Въ чистомъ полѣ росъ дубочекъ,
Тамъ кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вѣчно въ полѣ.

http://rcin.org.pl

Кабы все весна-то въ полѣ,
Какъ бы жито вызрѣвало?
Кабы лѣто вѣчно было,
Какъ бы яблоко доспѣло?
Какъ бы могъ прозябнуть колосъ,
Кабы осень все стояла?
Было бъ горько, было бъ тяжко
Красной дѣвицѣ безъ друга!

СИРОТА.

Ахъ, лѣса, лѣса вы темные,
Вы лѣса-ли Милетинскіе ([15])!
Что́, лѣса, вы зеленѣете
Въ лѣто, въ зиму одинаково?
Рада, рада бъ я не плакала,
Не мутила бы сердечушка:
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачетъ здѣсь?
Гдѣ мой батюшка, родимый мой?
Въ мать-землѣ сырой зарытъ лежитъ!
Гдѣ моя родная матушка?
И надъ нею травка выросла!
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ!
Мила-друга люди отняли!

([15]) Милетинъ, замокъ въ Быджовскомъ округѣ; принадлежалъ нѣкогда владѣтельнымъ князьямъ.

http://rcin.org.pl

ЖАВОРОНОКЪ.

Каноплю красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетъ.
«Что́ смутна ты, что́ печальна?»
Дѣвѣ жаворонокъ молвилъ.
—Какъ могу я жить весельемъ,
Птица-жаворонокъ малый?
Моего мило́ва друга
Посадили въ крѣпкій замокъ!
Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала бы я къ другу
И съ тобой бы въ ту сторонку
Я письмо свое послала.
Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети жь одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогому
Про мою тоску-кручину! —

СЕЙМЪ.

. . . . . .
. . . . . .
Всякъ отецъ надъ челядью владыка:
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежу:
А умретъ глава, начальникъ дома —
Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
И становятъ надъ собой владыку,
Что́ за нихъ всегда на сеймы ходитъ;
Вмѣстѣ съ нимъ для пользы братій ходятъ,
Ходятъ кметы, лехи и владыки.

http://rcin.org.pl

Встали кметы, лехи и владыки ([16]);
Похвалили правду по закону.

ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

Гой, Влетава! что́ ты волны мутишь,
Сребропѣнныя что́ мутишь волны?
Подняла ль тебя, Влетава, буря,
Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
Оросивши главы горъ зеленыхъ,
Разметавши глину золотую?
Какъ Влетавѣ не мутиться нынѣ:
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуютъ крѣпко
Межъ собой за отчее наслѣдье:
Лютый Хрудошъ отъ кривой Отавы ([17]),
Отъ кривой Отавы златоносной,

([16]) Слово кметъ употреблялось различнымъ образомъ: иногда означало оно обыкновеннаго селянина, какъ теперь у Поляковъ kmieć; въ другой разъ кметомъ назывался близкій человѣкъ къ князю, его совѣтникъ, и преимущественно оно имѣло это значеніе. Иногда же подъ словомъ кметъ разумѣлся начальникъ извѣстнаго округа, подобный польскому старостѣ; а въ пѣснѣ «Людиша и Люборъ» означаетъ важнаго сановника. Лехъ—богатый владѣтель, правитель; отъ нихъ впослѣдствіи произошли магнаты. Самое слово лехъ нынѣ исчезло и только слышится въ происшедшемъ отъ него Szlechtic или Szlachcic. Владыка—владѣтель небольшаго участка, мелкій дворянинъ. Изъ нихъ образовалось рыцарство и среднее дворянство. Лехи и владыки могли быть кметами, не переставая носить прежнее названіе.

([17]) Отава, чаще Вотава, рѣка въ южной Чехіи. Въ этой рѣкѣ находили золотой песокъ, почему и городъ, неподалеку оттуда лежащій, называется Pisek. При городѣ Звѣковѣ (Klingenberg) впадаетъ во Влетаву.

http://rcin.org.pl

И Стяглавъ съ рѣки Радбузы ([18]) хладной;
Оба братья, Клеповичи оба,
Оба родомъ отъ стараго Тетвы,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки ([19]) съ полками Чеха.
Прилетѣла сизая касатка,
Отъ кривой Отавы прилетѣла,
На окошкѣ сѣла на шпрокомъ,
Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,
Стольномъ градѣ, свѣтломъ Вышеградѣ:
Зарокотала, заплакала горько.
Какъ сестра касатки той родная
Эти рѣчи въ домѣ услыхала —
Позвала княжну Любушу въ городъ
Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.
Шлетъ пословъ княжна изъ Вышеграда
Святослава кликать изъ Любицы ([20]),

([18]) Рѣка, впадаетъ при Пильзенѣ во Мжу (Mies), которая, называясь далѣе Берункою (Berann), впадаетъ близъ Праги во Влетаву. Свобода говоритъ, что въ этихъ мѣстахъ еще доселѣ сохранилось преданіе о враждованіи двухъ братьевъ.

([19]) Нѣкоторые, выводя Чеховъ изъ Славоніи, полагаютъ, что это были Драва, Рабъ и Дунай; другіе же, которые считаютъ Чеховъ пришельцами изъ Бѣлой Хорватіи, отъ Карпатскихъ Горъ, видятъ въ этихъ трехъ рѣкахъ Вислу, Одру и Лабу, а также и Гронъ, Вагъ и Мораву.

([20]) Любица, близъ Подѣбрадъ. Доброславскій холмъ. Можно думать, что на этомъ мѣстѣ находится теперь Králové Hradec (Königgrätz). Керконоши — Riesengebirge. Сказаніе о Трутѣ, побѣдившемъ Дракона, и до-сихъ-поръ живетъ въ народѣ. Въ гербѣ города Трутнова сохраняется изображеніе дракона. О каменномъ мостѣ упоминается въ грамматѣ князя Спитигнѣви, данной Лютомѣрицкому Собору въ 1057 г. Гдѣ былъ этотъ мостъ — опредѣлить точно невозможно. Сазава — рѣка, вытекающая изъ южной Чехіи; близъ Праги впадаетъ во Влетаву.

http://rcin.org.pl

Отъ Любицы бѣлой и дубравной;
Лютобора витязя, что́ правилъ
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Гдѣ Орлицу пьетъ синяя Лаба;
Ратибора съ Керконошъ высокихъ,
Гдѣ дракона ярый Трутъ осилилъ;
Радована съ Каменнаго Моста,
Ярожира отъ вершинъ ручьистыхъ,
Стрезибора отъ Сазавы злачной,
Саморода со Мжи сребоносной,
Кметовъ, леховъ и владыкъ великихъ,
И Стяглава и Хрудоша братьевъ,
Что́ за отчину враждуютъ крѣпко.
Какъ собрались лехи и владыки
Въ Вышеградѣ у княжны Любуши,
Всякой сталъ по сану и по роду;
Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы,
Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой же мечъ, каратель кривды;
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.
Начала княжна такое слово
Съ золотаго отчаго престола:
«Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Разсудите братьевъ по закону,
Разсудите братьевъ, что́ враждуютъ
Межь собой во отчее наслѣдье.
Вы скажите намъ святую правду
Отъ боговъ всевѣдцевъ присносущихъ:
Вмѣстѣ ль станутъ безъ раздѣла править

http://rcin.org.pl

Иль на части равныя раскинутъ.
Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
Коли вамъ по разуму придется;
А не то, законъ поставьте новый,
Да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.»
Поклонились лехи и владыки,
И пошли про это разговоры,
Разговоры тихіе межь ними,
Въ похвалу рѣчей княжны Любуши.
Лютоборъ, что́ проживалъ далече
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Всталъ и началъ къ ней такое слово:
«О, княжна ты наша въ Вышеградѣ,
На златомъ отеческомъ престолѣ!
Мы твое рѣшенье разсудили;
Прикажи узнать народный голосъ.»
И тогда собрали по наказу
Дѣвы-судьи голоса́ народа,
И въ сосудъ священный положивши,
Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.
Радованъ отъ Каменнаго Моста
Голоса́ народа перечислилъ
И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:
«Сыновья враждующіе Клена,
Братья родомъ отъ стараго Тетвы,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»
Всталъ тутъ Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Закипѣла желчь въ его утробѣ,
Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся

http://rcin.org.pl

И, махнувъ могучею рукою,
Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется!
Горе мужу, если онъ попуститъ
Управлять собой женѣ строптивной!
Мужу должно обладать мужами,
Первородному идетъ наслѣдье!»
Поднялась Любуша на престолѣ,
Молвя: «кметы, лехи и владыки!
Мой позоръ свершился передъ вами —
Такъ творите жь нынѣ судъ и правду
Межь собою сами по закону:
Править вами не хочу я болѣ!
Изберите мужа, да пріиметъ
Власть надъ вами онъ рукой желѣзной,
А рукѣ моей, рукѣ дѣвичьей,
Управлять мужами не подъ-силу!»
Ратиборъ, что́ съ Керконошъ высокихъ,
Всталъ и къ сейму рѣчь такую началъ:
«Намъ не слѣдъ искать у Нѣмцевъ правды,
По святымъ у насъ законамъ правда:
Принесли ту правду наши предки
Черезъ три рѣки на эту землю.»

ПѢСНЯ ПОДЪ ВЫШЕГРАДОМЪ.

Гой ты, солнце ясно,
Вышеградъ нашъ крѣпкій!
Что́ стоишь высоко
Твердою твердыней,
Твердою твердыней,

http://rcin.org.pl

Страхомъ сопостату!
Подъ тобою рѣчка,
Быстры волны катитъ,
Подъ тобою рѣчка,
Ярая Влетава.
Близко той Влетавы,
Той Влетавы чистой,
Выросла дубрава,—
Лѣтняя прохлада.
Весело тамъ пѣсни
Соловей заводитъ,
Весело и смутно:
Какъ его сердечко
Скажетъ и прикажетъ.
Ахъ! зачѣмъ не пташка
Я, не соловейка:
Полетѣлъ бы въ поле:
Тамъ, въ широкомъ полѣ,
Вечерами поздно
Милая гуляетъ.
Всѣхъ объ эту пору,
Всѣхъ любовь тревожитъ;
Всякое созданье
Въ часъ вечерній проситъ
У любви отрады.
Такъ и я, бѣдняга,
Все тужу по милой.
Сжалься, дорогая,
Ты надъ горемыкой!

http://rcin.org.pl

ИЗЪ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЯ

http://rcin.org.pl

ПѢСНЯ ЯРОСЛАВНЫ.

Какъ возго́ворятъ въ Путивлѣ
Ярославна у воротъ:
«Путь-дорогу я узнаю,
Всѣ примѣты отличу
И касаткой по Дунаю
Понесусь и полечу;
На полянѣ тамъ зеленой
Ладу вѣрнаго сыскавъ,
Омочу въ рѣкѣ студеной
Я бобровый мой рукавъ,
И на миломъ тѣлѣ рану,
Нанесенную врагомъ,
Омывать я долго стану
Тѣмъ бобровымъ рукавомъ.»
Какъ возго́ворятъ въ Путивлѣ
Ярославна у воротъ:
«Вѣтеръ вольный, ты гуляешь
По небеснымъ вышинамъ,
Для чего же посылаешь
Стрѣлы вражескія къ намъ?
Или, вѣтеръ, недостало
Голубыхъ тебѣ морей?
Иль на нихъ тебѣ не стало
Бѣлокрылыхъ кораблей?

http://rcin.org.pl

Для чего, когда лелѣялъ
Море синее твое,
По ковыль-травѣ развѣялъ
Все веселіе мое?»
Какъ возгóворитъ въ Путивлѣ
Ярославна у воротъ:
«Днѣпръ могучій, наша слава!
Быстро-водная рѣка!
Выносилъ ты Святослава
Противъ рати Кобяка!
Ребры горъ тобой пробиты;
На своей теперь волнѣ
Изъ чужбины принеси ты
Ладу милаго ко мнѣ,
Чтобы я не горевала
Рано утромъ по зарямъ,
Чтобы слезъ не проливала
По князьямъ-богатырямъ!»
Какъ возгóворитъ въ Путивлѣ
Ярославна у воротъ:
«Солнце, солнышко ты красно!
Озаряя долъ и лѣсъ,
Ты горишь тепло и ясно
Посреди твоихъ небесъ!
Не пылай такъ жарко нынѣ!...
Солнце, солнце, для чего
Истомило ты въ пустынѣ
Рати Лады моего?
Ты согнуло имъ колчаны,
Ты свело у нихъ луки....
Посылаютъ Половчаны
Къ намъ несметные полки....»

http://rcin.org.pl

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

ПѢСНИ О КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

1.

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА (1).

Какъ за ужиномъ сидитъ царь Лазарь,
Съ нимъ сидитъ царица Милица.
Говоритъ царица Милица:
«Ты послушай, государь мой, Лазарь,
Золотая сербская корона!
Ты уходишь завтра на Косово (2),
Воеводъ и слугъ берешь съ собою,
Никого ты здѣсь не оставляешь,
Кто бы могъ къ тебѣ съ письмомъ отъѣхать

(1) Послѣдній сербскій царь. Правилъ съ 1371 по 1389 годъ. Въ этомъ году, 15 іюня, въ Видовъ день, косовская битва рѣшила участь Сербскаго Царства. Милица—дочь воеводы Югъ-Богдана, на которой Лазарь женился еще при жизни царя Стефана, о чемъ поетъ другая пѣсня. (Караджичъ, Т. II, стр. 180).

(2) Косово Поле, отъ К о с — дроздъ, находится въ Европейской Турціи, среди земли, поспвшей у древнихъ имя Дарданіи; оно имѣетъ въ длину около 80 верстъ, а въ ширину до 30. Главный городъ здѣсь Новый-Базаръ (Нови Пазар). Со времени несчастной битвы, все недоброе въ пѣсняхъ Сербовъ случается — н а з л у м е с т у у К о с о в у: и конь покидаетъ господина, и кобчикъ похищаетъ у воробья невѣсту.

http://rcin.org.pl

На Косово и назадъ вернуться.
Ты уводишь моихъ девять братьевъ
Девять братьевъ, Юговичей храбрыхъ;
Хоть единаго изъ нихъ оставь мнѣ,
Чтобъ сестрѣ онъ былъ на защиту!»
Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:
— Государыня моя, Милица!
Ты скажи, кого жь тебѣ оставить? —
«Ты оставь Юговича Бошка!»
Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
— Государыня моя, Милица!
Завтра утромъ, какъ взойдетъ день бѣлый,
День взойдетъ и солнце просіяетъ
И врата отворятся градскія:
Ты ступай и стань подъ воротами,
Какъ пойдетъ рядами наше войско, —
Передъ ними будетъ Юговъ Бошко,
Понесетъ онъ знамя войсковое,
Отъ меня скажи ему ты милость,
Царское мое благословенье,
Чтобы отдалъ, кому хочетъ, знамя
И съ тобою въ теремѣ остался! —
Какъ назавтра утро засіяло,
Отперли ворота городскія,
Выходила госпожа царица
И въ воротахъ самыхъ становилась.
Вотъ идетъ дружина за дружиной,
Борзы кони подъ оружьемъ браннымъ,
Передъ ними былъ Юговичъ Бошко
На конѣ червонномъ, весь во златѣ,
И покрытъ онъ знаменемъ крестнымъ,
До коня покрылся до лихова;
А на знамени насаженъ яблокъ,
Золотымъ крестомъ пріосѣненный,

http://rcin.org.pl

А съ креста висятъ златыя клети,
Падаютъ Юговичу на плечи;
Подошла къ Юговичу царица,
За узду коня остановила,
Обвила руками шею брату
И сказала ему тихо-тихо:
«Милый братъ мой, дорогой Бошко,
Царь тебѣ даетъ благословенье, —
Не ходить съ полками на Косово,
А отдать, кому захочешь, знамя
И со мною въ городѣ остаться,
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
«Воротися ты въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться,
Покидать святое наше знамя,
Хоть дари мнѣ царь свой градъ Крушевацъ!
Что́ тогда заговоритъ дружина:
Окаянный трусъ, измѣнникъ Бошко!
Онъ идти боится на Косово,
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался онъ въ вороты.
Вотъ и старый Югъ-Богданъ съ дружиной:
Семь за нимъ Юговичей позади;
Всѣхъ она проспла по порядку,
Ни одинъ и посмотрѣть не хочетъ!
Малое за тѣмъ проходитъ время,
Выѣзжаетъ и Юговичъ-Воинъ
Съ царскими ретивыми конями,
Были кони въ золотой попонѣ,
И подъ нимъ она коня схватила,
Обвила руками шею брату
И сказала ему тихо-тихо:

http://rcin.org.pl

«Милый братъ ты мой, Юговичъ-Воинъ,
Царь тебѣ даетъ благословенье,
Передать коней, кому желаешь,
И со мною въ городѣ остаться,
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Отвѣчаетъ ей Юговичъ-Воинъ:
«Воротись, сестра, въ свой теремъ бѣлый,
Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться
И коней передавать царевыхъ,
Хоть бы зналъ, что лягу на Косовѣ!
Нѣтъ, я ѣду во чистóе поле,
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался онъ въ вороты.
Какъ царица это услыхала,
Она пала на холодный камень,
Она пала, память потеряла.
Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ
Онъ увидѣлъ госпожу Милицу,
Какъ увидѣлъ онъ, заплакалъ горько,
Посмотрѣлъ направо и налѣво,
Громко кличетъ слугу Голубана:
«Голубанъ, слуга ты мой вѣрный,
Ты покинь свою лошадь бѣлу,
Подними на руки царицу
И снеси ее въ высокъ теремъ,
А ужь грѣхъ тебѣ Господь отпуститъ,
Что не будешь съ нами на Косовѣ!»
Какъ услышалъ Голубанъ тѣ рѣчи,
Залился онъ горькими слезами,
Лошадь бѣлу у воротъ покинулъ,
Взялъ царицу на бѣлыя руки
И отнесъ ее въ высокій теремъ,
Но не могъ онъ одолѣть сердца,

http://rcin.org.pl

Не идти съ братьями на битву:
Воротился, на коня прыгнулъ
И пустился прямо на Косово.
Какъ назавтра зарей, ранымъ-рано,
Прилетѣли два черные врана,
Воронья съ Косова чиста поля
И на теремъ бѣлый опустились,
На высокій Лазаревъ ли теремъ,
Одинъ каркнулъ, а другой молвилъ:
«Это-ль будетъ бѣлый царскій теремъ?
Что-то въ немъ да никого невидно!»
Знать, никто не слышалъ этой рѣчи,
Услыхала госпожа царица,
Передъ теремъ вышла передъ бѣлый,
Тихо молвитъ вороньямъ тѣмъ чернымъ:
«Богъ вамъ въ помочь, черные два врана!
Вы откуда, два врана, такъ рано?
Не съ Косова ль поля боеваго?
Не видали ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?
Не видали ль, какъ онѣ сразились,
И какое войско побѣдило?»
Воронья царицѣ отвѣчаютъ:
«Госпожа царица ты, Милица,
Мы летимъ съ Косова чиста поля,
Видѣли двѣ рати на Косовѣ,
Межь собой онѣ вчера сразились,
Два царя тамъ головы сложили,
Малость малая осталась Турка,
А у Серба, что хоть и осталось,
Все то раны, всѣ-то кровью пьяны!»
Какъ они съ царицей говорили,
Милутинъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,
Держитъ руку правую въ лѣвой;
У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,

http://rcin.org.pl

Весь и конь его кровью о́блитъ.
Говоритъ царица Милутину:
«Что́ съ тобою, Милутинъ мой вѣрный?
Что́ лицемъ ты пасмуренъ, не вёселъ?
Или выдалъ князя на Косовѣ?»
Милутинъ царицѣ отвѣчаетъ:
«Госпожа, спусти меня на́ земь
И умой холодной водою,
Да виномъ облей меня краснымъ:
Одолѣли меня тяжки раны!»
Тутъ съ коня сняла его Милица,
Чистою водой его умыла
И виномъ облила его краснымъ.
Какъ немного Милутинъ ожилъ,
Стала спрашивать его царица:
«Что́, скажи мнѣ, было на Косовѣ?
Какъ погибъ тамъ славный князь Лазарь?
Какъ погибъ тамъ Югъ-Богданъ могучій?
Какъ его Юговичи погибли?
Какъ погибъ тамъ Милошъ воевода?
Какъ погибъ Вукъ Бранковичь смѣлый?
Какъ погибъ Страхинья Бановичь?»
Тутъ слуга разсказывать началъ:
«Всѣ остались на Косовомъ Полѣ!
Гдѣ погибъ нашъ славный князь Лазарь,
Много тамъ поломано копьевъ,
И турецкихъ копьевъ, и сербскихъ,
Только сербскихъ больше, чѣмъ турецкихъ,
Какъ они царя обороняли,
Именитаго Лазаря князя.
Югъ-Богданъ погибъ еще сначала,
Въ самой первой схваткѣ съ басурманомъ;
Тамъ и восемь Юговичей пало,
Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата:

http://rcin.org.pl

Всякій бился, сколько силъ хватило.
Уцѣлѣлъ одинъ Югович-Бошко,
По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
Разогналъ и распугалъ онъ Турокъ,
Словно соколъ голубей пугливыхъ.
Гдѣ въ крови бродили по колѣно.
Тамъ погибъ Страхинья Бановичь,
Милошъ палъ по край рѣки Ситницы,
Край Ситницы, край воды студеной;
Онъ убилъ у нихъ царя Мурата (3)
И еще двѣнадцать тысячъ войска.
Да проститъ тому грѣхи Всевышній,
Кто родилъ намъ Милоша на́ свѣтъ!
По себѣ оставилъ онъ память,
Вѣкъ о немъ разсказывать будутъ.
Пока есть жива душа на свѣтѣ
И стоитъ Косово чисто поле!
А что спрашиваешь ты про Вука:
Будь онъ про́клятъ и съ отцемъ будь про́клятъ!
Про́клятъ будь и родъ его племя:
Онъ царя выдалъ на Ко́совѣ
И увелъ съ собой двѣнадцать тысячъ,
Какъ и самъ, измѣнниковъ лютыхъ.»

2.

ПОГИБЕЛЬ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА.

Какъ летѣлъ ясе́нъ соколъ-птица
Отъ святыни, отъ Ерусалима,
Несъ онъ по́ небу ласточку-птицу;

(3) Амурата.

http://rcin.org.pl

Не ясенъ то былъ соколъ-птица,
А Господень Илія Святитель,
И не ласточку несъ онъ птичку,
А письмо отъ матери Божьей.
Прилетѣлъ онъ на Косово поле
И письмо опускаетъ онъ тихо,
Опускаетъ царю на колѣно;
Такъ письмо царю заговорило:
«Именитый родомъ царь Лазарь!
Ты какого царствія желаешь?
На небѣ ль ты царствовать хочешь?
Иль земнаго тебѣ царства надо?
Коли хочешь ты земнаго царства:
Ты сѣдлай коней своихъ бо́рзыхъ,
Подтяни подпруги имъ тугіе,
Наточи свои мечи булатны
И ударь ты съ братьями на Турокъ:
Все турецкое погибнетъ войско!
А когда желаешь царства въ небѣ —
Ты созижди на Косовѣ церковь,
Заложи не мраморъ въ основанье,
Заложи ты чистый шелкъ да бархатъ,
Причасти и выстрой силу-войско:
Ляжетъ войско все на ратномъ полѣ,
Вмѣстѣ съ нимъ и ты костями ляжешь!»
Какъ услышалъ царь такія рѣчи,
Самъ съ собой раздумывать началъ:
«Боже правый, чего пожелаю
И какого восхощу я царства?
То ли царства восхощу на небѣ?
То ли выберу земное царство?
Коль земнаго царства пожелаю:
Коротко́ земное наше царство,
А небесное во вѣки будетъ!

http://rcin.org.pl

Восхотѣлъ небеснаго онъ царства,
Отрицаясь царствія земнаго;
И построилъ на Косовѣ церковь,
Заложилъ не мраморъ въ основанье,
Заложилъ онъ чистый шелкъ да бархатъ,
Патріарха сербскаго по́звалъ
И двенадесять владыкъ великихъ,
Причастилъ свое честно́е войско,
Причастилъ онъ войско и построилъ,
Лишь построилъ онъ свое войско, —
На Косово ударили Турки.
Выступаетъ Югъ-Богданъ могучій,
Съ девятью своими сыновьями,
Съ девятью своими соколами;
Съ каждымъ было девять тысячъ войска,
Самъ Богданъ ведетъ двѣнадцать тысячъ.
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Семь пашей турецкихъ положили,
А когда пошли противъ восьмаго, —
Палъ предъ войскомъ Югъ-Богданъ могучій,
И легли тутъ всѣ его дѣти,
Девять братьевъ, соколовъ ясныхъ,
И все войско вмѣстѣ съ ними пало.
Марнявчевичей выходитъ трое:
Банъ Углеша, воевода Гойко,
И король Вукашинъ съ ними,
Съ каждымъ было тридцать тысячъ войска.
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Восемь разомъ пашей положили,
Но какъ бить девятаго стали,
Марнявчевичей погибло двое:
Банъ Углеша съ воеводой Гойкомъ,
А король былъ тяжко израненъ,

http://rcin.org.pl

Растоптали его кони вражьи,
Вмѣстѣ съ нимъ и рать его пала.
Выступаетъ герцогъ Степанъ съ войскомъ,
Много было съ герцогомъ войска,
Много войска: шестьдесятъ тысячъ;
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Разомъ девять пашей положили,
Но какъ бить десятаго стали,
Тутъ погибъ самъ герцогъ могучій,
Вмѣстѣ съ нимъ и рать его пала.
Выступаетъ именитый Лазарь;
Много Серба съ Лазаремъ было,
Много Серба: семьдесятъ семь тысячъ;
Разогналъ онъ по Косову Турокъ,
Не даетъ онъ имъ и оглядѣться,
А не только бой какой затѣять.
И совсѣмъ бы одолѣлъ онъ Турокъ,
Только Вукъ, анаѳема прóклятъ!
Выдалъ тестя на Косовомъ полѣ.
Тутъ на князя наскочили Турки,
И погибъ нашъ славный князь Лазарь,
Пала съ нимъ и рать его сила,
Сила-рать, семьдесятъ семь тысячъ.
Все то было свято и преславно
И причастно Господу Богу.

3.

РАЗГОВОРЪ МИЛОША СЪ ИВАНОМЪ.

«Побратимъ ты мой, Иванъ Косанчичь!
Ты выглядывалъ у Турка войско:
Велика ль у нихъ народу-сила?

http://rcin.org.pl

Можно ль съ ними въ полѣ намъ схватиться?
Можно ль будетъ одолѣть ихъ въ полѣ?»
Говоритъ ему Иванъ Косанчичь:
«Побратимъ ты Милошъ мой Обиличь!
Я выглядывалъ у Турка войско:
Много-много идетъ вражьей силы!
Кабы солью всѣ мы обратились,
На обѣдъ бы насъ на стало Туркамъ!
Я ходилъ пятнадцать цѣлыхъ сутокъ
По турецкой по несметной рати:
Не нашелъ ни счету, ни краю:
Какъ отъ Мрамора до Явора Сухова,
А отъ Явора, братъ, до Сазліи,
Отъ Сазліи на̀ мостъ на желѣзный,
А отъ моста вплоть до Звечана,
Отъ Звечана, братъ, до Чечана,
Отъ Чечана до Планинъ (4) высокихъ
Разлеглось турецкое войско:
Витязь къ витязю, къ коню конь борзый,
Пика съ пикой, точно холмъ великой,
Словно тучи бунчуковъ ихъ кучи,
А шатры матёры будто снѣжны горы!
Кабы съ неба въ нихъ ударилъ ливень, —
Ни одна не пала-бъ капля на̀ земь:
Все упало-бъ на коней и войско!
Сѣлъ Муратъ на полѣ на Мазгитѣ,
Обхватилъ онъ Ситницу и Лабу.»
Но еще спросилъ Ивана Милошъ:
«Ты скажи мнѣ, братъ Иванъ Косанчичь,
Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
Обѣщался нашему я князю,

(4) Планина — большая гора.

http://rcin.org.pl

Что пойду и заколю Мурата
И ногой ему подъ горло стану!»
Говоритъ ему Иванъ Косанчичь:
«Глупъ ты, Милошъ, глупъ и неразуменъ!
Гдѣ шатеръ могучаго Мурата? —
Посреди онъ всей турецкой рати;
Хоть возьми у сокола ты крылья
И ударь ты съ неба голубова:
Не осталось бы на тебѣ перьевъ!»
Сталъ тутъ Милошъ умолять Ивана:
«Ты послушай, братъ, Иванъ Косанчичь,
Не родимый, словно какъ родимый!
Ты не сказывай про это князю,
Чтобы не было ему заботы
И чтобъ войско наше не сробѣло;
А скажи ты князю рѣчь такую:
Велика́ у сопостата сила,
Только можно съ ними намъ тягаться
И совсѣмъ ихъ одолѣть можно.
То не рать изъ мо́лодцевъ добрыхъ,
А Хаджіи (5), старики сѣдые,
Да народъ рабочій, не охочій,
Что ни разу бою не видали,
А пошли затѣмъ, чтобъ прокормиться;
Да и это войско у Турчина
Заболѣло разною болѣзнью,
Заболѣли у него и кони,
Заболѣли мокрецомъ и сапомъ.»

---

(5) Хаджи حاجی вообще странникъ, бывшій на поклоненіи гробу Мохаммеда.

http://rcin.org.pl

4.

КОСОВСКАЯ ДѢВУШКА.

Встала рано дѣвица Косовка,
Въ день великій встала, въ воскресенье,
Въ воскресенье прежде красна солнца;
Засучила рукава сорочки,
Засучила вплоть до бѣлыхъ ло́ктей,
Положила на́ плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ воды студеной,
А другой налила виномъ краснымъ,
И пошла она Косовскимъ полемъ,
Посреди побоища проходитъ,
Что́ побоища славнаго князя,
Витязей оглядываетъ мертвыхъ,
А кого найдетъ еще живова,
Чистою водой его умоетъ,
Причаститъ виномъ его краснымъ,
И потомъ накормитъ хлѣбомъ бѣлымъ.
Глядь: лежитъ въ крови уда́лый витязь,
Добрый витязь Павелъ Орловичь,
Молодой царевъ знаменоносецъ,
Онъ въ живыхъ въ ту пору оставался,
Только былъ онъ безъ руки безъ правой,
Безъ ноги безъ лѣвой до колѣна;
Тонки ребра были перебиты,
И виднѣлась бѣлая печенка.
Подняла его красна́ дѣвица,
Подняла она его изъ крови,
Чистою водой его умыла,
Причастила виномъ его краснымъ:

http://rcin.org.pl

Ожилъ витязь удало́й Орловичь,
Говоритъ онъ дѣвицѣ Косовкѣ:
«Ахъ, сестра моя ты, дорогая!
Что́ тебѣ такая за неволя,
Здѣсь въ крови людей ворочать мертвыхъ?»
На побоищѣ кого ты ищешь:
Сына дядина, роднаго ль брата?
Иль отца отыскиваешь старца?»
Отвѣчаетъ дѣвица Косовка:
«Милый братъ, невѣдомый витязь,
Не лежитъ родныхъ моихъ въ полѣ,
Не ищу я дядина сына,
Ни отца, ни брата роднаго;
А ты знаешь, мо́лодецъ, про это,
Какъ нашъ Лазарь причащалъ войско
У святой у церкви Самодрежи,
Три недѣли причащалъ ровно
И съ нимъ было тридцать калугеровъ (6).
Причастилось сербское войско,
А за войскомъ наши воеводы,
Самый первый — воевода Милошъ,
А за Милошемъ Иванъ Косанчичь,
За Косанчичемъ Миланъ Топлица.
Я въ ту пору у воротъ стояла;
Какъ пошелъ нашъ Милошъ воевода,
Добрый мо́лодецъ на бѣломъ свѣтѣ!
По камнямъ стучитъ его сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
Серебромъ на ней салтанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ:

(6) Монаховъ, съ греческаго καλογερος — добрый старецъ. У насъ въ пѣсняхъ калогйръ.

http://rcin.org.pl

На меня, идя, витязь глянулъ,
Снялъ съ себя кольчугу дорогую,
Снялъ съ себя и мнѣ ее подалъ:
«На, возьми ты, дѣвица, кольчугу,
По кольчугѣ ты меня вспомянешь,
Какъ зовутъ меня, провеличаешь;
Я на смерть иду, на погибель,
Съ храбрымъ войскомъ нашего князя;
Ты молись, душа моя, Богу,
Чтобъ изъ бою вышелъ я здравымъ;
И тебѣ я счастье устрою:
Я возьму тебя за Милана,
За Милана, мнѣ по́ Богу брата,
Что́ со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я вамъ буду отцемъ посаженымъ!»
А за нимъ пошелъ Иванъ Косанчичь,
Добрый мо́лодецъ на бѣломъ свѣтѣ!
По камня́мъ стучитъ его сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
Серебромъ на ней салтанъ окованъ;
На груди кальчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ горитъ зо́лотъ перстень;
Обернувшись, на меня онъ глянулъ,
Снялъ съ руки своей зо́лотъ перстень,
Снялъ съ руки и мнѣ его подалъ:
«На, возьми ты, дѣвица, перстень!
Этимъ перстнемъ ты меня помянешь,
Какъ зовутъ меня, провеличаешь;
Я на смерть иду, на погибель,
Съ храбрымъ войскомъ нашего князя;
Ты молись, душа моя, Богу,
Чтобъ оттуда вернулся я здравымъ;

http://rcin.org.pl

И тебѣ я счастье устрою:
Я возьму тебя за Милана,
За Милана, мнѣ по Богу брата.
Что́ со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ:
Я дружкомъ на вашей свадьбѣ буду!»
А за нимъ пошелъ Миланъ Топлица,
Добрый мо́лодецъ на бѣломъ свѣтѣ,
По камня́мъ стучитъ его сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
Серебромъ на ней салтанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ убрусъ золототканный.
На меня, идя, витязь глянулъ,
Снялъ съ руки убрусъ золототканный.
Снялъ съ руки и мнѣ его подалъ:
«На, возьми убрусъ золототканный,
Ты меня убрусомъ тѣмъ помянешь,
Какъ зовутъ меня, провеличаешь;
Я на смерть иду, на погибель,
Съ храбрымъ войскомъ нашего князя;
Ты молись, душа моя, Богу,
Чтобъ оттуда вернулся я здравымъ,
И тебѣ я счастье устрою:
Ты женой мнѣ вѣрною будешь!»
И прошли тѣ три воеводы;
Ихъ-то нынче ищу по Косову!»
Говоритъ ей Павелъ Орловичъ:
«Погляди, сестра дорогая,
Вонъ, ты видишь, ратныя копья:
Гдѣ лежитъ ихъ больше и гуще,
Молодецкая тамъ кровь лилася,
До стременъ она коню хватала,

http://rcin.org.pl

До стременъ и до поводьевъ самыхъ,
Добру мо́лодцу по самый поясъ, —
Тутъ легли всѣ три воеводы.
Ко дворамъ ты бѣлымъ воротися:
Что́ кровавить рукава и полы!»
Какъ услышала она эти рѣчи,
Пролила горючія слезы,
Ко дворамъ своимъ вернулась бѣлымъ,
Зарыдавши громко и жалко:
«На роду написано мнѣ горе:
Подойду лишь къ зе́лену я дубу —
Глядь: зеленый выцвѣлъ и высохъ!»

5.

ЮРИШИЧЬ-ЯНКО.

Кто-то стонетъ въ городѣ Стамбулѣ:
То ли вила ([7]), то ли чуя ([8]) злая?
То не вила, то не чуя злая:
Стонетъ мо́лодецъ Юришичь-Янко,
И не даромъ день и ночь онъ стонетъ:
Янко запертъ въ темную темницу,
Въ ней три года мо́лодецъ бѣдуетъ,
У Тирьянскова царя, у Сулеймана;
Тамъ ему и тяжело и горько,
Такъ и стонетъ вечеромъ и утромъ,
Надоѣлъ ужь и стѣнамъ холоднымъ,
А не только царю Сулейману.
Вотъ приходитъ Сулейманъ Тирьянской,

([7]) Горная нимфа.
([8]) Змѣя.

http://rcin.org.pl

Онъ приходитъ къ воротáмъ темницы,
Кличетъ громко Юришича-Янка:
«Будь ты прóклятъ, гяýръ окаянный!
Чтó съ тобою за бѣда такая,
Что все воешь ты въ моей темницѣ?
Не поятъ тебя, или не кормятъ?
Или плачешь по какой гяуркѣ?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говорить ты воленъ, царь, чтó хочешь!
Но не жажду я, не голодую,
Только горько мнѣ и раздосадно,
Что попался я къ тебѣ въ темницу,
Доняла меня твоя темница!
Ради Бога, царь-султанъ великій,
Сколько хочешь попроси за выкупъ,
Но пусти мои отсюда кости!»
Сулейманъ ему на это молвитъ:
«Брешишь, гяýръ, Янко окаянный!
Твоего мнѣ выкупа ненадо,
Но мнѣ надо, чтобъ сказалъ ты правду,
Какъ зовутъ тѣхъ воеводъ могучихъ,
Чтó мое все войско всполошили,
Какъ мы шли Косовскимъ чистымъ полемъ.»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говори ты, царь-султанъ, чтó хочешь,
Я скажу всю истинную правду:
Самый первый сильный воевода,
Чтó посѣкъ и разогналъ всѣхъ Турокъ,
Потопилъ и въ Ситницѣ и въ Лабѣ, —
Это былъ самъ королевичь Марко.
А другой великій воевода,
Чтó разбилъ большую рать у Турокъ,
Это будетъ Огникъ-Недоростокъ,
Милый Сестричь воеводы Марка.

http://rcin.org.pl

А послѣдній славный воевода,
Что́ сломалъ свою кривую саблю
И что́ Турокъ навздѣвалъ на пику
И погналъ передъ собою въ Лабу,
Въ Лабу и студеную Ситницу, —
Этого зовутъ Юришичь-Янко,
Что сидитъ, султанъ, въ твоей темницѣ —
Учини надъ нимъ теперь что́ хочешь!»
Говоритъ на то султанъ Тирьянской:
«Вотъ какой ты гяуръ окаянный!
Ну, скажи, какой ты хочешь смерти?
Хочешь, въ морѣ мы тебя утопимъ,
Или, хочешь, на огнѣ изжаримъ,
Или къ репицамъ коней привяжемъ:
Разнесутъ они тебя на части?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говорить ты воленъ, царь, что хочешь!
Но вѣдь муки никому не милы,
А коль смерти миновать не можно,
Такъ послушай: я тебѣ не рыба,
Чтобы въ море ты меня закинулъ;
Я тебѣ не дерево-колода,
Чтобы вы огнемъ меня спалили;
Не блудница, чтобъ меня конями
Приказалъ ты разорвать на части,
Но изъ добрыхъ витязей я витязь:
Дай же ты разбитую мнѣ лошадь,
Что́ стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакова бою не глядѣла;
Да еще тупую дай мнѣ саблю,
Тридцать лѣтъ нето́ченую вовсе,
Что́ и въ битвѣ съ-роду не бывала,
А лежала ржавчиной покрыта
И забыла изъ ноженъ ужь лазить;

http://rcin.org.pl

А потомъ пусти меня ты въ поле,
И за мною двѣсти янычаровъ:
Пусть они меня на сабли примутъ,
Пусть погибну я, какъ добрый витязь!»
Сулейманъ Юришича послушалъ,
Далъ ему разбитую онъ лошадь,
Что́ стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакова бою не глядѣла;
Далъ еще ему тупую саблю,
Тридцать лѣтъ нето́ченую вовсе,
Что́ и въ битвѣ съ-роду не бывала,
А лежала ржавчиной покрыта,
И забыла изъ ноженъ ужь лазить;
Выпустилъ потомъ онъ Янка въ поле,
И за нимъ двѣ сотни янычаровъ.
Какъ схватилъ коня Юришичь-Янко,
Началъ бить въ бока его ногами:
Конь понесся по чисто́му полю,
Вслѣдъ за Янкой двѣсти янычаровъ;
Впереди одинъ уда́лый Турка,
Онъ задумалъ снесть башку у Янки,
Чтобы взять подарокъ отъ султана,
И совсѣмъ нагналъ-было онъ Янку,
Только Янко скоро спохватился,
Онъ бѣду надъ головою видитъ,
Помянулъ онъ истиннаго Бога,
Хвать рукой могучею за саблю,
Разомъ дернулъ — выскочила сабля,
Какъ сейчасъ откованная только;
Выждалъ Янко молодова Турка,
И на саблю басурмана принялъ,
Поперегъ его ударилъ тяжко —
И съ коня двѣ пали половины.
Подскочилъ Юришичь, мигомъ бросилъ

http://rcin.org.pl

Онъ свою неѣзженную лошадь,
На коня турецкаго метнулся,
Изъ ноженъ у Турки вынулъ саблю,
И пошелъ косить онъ янычаровъ,
Половину ихъ посѣкъ онъ саблей,
А другую онъ пригналъ, какъ стадо,
Къ самому султану Сулейману,
А потомъ, и здравъ, и цѣлъ, и веселъ,
Онъ домой поѣхалъ чистымъ полемъ.

http://rcin.org.pl

II.

РАЗНЫЯ ПѢСНИ.

6.

ПОСТРОЕНІЕ СКАДРА (9).

Трое братьевъ городили городъ, —
Марлявчевичи звалися братья;
Вукашинъ король былъ первый стройщикъ,
А другой Углеша воевода,
Третій строилъ Марлявчевичь Гойко, —
Городъ Скадаръ на рѣкѣ Боянѣ.
Ровно три года городятъ городъ,
Ровно три года, рабочихъ триста,
Но не могутъ и основу вывесть,
А куда ужь весь поставить городъ!
Что́ работники построятъ за́ день,
То повалитъ злая вила за́ ночь.
Какъ четвертое настало лѣто,
Слышутъ, вила кличетъ изъ Планины:
«Вукашинъ, не мучься ты задаромъ,
Не губи добра ты понапрасну:
Не видать тебѣ и основанья,
А куда ужъ весь поставить городъ,
Коли сходныхъ не найдешь двухъ прозвищъ,

(9) Скутари.

http://rcin.org.pl

Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
И подъ башню ихъ ты не заложишь,
А заложишь, — будетъ основанье
И построишь Скадаръ на Боянѣ!»
Какъ тѣ рѣчи Вукашинъ услышалъ,
Подзываетъ слугу Десимира:
«Десимиръ, мое милое чадо!
Былъ донынѣ ты моимъ слугою,
Будь отнынѣ моимъ сыномъ милымъ!
Запрягай ты ко́ней въ колесницу,
Шесть кулей бери добра съ собою,
Поѣзжай по бѣлому ты свѣту,
Двухъ ищи ты одинакихъ прозвищъ
Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
Добывай за деньги, или силой,
И вези ихъ въ Скадаръ на Бояну:
Мы заложимъ ихъ подъ башню въ камень.
Такъ поставимъ граду основанье
И построимъ Скадаръ на Боянѣ.»
Какъ услышалъ Десимиръ тѣ рѣчи,
Снарядилъ коне́й и колесницу,
Шесть кулей добра съ собой насыпалъ
И поѣхалъ онъ по бѣлу свѣту;
Ѣздитъ, ищетъ одинакихъ прозвищъ,
Ѣздитъ, ищетъ Стою и Стояна.
Ужь три года Десимиръ проѣздилъ,
Не нашелъ онъ одинакихъ прозвищъ,
Не нашелъ онъ Стою и Стояна,
И назадъ пріѣхалъ къ Вукашину,
Отдаетъ коней и колесницу,
И кули, какъ были, вынимаетъ:
«Вотъ тебѣ кони́ и колесницу,
Вотъ и все добро твое, богатство!

http://rcin.org.pl

Не нашелъ я схожихъ двухъ прозвищъ,
Не нашелъ я Стою и Стояна!»
Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
Призываетъ онъ зодчаго Рада,
Зодчій кличетъ всѣхъ людей рабочихъ,
Стали строить Скадаръ на Боянѣ.
Зодчій строитъ, злая вила валитъ,
Не дастъ и основанья вывесть,
А не только весь построить городъ,
И опять съ горы заголосила:
«Эй король, не мучься ты задаромъ,
Не губи добра ты понапрасну,
Коль не можешь и основу вывесть,
Такъ куда жь тебѣ построить городъ!
Но послушай моего совѣту:
Васъ три брата на рѣкѣ Боянѣ,
И у всякаго по вѣрной любѣ,
Чья придетъ сюда поутру прежде
И рабочимъ принесетъ обѣдать,
Заложите вы тое подъ камень:
Основанье граду будетъ крѣпко,
Ты построишь Скадаръ на Боянѣ.»
Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
Призываетъ онъ родимыхъ братьевъ,
Говоритъ имъ: «братья дорогіе,
Вонъ съ горы что говоритъ мнѣ вила:
Вишь добро мы понапрасну губимъ,
Ни за что намъ съ вилою не сладить,
Основанья не дастъ она вывесть,
А куда ужь весь построить городъ!
Да сказала, что вотъ насъ три брата
И у всякаго по вѣрной любѣ:
Чья придетъ поутру на Бояну
И рабочимъ принесетъ обѣдать,

http://rcin.org.pl

Заложить тое велитъ подъ башню:
Такъ поставимъ граду основанье
И построимъ Скадаръ на Боянѣ.
Только, братья, заклинаю Богомъ,
Чтобъ ни чья про то не знала люба,
Мы оставимъ это имъ на счастье:
Чья пойдетъ, та и пойдетъ съ обѣдомъ!»
И другъ дружкѣ братья клятву дали,
Что никто своей не скажетъ любѣ.
Такъ застала ихъ пора ночная,
Ко дворамъ они отходятъ бѣлымъ
И за ужинъ сѣли за господскій,
А потомъ пошли въ опочивальни.
Но великое свершилось чудо:
Вукашинъ не удержался первый.
Разсказалъ онъ все подругѣ-любѣ:
«Ты послушай, люба дорогая,
Не ходи ты завтра на Бояну
И рабочимъ не носи обѣдать,
А не то себя, душа, погубишь:
Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
И Углеша клятвы не исполнилъ,
Разсказалъ и онъ подругѣ-любѣ:
«Ты послушай, люба дорогая!
Не ходи ты завтра на Бояну
И рабочимъ не носи обѣдать,
А не то себя, душа, погубишь:
Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
Лишь одинъ не посрамился Гойко,
Не сказалъ своей ни слова любѣ.
Какъ назавтра утро засіяло,
Встали братья и пошли на стройку.
Часъ обѣда настаетъ рабочимъ,
А черёдъ за любой Вукашина,

http://rcin.org.pl

Вотъ идетъ она къ своей невѣсткѣ,
Къ молодой Углешиной хозяйкѣ,
Говоритъ: «невѣстка дорогая!
Помоги, не можется мнѣ нынче,
Голову мнѣ съ вѣтру разломило:
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
Но Углешина подруга молвитъ:
«Ахъ, невѣстка, радостью бы рада,
Да рука сегодня заболѣла,
По просп ужь ты сноху меньшую!»
Та приходитъ къ Гойкиной подругѣ,
Говоритъ: «невѣстка дорогая,
Помоги, неможется мнѣ нынче,
Голову отъ вѣтру разломило,
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
Люба Гойки ей на это молвитъ:
«Матушка ты наша, королева,
Отнесла бы я тебѣ съ охотой,
Да еще ребенка не купала
И полотенъ не стирала бѣлыхъ!»
Вукашиниха на это молвитъ:
«Ты поди, невѣстка дорогая,
Отнеси обѣдъ рабочимъ людямъ,
А ребенка я тебѣ помою
И полотна выстираю бѣлы.»
Нѣчего, пошла подруга Гойки,
Понесла обѣдъ рабочимъ людямъ;
Какъ пришла она къ рѣкѣ Боянѣ,
Увидалъ свою подругу Гойко,
Стало Гойкѣ раздосадно-горько,
Стало жаль ему подруги вѣрной,
Стало жаль и малаго ребенка,
Что́ глядѣлъ на бѣлый свѣтъ лишь мѣсяцъ:
Слезы пролилъ Марлявчевичь Гойко;

http://rcin.org.pl

Издали его узнала люба,
Тихой поступью къ нему подходитъ,
Говоритъ ему такое слово:
«Что съ тобою, господинъ мой добрый,
Что ты ронишь нынче горьки слезы?»
Отвѣчаетъ Гойко Марлявчевичъ:
«Ахъ, душа ты, вѣрная подруга!
Приключилось горькое мнѣ горе:
Яблоко пропало золотое,
Укатилось въ быструю Бояну:
Вотъ и плачу, слезъ не одолѣю!»
Но не тужитъ Гойкина подруга,
Говоритъ она, смѣючись, мужу:
«Лишь бы ты мнѣ былъ здоровъ и веселъ,
А про яблоко чего крушиться:
Наживемъ мы яблоко и лучше!»
Тутъ еще ему горчѣе стало,
Отъ своей онъ любы отвернулся
И смотрѣть ужь на нее не можетъ.
Подошли тогда родные братья,
Деверья его подруги-любы,
За бѣлы ее схватили руки,
Повели закладывать подъ башню,
Призываютъ зодчаго на стройку,
Зодчій со́бралъ всѣхъ людей рабочихъ,
Но смѣется Гойкина подруга,
Думаетъ, что съ нею шутки шутятъ.
Стали въ городъ городить бѣднягу,
Навалили тѣ триста рабочихъ,
Навалили дерева и камню,
Что́ коню бы стало по колѣно;
Люба Гойки все еще смѣется,
Думаетъ, что съ нею шутку шутятъ.

http://rcin.org.pl

Навалили тѣ трпста рабочихъ.
Навалили дерева и камню,
Что́ коню бы по́ поясъ хватило;
Какъ осѣло дерево и камень,
Увидала Гойкина подруга,
Что бѣда у ней надъ головою,
Взвизгнула змѣею мѣдяницей,
Деверьямъ своимъ взмолилась жалко.
«Ради Бога, братья, не давайте
Загубить мнѣ молодъ вѣкъ зеленый!»
Такъ молила да не умолила:
Ни одинъ и поглядѣть не хочетъ.
Тутъ зазоръ и срамъ она забыла,
Господину своему взмолилась:
«Не давай ты, господинъ мой добрый,
Городить меня подъ башню въ городъ,
Но поди ты къ матушкѣ родимой,
У пея добра въ дому найдется,
Пусть раба или рабыню купитъ:
Заложите ихъ подъ башню въ камень!»
Такъ молила да не умолила —
И когда увидѣла бѣдняга,
Что мольба ей больше не поможетъ,
Зодчему тогда она взмолилась:
«Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій,
Прорубп моимъ грудямъ окошко,
Бѣлые сосцы наружу выставь:
Какъ придетъ сюда мой соколъ Ваня,
Пососетъ онъ материнской груди!»
Какъ сестру ее послушалъ зодчій,
Прорубилъ ея грудямъ окошко
И сосцы ей выставилъ наружу,
Чтобы могъ, придя, ея Ванюша
Покормиться материнской грудью.

http://rcin.org.pl

Снова зодчему она взмолилась:
«Побратимъ ты, побритимъ мой зодчій!
Прорубп моимъ очамъ окошко,
Чтобъ глядѣть мнѣ на высокій теремъ,
Коли Ваню понесутъ оттуда
И назадъ съ нимъ къ терему вернутся.»
И опять сестру послушалъ зодчій:
Прорубилъ ея очамъ окошко,
Чтобъ глядѣть на теремъ ей высокій,
Какъ оттуда понесутъ къ ней Ваню
И назадъ съ нимъ къ терему вернутся.
Такъ ее загородили въ городъ,
Всякій день носили къ ней Ванюшу;
Восемь дней она его кормила,
На девятый потеряла голосъ,
Но кормила Ваню и опослѣ:
Цѣлый годъ его туда носили.
И понынѣ у людей въ помннѣ,
Что бѣжитъ будто и каплетъ
Ради чуда молоко оттуда
И приходятъ жены молодыя
Грудью той лечить сосцы сухіе.

7.

ВАПЯ-ГОЛАЯ КОТОМКА.

Какъ пируетъ самъ король Янёка
Во Янёкѣ, въ городѣ бѣломъ,
Съ нимъ пируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ;
Вдругъ подходитъ мо́лодецъ уда́лый;

http://rcin.org.pl

Чу́дная на мо́лодцѣ одёжа:
У чакчиръ прорѣхи на колѣняхъ,
У долмана провалились локти,
Сапоги — заплата на заплатѣ,
А рубашки не было и вовсе;
По чакчирамъ златолитый поясъ,
А за нимъ турецкіе кинжалы,
Рукояти въ серебрѣ и златѣ,
У бедра привѣшенъ палашина,
Палашина мѣрой въ три аршина.
Кабы знали, какъ юна́ка (10) звали,
Звали: Ваня-Голая Котомка.
Подошелъ онъ прямо къ капитанамъ,
Подошелъ онъ, Божью помочь на́звалъ.
Капитаны Ванѣ поклонились,
Съ королемъ его сажаютъ рядомъ,
Тридцать чашъ ему вина подносятъ:
Выпилъ разомъ не моргнувши глазомъ!
Стали пить опослѣ капитаны,
Говорятъ они юна́ку Ванѣ:
«Эхъ ты Ваня, голытьба Янёцкій!
Для чего не хочешь ты жениться!
Насъ пируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ,
Всякій Ванѣ приберегъ невѣсту,
Кто сестру, а кто и дочь родную,
Попроси, какую пожелаешь
И отказа мо́лодцу не будетъ!»
Говоритъ имъ изъ Янёка Ваня:
«Честь и слава всѣмъ вамъ, капитаны,
И спасибо вамъ на добромъ словѣ,

(10) Юна́къ — добрый мо́лодецъ, витязь. Отсюда героическія пѣсни Сербовъ названы юнацкими.

http://rcin.org.pl

Но зарокъ я положилъ предъ Богомъ,
Положилъ зарокъ я не жениться
Ни на Сербкѣ и ни на Латинкѣ,
А на дочери Аги-Османа
Изъ турецкаго Удбина-града.»
Капитаны всѣ переглянулись,
Межь собой смѣются втихомолку.
Стало Ванѣ горько и досадно,
Что надъ нимъ смѣются капитаны,
Бросилъ пить онъ, всталъ на легки ноги,
Никому гостямъ не поклонился,
нВизъ идетъ по лѣстницѣ высокой,
Палашомъ пересчиталъ ступени;
Онъ идетъ къ себѣ въ свой теремъ свѣтлый,
Сундуки большіе отпираетъ,
Достаетъ богатую одежду:
Достаетъ онъ тонкую сорочку,
По́ поясъ изъ се́ребра и злата,
Отъ пояса бѣлую шелко́ву,
Ту сорочку Ваня надѣваетъ,
Сверхъ сорочки надѣваетъ куртку,
А на куртку золотой до́лманъ,
По долма́ну кованыя латы,
Были латы шелкомъ подосла́ты;
Надѣваетъ на голову шапку,
А на шапкѣ было девять перьевъ,
Да еще десятая челенка,
Изъ челенки три висѣло кисти,
По плечамъ мотаются и бьются;
Да крыло изъ камней самоцвѣтныхъ,
Что́ лицо ему оборопяло
Отъ погоды и отъ стужи лютой;
Надѣваетъ на ноги чакчиры,
Желтые чакчиры до колѣна,

http://rcin.org.pl

Словно птица желтоногій соколъ;
Надѣваетъ златолитый поясъ,
Затыкаетъ за поясъ кинжалы
И четыре гданскихъ (11) пистолета;
Прицѣпляетъ свой палашъ булатный
И коня выводитъ изъ конюшни,
Добраго коня себѣ выводитъ,
Достаетъ богатое сѣдельце
И чапракъ зеленый пограничный,
Что́ живетъ у пограничныхъ Турокъ;
На коня садится онъ и ѣдетъ,
Ѣдетъ Ваня, держитъ темнымъ лѣсомъ,
Въ Огорѣльцы къ ночи пріѣзжаетъ,
Въ Огорѣльцахъ ночь его застала,
А на зорькѣ былъ онъ подъ Удбиномъ,
Ѣдетъ прямо къ терему Османа;
Какъ подъѣхалъ, кашлянулъ и смотритъ:
Кто-то свѣсилъ изъ окошка руку;
Шопотомъ опрашиваетъ Ваня:
«Чья рука въ окошкѣ показалась?
То ль вдовицы, то ль красы-дѣвицы?»
Отвѣчаетъ голосъ изъ окошка:
«Не вдовицы, а красы-дѣвицы,
Милой дочери Аги-Османа!»
Говоритъ сей Ваня изъ Янёка:
«О, Фатима, красная дѣвица!
Покажися, выглянь изъ окошка,
Чтобы могъ я вдосталь нагладѣться:
Приходилъ я, кланяться три раза
Твоему отцу Агѣ-Осману
И просилъ тебя себѣ въ замужство,
Да не хочетъ, знать, тебя онъ выдать;

(11) Гданскъ — Данцигъ.

http://rcin.org.pl

Вотъ и ѣду въ городъ я Кладушу,
Чтобъ посватать Мунну Хайкуну.»
Какъ услышала про то Фатима,
Говоритъ Ивану изъ Янёка:
«Кто жь ты будешь молодецъ удалый
И откуда племенемъ и родомъ?»
Отвѣчаетъ Ваня изъ Янёка:
«О, Фатима, красная дѣвица!
Я изъ града бѣлаго Баграда,
А зовутъ меня Баградскій Муйо.»
Говоритъ ему краса-дѣвица:
«Загони скорѣй коня въ конюшню,
Какъ Османъ вернется изъ Планины,
Мы ужо его попросимъ вмѣстѣ!»
Говоритъ ей Ваня изъ Янёка:
«О, Фатима, ясное ты солнце!
Передъ Богомъ далъ себѣ я клятву,
Чтобъ къ Осману больше мнѣ не ѣздить;
Коли хочешь вѣковать со мною,
Соберись ты, приберись въ дорогу,
Подожду я полчаса, недолго,
Выходи, садися и поѣдемъ!»
Повернулъ коня онъ воронова,
А Фатима изъ окошка кличетъ:
«Подожди ты полчаса, недолго:
Соберусь я, приберусь въ дорогу
И съ тобою вмѣстѣ мы поѣдемъ!»
Слѣзъ съ коня онъ, на траву садится
И свою Фатиму поджидаетъ.
Шумъ и звонъ пошелъ изъ бѣлой башни,
Зазвенѣли кольца, ожерелья,
Зашумѣла шелковая ферязь,
Застучали туфли и папучи —
И выходитъ ясная Фатима,

http://rcin.org.pl

Подъ полой несетъ мѣшокъ червонцевъ,
А въ рукѣ тяжеловѣсный кубокъ,
Чтобъ вина у ней напился Муйо;
Передъ нимъ она вино становитъ
И цалуетъ Муйо въ праву руку,
Тотъ ее межь черными очами;
Выпилъ кубокъ, взялъ себѣ червонцы,
Привязалъ ихъ у луки́ сѣдельной,
На коня садится воронова,
Подаетъ Фатимѣ бѣлу руку
И сажаетъ на сѣдло позади,
Вкругъ нее обматываетъ поясъ,
Ѣдетъ прямо на гору-Планину,
Какъ доѣхалъ до горы-Планины,
Три увидѣлъ онъ пути широкихъ:
Въ городъ Нишу, въ городъ Шибенику,
А и третій въ градъ Баградъ турецкій.
Говоритъ ему Фатима сзади:
«Ты послушай изъ Баграда Муйо!
Я слыхала отъ отца Османа
Про пути-дороги по Планинѣ:
Ты не ѣдешь въ градъ Баградъ турецкій,
Ѣдешь Муйо ты въ Янёкъ гяурскій.»
Отвѣчаетъ изъ Янёка Ваня:
«О, Фатима, красная-дѣви́ца!
Я не Муйо изъ Баграда града,
А я чай, слыхала ты про Ваню,
По прозванью Голая-Котомка:
Такъ я буду этотъ самый Ваня!»
Тутъ спустились подъ гору Планину,
Видятъ: скачетъ мо́лодецъ уда́лый,
Конь въ крови по самыя колѣни,
А ѣздокъ по самые по локти;
Повстрѣчался и съ коня онъ кличетъ:

http://rcin.org.pl

«А, здорово, изъ Янёка Ваня!»
— Богъ на помощь, изъ Баграда Муйо!
Гдѣ гулялъ ты и откуда ѣдешь?
Не отъ насъ ли изъ Янёка града?
Гдѣ жь твоя дружина удалая?»
Отвѣчаетъ изъ Баграда Муйо:
«Точно, былъ я у тебя въ Янёкѣ,
Взялъ съ собою тридцать провожатыхъ,
Да напали на меня пандуры ([12]),
Изрубили всю мою дружину,
Я посѣкъ ихъ пятьдесятъ-четыре
И уѣхалъ на конѣ ретивомъ.
Ты откуда, изъ Янёка Ваня?
Не отъ насъ ли изъ Баграда града?
Гдѣ жь твоя дружина удалая?»
Отвѣчаетъ Ваня изъ Янёка:
«Нѣтъ со мною никакой дружины;
Силы-рати не хочу я брати,
Съ вѣрой въ Бога мнѣ вездѣ дорога!
Ѣду я изъ города Удбина,
Изъ Удбина, отъ Аги-Османа,
Я похитилъ дочь его Фатиму —
Посмотри: сидитъ за мною сзади!»
Говоритъ красавица-дѣвица:
«Будь ты проклятъ, изъ Баграда Муйо!
Прогулялъ съ побоищемъ невѣсту!
Онъ сманилъ меня твоимъ прозваньемъ,
Не назвался Ваней изъ Янёка:
А назвался изъ Баграда Муйо.»
Какъ услышалъ Муйо эти рѣчи,
Говоритъ онъ Ванѣ изъ Янёка:
«Ой ты, Ваня Голая-Котомка!

([12]) Пограничные объѣздчики.

http://rcin.org.pl

Вотъ какой ты гяуръ окаянный,
На чужія прозвища ворусшь!»
Вынулъ Муйо пистолетъ турецкій
И стрѣляетъ онъ изъ пистолета
Не по Ванѣ, по коню лихому,
Чтобъ Фатиму сзади не поранить;
Ткнулся конь, подъ Ваню спотыкнулся,
Придавилъ онъ Ванѣ праву ногу,
А Турчинъ коня лихова гонитъ,
Чтобъ башку скорѣй Ивану срѣзать,
Только ногу высвободилъ Ваня,
Достаетъ онъ пистолетъ свой гданскій,
Выстрѣлилъ изъ пистолета въ Муйю:
Знать, была судьба такая Муйю —
Угодилъ ему онъ прямо въ сердце.
Взялъ коня лихова изъ-подъ Турки,
Сѣлъ, Фатиму за собою бросилъ,
И помчался къ городу Янёку,
Онъ помчался, а Турчинъ кончался.
Подъѣзжаетъ Ваня изъ Янёка,
Подъѣзжастъ къ городскимъ воротамъ,
Какъ увидѣла Ивана стража,
Побѣжала къ королю съ докладомъ:
«Воротился нашъ удалый Ваня,
Съ нимъ Туркиня да и конь турецкій!»
Но король, покуда не увидѣлъ,
Ничьему докладу не повѣрилъ.
А увидѣлъ — подозвалъ онъ Ваню,
Три́ раза въ чело его цалуетъ
И такое задалъ пированье,
Словно землю захватилъ большую:
Цѣлый день велѣлъ палить изъ пушекъ.
Окрестилъ свою Фатиму Ваня,

http://rcin.org.pl

Зажилъ съ нею, какъ съ женой своею,
Только встанутъ, цаловаться станутъ.

8.

СИМЕОНЪ-НАЙДЕНЫШЪ.

Ранымъ-рано всталъ отецъ-игуменъ
И пошелъ онъ къ тихому Дунаю,
Зачерпнуть въ рѣкѣ воды студеной,
Чтобъ умыться и творить молитву.
Вдругъ увидѣлъ онъ сундукъ свинцовый, —
Къ берегу волной его прибило;
Думалъ старецъ: кладъ какой обрящилъ,
И понесъ сундукъ съ собою въ келью.
Отпираетъ онъ сундукъ свинцовый:
Никакова не было тамъ клада,
Въ сундукѣ лежалъ ребенокъ малый,
Семидневный, мужеское чадо.
Вынимаетъ мальчика игуменъ,
Окрестилъ и далъ ему онъ имя,
Нарекъ имя: Симеонъ-Найденышъ;
Грудп женской сосать ему не далъ,
А кормить его сталъ онъ въ кельѣ,
Сахаромъ кормить его да медомъ.
Ровно годъ исполнился ребенку,
А на взглядъ какъ-будто и три года;
А какъ минуло ему три года,
Былъ онъ точно отрокъ семилѣтній,
А какъ семь ему годовъ сравнялось,
Былъ онъ съ виду, какъ другой въ двѣнадцать,

http://rcin.org.pl

А когда двѣнадцать наступило,
Всѣ считали, что ему ужь двадцать.
Скоро понялъ Симеонъ ученье,
Загонялъ всѣхъ парней монастырскихъ
И отца-игумена старца.
Разъ поутру, въ свѣтлый день воскресный,
Вздумали ребяты монастырски
Всякою потѣшиться игрою,
Стали прыгать и метать каменья:
Всѣхъ ребятъ Найденышъ перепрыгалъ,
Сталъ въ камни — обкидалъ и въ камни.
На него ребяты обозлились
И давай смѣяться Симеону:
«Симеонъ ты, Симеонъ-Найденышъ!
Безъ отца ты на́ свѣтъ уродился,
Нѣтъ тебѣ ни племени, ни роду,
А нашелъ тебя отецъ-игуменъ
Въ сундукѣ подъ берегомъ Дуная.»
Горько-горько стало Симеону,
Онъ пошелъ къ отцу-игумну въ келью,
Сѣлъ, читать Евангеліе началъ,
Самъ читаетъ, горестно рыдаетъ.
Такъ нашелъ его отецъ-игуменъ,
Говоритъ игуменъ Симеону:
«Что́ съ тобою, сынъ ты мой любезный,
Что ты плачешь, горестно рыдаешь?
Иль тебѣ чего на свѣтѣ мало?»
Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденышъ:
«Господинъ ты мой, отецъ-игуменъ!
Мнѣ смѣются здѣшніе ребяты,
Что не знаю племени я роду,
А что ты нашелъ меня въ Дунаѣ.
Ты послушай, мой отецъ-игуменъ!
Заклинаю Господомъ и Богомъ:

http://rcin.org.pl

Дай, отецъ, ты мнѣ коня лихова,
Сѣмъ я сяду, по́ свѣту поѣзжу,
Поищу я своего родъ-племя:
То ли я отъ низкаго отродья,
То ли кость господскаго колѣна?»
Стало жаль его отцу-игумну:
Воскормилъ онъ Сима будто сына! —
Снарядилъ его отецъ-игуменъ,
Далъ ему онъ тысячу дукатовъ
И коня далъ изъ своей конюшни;
Сѣлъ, поѣхалъ Симеонъ-Найденышъ.
Девять лѣтъ по бѣлу свѣту ѣздитъ,
Своего родъ-племени онъ ищетъ,
Да найти-то какъ ему родъ-племя,
Коль спросить о томъ кого не знаетъ.
Вотъ десятое подходитъ лѣто,
Въ монастырь назадъ онъ хочетъ ѣхать
И коня поворотилъ лихова.
Проѣзжаетъ край Будима-града ([13]),
А и выросъ онъ объ эту пору,
Выросъ Сима, что́ твоя невѣста,
И коня онъ выхолилъ на диво,
Гарцовалъ Будимскимъ чистымъ полемъ,
Звонкимъ горломъ распѣвая пѣсни.
Увидала Сима королева
Изъ окошка, изъ Будима-града,
Увидала и зоветъ служанку:
«Ты ступай, проворная служанка,
Ухвати подъ нимъ коня лихова,
Позови его ко мнѣ ты въ теремъ:
Звать, скажи, велѣла королева
На честну́ю трапезу-бесѣду!»

([13]) Будимъ — Буда, или Офенъ, въ Венгріи.

http://rcin.org.pl

Побѣжала за́ городъ служанка
И коня подъ мо́лодцемъ схватила,
Говоритъ: «пожалуй, витязь, въ теремъ!
Звать тебя велѣла королева
На честну́ю трапезу-бесѣду.»
Симеонъ вернулъ коня лихова,
Подъѣзжаетъ подъ высокій теремъ,
Отдаетъ коня держать служанкѣ,
Самъ идетъ онъ въ теремъ къ королевѣ;
Какъ вошелъ онъ въ теремъ, скинулъ шапку,
Королевѣ низко поклонился
И сказалъ: «Богъ помочь, королева!»
Королева Симеону рада,
За готовый столъ его сажаетъ
И виномъ его, и водкой проситъ,
Сахарныхъ сластей ему подноситъ.
Расходилась кровь у Симеона,
Наливаетъ онъ за чаркой чарку,
Лишь не пьетъ, не кушаетъ хозяйка,
Все-то глазъ не сводитъ съ Симеона.
А какъ ночь-полу́ночь наступила,
Симеону королева молвитъ:
«Милый гость, невѣдомый витязь!
Ты скидай съ себя свою одёжу
И ложись опочивать со мною,
Полюби меня ты, королеву!»
Хмѣль игралъ въ ту пору въ Симеонѣ:
Снялъ онъ платье, легъ онъ съ королевой,
Въ бѣлое лицо ее цалуетъ.
Какъ на завтра утро засіяло,
Соскочилъ хмѣлина съ Симеона,
Видитъ онъ, какой бѣды надѣлалъ;
Горько-горько стало Симеону,
На проворныя вскочилъ онъ ноги

http://rcin.org.pl

И пошелъ искать коня лихова.
Оставляетъ Симу королева,
Оставляетъ на вино и кофій,
Но не хочетъ Симеонъ остаться,
Онъ садится на коня и ѣдетъ,
Ѣдетъ онъ Будимскимъ чистымъ полемъ,
Только тутъ на умъ ему припало,
Что съ собой онъ изъ Будима-града
Своего Евангелія не́ взялъ,
А забылъ его у королевы,
На окошкѣ, въ теремѣ высокомъ:
Повернулъ назадъ коня лихова,
На дворѣ коня онъ оставляетъ,
Самъ идетъ онъ въ теремъ королевинъ,
Подъ окномъ увидѣлъ королеву:
Подъ окномъ сидитъ она и плачетъ,
А сама Евангеліе держитъ.
Говоритъ ей Симеонъ-Найденышъ:
«Дай мою ты книгу, королева!»
Королева Симеону молвитъ:
«Симеонъ ты, горькій горемыка!
Въ часъ недобрый ты нашелъ родъ-племя,
Въ часъ недобрый въ градъ Будимъ пріѣхалъ,
Ночевалъ съ будимской королевой,
Цаловалъ ее въ лицо ты бѣло:
Цаловалъ ты мать свою родную (14)!»
Какъ услышалъ Симеонъ про это,
По лицу онъ пролилъ горьки слезы,
Взялъ свою у королевы книгу,
Бѣлую у ней цалуетъ руку,
На коня на своего садится

(14) Извѣстный издатель сербскихъ пѣсенъ, Караджичъ, замѣчаетъ, что, вѣроятно, въ Евангеліи, на поляхъ, или вначалѣ, было написано, кому принадлежитъ книга и зачѣмъ онъ ѣздитъ по свѣту.

http://rcin.org.pl

И домой къ отцу-игумну ѣдетъ.
Увидалъ его отецъ-игуменъ,
Своего коня узналъ далёко,
Вышелъ онъ на встрѣчу къ Симеону;
Симеонъ съ коня слѣзаетъ на́ земь,
До земли отцу онъ поклонился;
Говоритъ игуменъ Симеону:
«Гдѣ ты, сынъ мой, столько загостился?
Гдѣ такъ долго прогулялъ, проѣздилъ?»
Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденышъ:
«Ты не спрашивай про это, отче!
Въ часъ недобрый я нашелъ родъ-племя,
Въ часъ недобрый былъ въ Будимѣ-градѣ'
Тутъ онъ горе старцу исповѣдалъ.
Какъ узналъ о томъ отецъ-игуменъ,
Взялъ за бѣлы руки Симеона,
Отворилъ смердящую темницу,
Гдѣ вода стояла по колѣно
И въ водѣ кишмя кишѣли гады,
Въ ту темницу Симеона заперъ,
А ключи въ Дунай-рѣку забросилъ,
Самъ съ собою тихо разсуждая:
«Коли выйдутъ тѣ ключи оттуда, —
И грѣхи простятся Симеону!»
Девять лѣтъ прошло и миновало
И десятый годъ ужь наступастъ;
Рыбаки въ рѣкѣ поймали рыбу
И ключи нашли у ней во чревѣ,
Ихъ къ отцу-игумену приносятъ:
Заключенникъ палъ ему на мысли;
Взялъ ключи у рыбаковъ игуменъ,
Отворилъ смердящую темницу:
Въ ней воды какъ-будто не бывало
И невѣсть куда пропали гады.

http://rcin.org.pl

Видитъ старецъ: тамъ зіяетъ солнце,
Золотой въ срединѣ столъ поставленъ,
За столомъ сидитъ его Найденышъ
И въ рукахъ Евангеліе держитъ.

9.

ЦАРЬ СТЕФАНЪ ПРАЗДНУЕТЪ ДЕНЬ СВОЕГО СВЯТАГО.

Царь Стефанъ великій праздникъ славитъ,
Празднуетъ Архангела Стефана
И гостей на праздникъ созываетъ,
Созываетъ триста іереевъ
И дванадесять владыкъ великихъ
И четыре старыхъ прогумна;
Разсадилъ ихъ по мѣстамъ, какъ надо,
Разсадилъ колѣно за колѣномъ,
Самъ пошелъ, гостямъ вино подноситъ,
Всякому по чину и по роду,
Какъ царю по правдѣ подобаетъ.
Но бесѣда говоритъ Стефану:
«Царь ты нашъ и солнце наше красно,
Намъ глядѣть зазорно и обидно,
Что ты служишь и вино подносишь;
Сядь ты съ нами лучше за трапезу,
А вино пускай слуга подноситъ!»
Царь Стефанъ на рѣчь ихъ соблазнился,
Сѣлъ съ гостями рядомъ за трапезу,
Въ честь святаго не наполнивъ чаши
И о Богѣ духомъ не смиряся;
Далъ слугамъ, чтобы съ виномъ ходили,

http://rcin.org.pl

Чествуя угодника святаго,
Самого жь себя не могъ принудить
Послужить слугою часъ единый.
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его пріосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвался на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.
Не видалъ никто между гостями,
Какъ стоялъ Архангелъ за Стефаномъ,
Увидалъ одинъ маститый старецъ,
Увидалъ и горько онъ заплакалъ.
Какъ замѣтилъ то прислужникъ царскій,
Подошелъ и тихо старцу молвитъ:
«Что́, старикъ, на праздникѣ ты плачешь?
Иль тебя не вдоволь угощали?
Мало ѣлъ ты, или пилъ сегодня?
Иль боишься, что тебя обидятъ,
Милостію царскою обдѣлятъ?»
Говоритъ ему маститый старецъ:
«Богъ съ тобою, царскій ты прислужникъ,
Я не мало ѣлъ и пилъ сегодня,
Не боюсь я, что меня обидятъ,
Милостію царскою обдѣлятъ,
Но видѣнье чудное я видѣлъ:
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его пріосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвался на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.»

http://rcin.org.pl

Разсказалъ про то царю прислужникъ,
Царь поспѣшно всталъ изъ-за трапезы,
А за нимъ и триста іереевъ
И двинадесять владыкъ великихъ
И четыре старыхъ пропгумна:
Взяли книги, начали молиться,
Бдѣніе великое творили,
Цѣлыхъ три дни и три темныхъ ночи,
Господу Всевышнему моляся
И Его угоднику святому:
И царя помиловалъ угодникъ,
Отпуская грѣхъ ему великій,
Что съ гостями сѣлъ онъ за трапезу,
Въ честь святаго не наполнивъ чаши
И о Богѣ духомъ не смиряся.

10.

СМЕРТЬ МАРКА-КРАЛЕВИЧА.

Ранымъ-рано всталъ Кралевичь-Марко ([15]),
Въ воскресенье, до восхода солнца,
И поѣхалъ онъ край синя моря;
Пріѣзжаетъ на Урвинъ-Планину;
Какъ поѣхалъ по Урвинъ-Планинѣ,
Началъ конь подъ Маркомъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ онъ и плакать.
Стало Марку горько и досадно;
Говоритъ Кралевичь-Марко Шарцу ([16]):

([15]) Миѳическій герой южныхъ Славянъ, сынъ короля Вукашина, родился къ городѣ Прилипѣ, въ концѣ XIV столѣтія, при паденіи Сербскаго Царства.
([16]) Шарацъ — извѣстный конь Марка-Кралевича; значитъ — п ѣ г і й.

http://rcin.org.pl

«Добрый конь мой, разудалый Шарацъ!
Сто шесть лѣтъ я странствую съ тобою,
А ни разу ты не спотыкнулся;
Что жь теперь ты началъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ ты и плакать?
Не къ добру ты, видно, Шарацъ, плачешь:
Быть бѣдѣ великой, неминучей,
Либо мнѣ, либо тебѣ погибнуть!»
Кличетъ вила изъ Урвинъ-Планины:
«Побратимъ ты мой, Кралевичь-Марко!
Знаешь ли, о чемъ твой Шарацъ плачетъ?
О своемъ онъ плачетъ господинѣ:
Скоро Марку съ Шарцемъ разставаться!»
Отвѣчаетъ Марко бѣлой вилѣ:
«Горло бы твое на вѣкъ осипло!
Чтобы Марко съ Шарцемъ да разстался!
Я прошелъ всю землю и всѣ грады,
Отъ восхода солнца до заката,
Не видалъ коня я лучше Шарца
И юнака удалѣе Марка!
Не разстанусь съ Шарцемъ я во вѣки,
Не разстанусь до своей до смерти!»
Бѣла вила Марку отвѣчаетъ:
«Побратимъ ты мой, Кралевичь-Марко!
Не отнимутъ у Краль-Марка Шарца,
Не умрешь ты отъ булатной сабли,
Отъ копья, отъ палицы тяжелой;
Никого ты, Марко, не боишься;
А умрешь ты, Марко, отъ болѣзни,
Отъ десницы праведной Господней.
А когда словамъ моимъ не вѣришь,
Поѣзжай ты прямо по Планинѣ,
Какъ доѣдешь до вершины самой,
Обернись направо и налѣво:

http://rcin.org.pl

Ты увидишь тонкія двѣ ели,
Широко́ тѣ ели разрослися
И собой покрыли всю планину;
Студена течетъ вода межь ними:
Тамъ коня останови ты, Марко,
Привяжи поводьями за елку,
И нагнись ты надъ водой студеной:
Какъ себя ты въ ней увидишь, Марко,
Ты узнаешь о своей о смерти!»
Вилу бѣлую послушалъ Марко:
Онъ поѣхалъ прямо на Планину;
Какъ доѣхалъ до вершины самой,
Поглядѣлъ направо и налѣво
И увидѣлъ тонкія двѣ ели,
Что́ по всей Планинѣ разрослися,
И собой закрыли всю Планину.
Тутъ коня остановилъ Краль-Марко,
Привязалъ поводьями за елку,
И нагнулся надъ водой студеной:
Бѣлое лицо свое увидѣлъ —
И почуялъ смерть Кралевичь-Марко;
Слезы пролилъ, самъ съ собою молвилъ:
«Обманулъ ты, свѣтъ меня широкой!
Свѣтъ досадный, цвѣтъ мой ненаглядный,
Красенъ ты, да погулялъ я мало:
Триста лѣтъ всего мнѣ погулялось!
А теперь пришло съ тобой разстаться!»
Говоритъ, а саблю вынимаетъ,
Какъ махнетъ Кралевичь-Марко саблей,
Снесъ онъ Шарцу голову по плечи,
Чтобы Туркамъ Шарацъ не достался,
Чтобъ не зналъ онъ никакой работы,
И чтобъ воду не возилъ въ колоду.

http://rcin.org.pl

Какъ посѣкъ Кралевичь-Марко Шарца,
Закопалъ его глубóко въ землю,
Почитая Шарца пуще брата ([17]).
Перебилъ потомъ свою онъ саблю,
Перебилъ онъ на четыре части,
Чтобъ и сабля Туркамъ не досталась,
Чтобъ никто у нихъ не похвалялся,
Что себѣ отъ Марка саблю дóбылъ,
Чтобъ свои не проклинали Марка.
А когда разбилъ онъ саблю вострy,
Перебилъ онъ и копье на части,
И закинулъ на вершину ели.
Ухватилъ свой буздованъ тяжелый,
Ухватилъ онъ правою рукою,
И пустилъ его съ Урвинъ-Планины,
Опустилъ его на сине море,
И сказалъ тутъ Марко буздовану:
«Какъ ты выйдешь, буздованъ, изъ моря,
Народится мóлодецъ удалый,
Мóлодецъ такой же, какъ и Марко!»
Погубивши все свое оружье,
Марко вынулъ чистую бумагу,
Пишетъ Марко, пишетъ завѣщанье:
«Кто придетъ на Урвину-Планину,
Между елей, край воды студеной,
И увидитъ тамъ Кралевичь-Марка:
Знай, что мертвъ лежитъ Кралевичь-Марко,
Подлѣ Марка все его богатство,
Все богатство: три мѣшка червонцевъ;
На одинъ пускай меня схоронятъ,

([17]) Пуще брата Андрея, котораго убилъ Кеседжія при Маркѣ и Марко уѣхалъ, не похоронивъ брата. Объ этомъ разсказывается въ одной болгарской пѣснѣ; у меня, въ «Пѣсняхъ Разныхъ Народовъ» — страница 367.

http://rcin.org.pl

А другой возьмутъ на храмы Божьи,
А и третій старцамъ перехожимъ,
Нищимъ старцамъ, слѣпенькимъ калекамъ:
Пусть поютъ и поминаютъ Марка!»
Написавши Марко завѣщанье,
Положилъ его на вѣтку ели,
Чтобъ съ пути увидѣть было можно,
А перо съ чернильницей забросилъ,
Бросилъ онъ на дно воды студеной;
Снялъ потомъ съ себя зеленый до́лманъ,
Разостлалъ по муравѣ зеленой,
Разостлалъ, перекрестился трижды,
На́ брови самуръ-колпакъ (18) надвинулъ,
Легъ-себѣ — и не вставалъ ужь Марко.
Такъ лежалъ онъ край воды студеной,
День за днемъ онъ цѣлую недѣлю.
Кто пройдетъ широкою дорогой
И подъ елкою увидитъ Марка:
Думаетъ, что спитъ Кралевичь-Марко,
И далёко въ сторону отходитъ,
Чтобы Марко вдругъ не пробудился.
Гдѣ удача, тамъ и неудача,
Гдѣ несчастье, тамъ, гляди, и счастье:
Привелось, по-счастью, той дорогой
Проѣзжать изъ церкви Вилиндары
Прогумну святогорцу Васу,
Со своимъ прислужникомъ Исаемъ.
Какъ увидѣлъ прогуменъ Марка,
Онъ махнулъ рукой слугѣ Исаю:
«Тише, сынъ, не разбуди ты Марка,
Послѣ сна сердитъ бываетъ Марко:
Намъ обоимъ го́ловы посниметъ!»

---

(18) Самуръ-колпакъ — соболиная шапка.

http://rcin.org.pl

Такъ сказалъ и сталъ глядѣть на Марка
И увидѣлъ на вѣтвяхъ, на елкѣ,
Марково писанье, завѣщанье;
Прочиталъ онъ Марково писанье:
Говоритъ оно, что Марко умеръ.
Тутъ съ коня слѣзаетъ пропгуменъ,
Слѣзъ съ коня, рукою тронулъ Марка:
Вѣчнымъ сномъ почилъ Кралевичь-Марко!
Горьки слезы пролилъ пропгуменъ:
Было жаль ему юнака Марка!
Взялъ съ него червонцы, отпоясалъ
И себя онъ ими опоясалъ;
Сталъ онъ думать, гдѣ схоронитъ Марка,
Думалъ, думалъ и одно придумалъ:
На коня къ себѣ кладетъ онъ Марка,
Съ мертвымъ Маркомъ ѣдетъ къ синю морю,
На ладью у берега садится,
Ѣдетъ съ Маркомъ на Святую гору,
Къ Вилиндарѣ церкви подъѣзжаетъ,
Вноситъ тѣло во святую церковь,
Панихиду служитъ по усопшемъ,
И хоронитъ Марка середь церкви,
Безо всякой надписи и камня,
Чтобы мѣсто, гдѣ схороненъ Марко,
Недруги его не распознали
И надъ нимъ по смерти не глумились.

http://rcin.org.pl

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

—

1.

МОЛОДЕЦЪ ВЪ ХОРОВОДѢ.

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ,
Да такой, что и не видано!
Подъѣзжаетъ добрый мо́лодецъ,
Весь онъ за́литъ златомъ-серебромъ,
Да и конь его разубранъ весь,
Конь разубранъ, разукрашенъ былъ.
На плечахъ у добра мо́лодца
До́лманъ былъ зеленый бархатный,
На долманѣ тридцать пуговицъ,
Сверхъ долмана куртка шолкова
И богаты латы мѣдныя,
На ногахъ чакчиры шитыя,
На макушкѣ шапка алая,
Въ шапку во́ткнутъ золотой салтанъ,
У бедра дамасска сабелька,
Золотая рукоять у ней
Крупнымъ же́мчугомъ осыпана.
Всѣ глядятъ на добра молодца;
Говоритъ имъ добрый мо́лодецъ:
«Не глядите, красны дѣвицы,
На убранство на богатое!

http://rcin.org.pl

Не гляжу и я на золото,
А выглядываю дѣвицу,
Изо всѣхъ ли раскрасавицу,
Что вести бы можно къ матушкѣ,
Похвалиться ей, похвастаться!»
Тутъ одна сказала дѣвица:
— Холостой ты добрый мо́лодецъ!
Ты назадъ возьми такую рѣчь!
На богатство что ли смотримъ мы,
На убранство коня ворона?
Смотримъ мы на добра мо́лодца,
Чтобъ не даромъ кинуть матушку,
Да еще ли царство красное,
Царство красное — дѣвичество!

2.

БРАТЪ, СЕСТРА И МИЛАЯ.

Темный боръ въ листу зеленомъ;
Братъ съ сестрою тамъ гуляетъ,
Говоритъ сестрица брату:
«Что́ ко мнѣ ты, братъ, не ходишь?»
— Я бы радъ ходить, сестрица,
Да изъ дому не пускаетъ
Молода краса-дѣви́ца,
Ненаглядная подруга:
Я коня лишь осѣдлаю,
А подруга разсѣдлаетъ;
Саблю востру надѣваю,
А подруга саблю скинетъ:

http://rcin.org.pl

«Не ходи, мой другъ, далёко:
Мутна рѣчка вѣдь глубо́ка,
Широко́ вѣдь чисто поле —
Что́, мой милый, за неволя!»

3.

ЮНОША И ДѢВА.

— Ахъ, душа ты, красная дѣви́ца,
Ты на что́ глядѣла, выростая?
На зеленый, что ли, дубъ глядѣла,
Иль на елку тонку и высоку,
Иль на брата моего меньшова? —
«Ахъ ты, мо́лодецъ, мой соколъ ясный!
Не на зе́ленъ дубъ глядя́ росла я,
Ни на елку тонку и высоку,
Ни на брата твоего меньшова,
Но гладѣла, другъ мой, выростая, —
На тебя я все, млада, глядѣла!»

4.

МАТЬ И ДОЧЬ.

— Пробѣжалъ молоде́цъ,
Пробѣжалъ по селу;
Я въ потьмахъ, молода,
Проглядѣла его,
Стало мнѣ на душѣ

http://rcin.org.pl

Тяжело таково!
Ахъ, родная моя,
Вороти молодца! —
«Что тебѣ въ молодцѣ?
Видишь, онъ не простой,
Не простой, городской:
Надо пива ему,
Надо ужинъ собрать
И постелю потомъ
Городскую постлать!»
— Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!
Вмѣсто пива ему —
Черны очи мои;
Вмѣсто хлѣба ему —
Бѣлы щеки мои;
А закускою будь
Лебединая грудь!
А постель молодцу —
Мурава на лугу;
А покровъ — небеса;
Въ голова́ же ему
Дамъ я бѣло плечо,
Я плечо горячо!
Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!

http://rcin.org.pl

5.

РАЗЛУКА МИЛЫХЪ.

Какъ у дѣвицы въ бостанѣ [19]
Два цвѣточка выростали:
Розанъ алой съ незабудкой;
Да пошелъ оттуда розанъ
На чужбину, на долину,
И осталась незабудка
Одинокою на свѣтѣ.
Шлетъ спросить подругу розанъ
Изъ чужбины, изъ долины,
Хорошо ли ей живется?
Сиротина-незабудка
Милу другу отвѣчаетъ:
Кабы мнѣ бумагу дали
Шире неба голубова,
Кабы дали гору перьевъ,
Да чернилъ бы сине море:
Я писала бы три года,
Исписала бъ сине море,
Да не высказала бъ горя!

6.

СОКОЛИНЫЯ ОЧИ.

Ахъ, вы очи соколины!
Соколиными очами

[19] Персидское слово, означаетъ родъ «сада», то же, что у Малороссіянъ «бошганъ».

http://rcin.org.pl

Я роднѣ пришлась по праву
И Османъ-Агѣ по сердцу.
Разъ мнѣ мать его сказала:
«Ты послушай, дьяволъ-дѣвка,
Не бѣлись ты, не румянься,
Моего не тронь ты сына!
А не то уйдемъ мы въ горы,
Въ нихъ огородимъ дворъ тесовый
И затворимся тамъ крѣпко!»
— Что жь, поднте, затворитесь!
У меня, вѣдь, черти-очи:
Захочу я, проверчу я
Дворъ тесовый, дворъ дубовый,
Все увижу сквозь ограду —
И Османа я украду! —

7.

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ ([20]).

Когда мнѣ подруга
Моя измѣнила
И храброе сердце
Во мнѣ пріуныло:
Однажды, я помню,
Той смутной порою
Далматъ повстрѣчался
Коварный со мною.

«Возьми-ка, онъ молвилъ,
Винтовку лихую,

([20]) Изъ книги Мериме: «Guzla».

http://rcin.org.pl

Пойдемъ-ка съ тобою
Въ столицу морскую!
Житье, Алексѣичъ,
Тамъ нашему брату,
Душою тамъ рады
Лихому солдату;

«Тамъ денегъ, что́ камню,
Богаты мы будемъ,
Какія долма́ны
Себѣ мы добудемъ!
Намъ грудь золотыми
Унижутъ кистями
И алую шапку
Дадутъ съ галунами!

«А красныя дѣвки!...
Какъ станемъ порою
По селамъ веселымъ
Бродить мы съ тобою:
Споютъ, Алексѣичъ,
Намъ пѣсню такую....
Пойдемъ, братъ, скорѣе
Въ столицу морскую!»

Подда́лся я, глупый,
На хитрыя рѣчи,
Не думая, вскинулъ
Винтовку на плечи, —
И вотъ очутился
Отъ милаго краю
Далёко, далёко....
Но счастья не знаю!

http://rcin.org.pl

Какъ песъ, я прикованъ,
И рвусь и тоскую,
И въ хлѣбѣ насущномъ
Отраву я чую;
И дѣвичья пѣсня
Души не забавитъ,
И воздухъ заморскій
Все душитъ, и давитъ!

Не ищутъ со мною
Красавицы встрѣчи:
Пугаютъ ихъ, что ли,
Имъ чуждыя рѣчи.
Соотчичей старыхъ
Не могъ разпознать я:
По нраву, по рѣчи,
Мнѣ братья — не братья!

Отъ нихъ не услышишь
Роднаго слова,
Не скажешь имъ: братцы,
Здорово, здорово!
Покинулъ давно бы
Я сторону эту:
Есть сила, есть крылья,
Да — волюшки нѣту!

http://rcin.org.pl

УКРАИНСКАЯ ПѢСНЯ

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ПѢСНЯ.

Милый шелъ горой высокой,
Милая долиной;
Онъ зацвѣлъ румяной розой,
А она калиной.

Ты на горкѣ, на пригоркѣ,
А я подъ горою,
День и ночь съ моей тоскою
Слезы лью рѣкою.

Кабы жить тебѣ со мною,
Жили бъ мы съ тобою,
Жили бъ, жили бъ, мое сердце,
Какъ рыба съ водою!

Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку ловитъ,
А милая-то по миломъ
Бѣлы руки ломитъ.

Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку удитъ,
Долго, долго ли по миломъ
Тосковать мнѣ будетъ?

http://rcin.org.pl

Что рыбакъ надъ быстрой рѣчкой
Ласточкою вьется,
А милáя-то по миломъ
Горлицею бьется.

Иль засыпался ты пылью,
Мятелицей-вьюгой,
Что не хочешь повидаться
Со своей подругой?

Что́ мятелица мнѣ, вьюга,
Буря-непогода:
Вѣдь любили жь мы другъ друга
Цѣлые два года!

Да враги мои злодѣи
Все-про-все узнали,
Все-про-все они узнали,
Въ люди разсказали.

Будь здорова, черноброва,
И прощай на вѣки!
Не теките, не бѣгите
Слезъ горючихъ рѣки!

http://rcin.org.pl

ИСПАНСКІЕ РОМАНСЫ

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СМЕРТЬ СИДА.

I.

Сидъ въ Валенціи лежалъ
На одрѣ, больной и хилый,
Претерпѣвшій много бѣдствій
И трудами столькихъ боевъ
Утомленный. Вдругъ онъ слышитъ,
Возмущаяся душою,
Что Букаръ, владыка Мавровъ,
Подъ Валенцію подходитъ
И ведетъ съ собою тридцать
Королей, могучихъ силой,
И безчисленное войско
Пѣшихъ ратниковъ и конныхъ.
На одрѣ своемъ Родриго
Приподнялся, размышляя
О толико важномъ дѣлѣ,
И молился Богу неба,
Чтобъ ему онъ былъ помощникъ
И чтобъ съ честію избавилъ
Отъ погибели такой.
Вдругъ нежданно предъ собою

http://rcin.org.pl

Добрый (1) Сидъ увидѣлъ мужа,
Съ ликомъ яснымъ и пресвѣтлымъ,
Озареннаго сіяньемъ
И въ одеждѣ бѣлоснѣжной.
Дивный мужъ, благоуханьемъ
На лежавшаго повѣявъ,
Такъ сказалъ: «ты спишь, Родриго —
Пробудись и будь смѣлѣе!»
Сидъ спросилъ у мужа: «кто вы?»
Мужъ на то: «я Петръ апостолъ!
Возвѣстить тебѣ, Родриго,
Посланъ я, чтобы отнынѣ
О единой только смерти
Помышлялъ ты: въ жизнь иную
Богъ зоветъ тебя, Родриго,
Въ безконечный міръ блаженныхъ,
Гдѣ живутъ одни святые,
Въ лонѣ Божіемъ ликуя.
Черезъ тридцать дней, считая
Отъ того, въ который слышишь
Эту вѣсть — умрешь ты. Много
Богъ взыскалъ тебя, Родриго,
И за подвиги награду
Уготовилъ, что и мертвый
Для враговъ ты будешь страшенъ
И Букара одолѣешь.
Твой народъ съ его народомъ
Будетъ биться въ грозной битвѣ,
И святой апостолъ Яковъ
Вашимъ ратникамъ поможетъ.
Ты же нынѣ, передъ смертью,

(1) Сидъ въ испанскихъ романсахъ постоянно называется: добрый Сидъ — Buen Cid.

http://rcin.org.pl

Во грѣхахъ своихъ покайся,
Чтобы въ рай душою чистой
Вознестись: Господь готовитъ
Въ небесахъ тебѣ жилище,
Потому, что ты украсилъ
И почтилъ мой домъ въ Карденье,
Отъ котораго Карденскимъ
Я въ народѣ называюсь.»
Какъ услышалъ это Сидъ,
Превеликое веселье
Ощутилъ, и, одръ покинувъ,
На колѣни палъ и ноги
У апостола святаго
Онъ хотѣлъ облобызать;
Но апостолъ: «Встань, Родриго,
И ко мнѣ не приближайся!
Это будетъ безполезно;
Но считай неотвратимымъ,
Что́ сказалъ тебѣ я нынѣ!»
И, вѣщавъ сіе, апостолъ
Въ небеса опять вознесся.
Добрый Сидъ одинъ остался,
Преисполненный веселья,
Возсылая къ Богу неба
Многократныя молитвы.

http://rcin.org.pl

II.

У апостола Петра,
Что́ Карденскимъ назывался,
Находился донъ Родриго,
Грозный Мавровъ побѣдитель,
Никогда непобѣжденный.
Повелѣвшему Альфонсу,
На скамью съ задкомъ узорнымъ
Посадили тѣло Сида
И одѣли въ новый панцырь.
Ликъ его сіялъ открыто,
Благородствомъ озаренный;
Борода вилась кудрями,
Бѣлизной подобна снѣгу;
У бедра его висѣла
Шпага добрая тизонъ (2);
И не вѣрилось, что умеръ
Донъ Родриго, а казалось,
Что живой сидѣлъ на стулѣ.
Такъ сидѣлъ онъ восемь лѣтъ
И народъ усердно въ храмахъ
О душѣ его молился,
Что́ была въ раю у Бога,
И ходилъ смотрѣть на Сида
Въ храмъ Карденскаго Петра.
Праздникъ былъ неподалеку
Отъ того святаго мѣста,
Гдѣ Родриго находился.
Весь народъ ушелъ на праздникъ

(2) Прозваніе шпаги Сида. Собственно Tizon значитъ — головня.

http://rcin.org.pl

И осталось тѣло Сида
Безъ присмотра; въ это время
Жидъ пришелъ взглянуть на Сида,
Подошелъ и самъ съ собою
Разсуждалъ: «такъ вотъ какой онъ,
Этотъ Сидъ, вездѣ хвалимый!
Говорили, что при жизни
Не посмѣлъ бы самый смѣлый
Бороды его коснуться....
А теперь сидитъ онъ мертвый!
Дай-ка я ее рукою
Ухвачу! теперь помѣхи
Мнѣ не будетъ, и не страшенъ
Мертвый Сидъ, какъ былъ живой!»
И, приблизясь, потянулся
Къ бородѣ священной Сида
Жидъ нечистый; но лишь-только
Онъ хотѣлъ ея коснуться, —
Добрый Сидъ зашевелился
Безпокойно и на пядень
Обнажилъ свой мечъ-тизонъ.
Обуялъ жида великій
Страхъ и онъ безъ чувствъ на землю
Повалился, точно мертвый.
Такъ нашли его поутру
И въ лицо ему водою
Стали брызгать, чтобъ очнулся,
И когда пришелъ онъ въ память,
Разсказать ему велѣли,
Что́ случилось съ нимъ во храмѣ
И за что́ онъ такъ избитъ.
Жидъ повѣдалъ все подробно,
И народъ, склонивъ колѣни,
Сталъ молиться Богу неба

http://rcin.org.pl

За содѣянное чудо,
Что во храмѣ не дозволилъ
Тѣло воина Христова
Осквернить рукѣ нечистой.
Жидъ, съ которымъ было чудо,
Окрестился, Гиль-Діегомъ
Нареченъ и сталъ молиться
И служить усердно Богу
У Карденскаго Санъ-Педро
И, какъ добрый христіанинъ,
Тамъ окончилъ дни свои.

---

http://rcin.org.pl

ПѢСНИ НОВЫХЪ ГРЕКОВЪ

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

I.

ПРИМѢТЫ.

«Отопри-ка мнѣ вороты, иль окно открой скорѣй
И горячимъ поцалуемъ друга милаго согрѣй,
Иль хоть дай налюбоваться лучезарною красой,
Ты, съ очами голубыми, съ темнорусою косой!»
— Кто ты, кто ты, тамъ стучишься и мѣшаешь мнѣ заснуть,
И почемъ меня ты знаешь, докажи мнѣ чѣмъ-нибудь! —
«На дворѣ твоемъ широкомъ, я примѣтилъ, у воротъ
Вишня спѣлая и яблоня кудрявая ростетъ!»
— Лжешь ты, лжешь ты все, негодный, иль сказалъ тебѣ сосѣдъ!
У меня, въ моихъ покояхъ, ты не знаешь ли примѣтъ? —
«У тебя въ опочивальнѣ лампа мѣдная виситъ,
По утрамъ ее ты гасишь, по ночамъ она горитъ!»
— Лжешь ты, лжешь ты все, негодный, иль сказалъ тебѣ сосѣдъ!
У меня на бѣломъ тѣлѣ, ты не знаешь ли примѣтъ? —
«Знаю, знаю: у тебя одно укушено плечо,
То, что, помнишь ли, недавно цаловалъ я горячо;
Да подъ бѣлыми грудями у тебя еще пятно....
— Полно, полно, другъ мой милый! отворяю я окно! —

---

http://rcin.org.pl

II.

ДѢВУШКА У ХАРОНА.

На свѣтѣ любо жить полямъ, житье горамъ высокимъ:
Печали нѣтъ о смерти имъ, они не знаютъ смерти!
Весною овцы на горахъ, зимой снѣга бѣлѣютъ.
Три клефта въ міръ уйти хотятъ, изъ аду, отъ Харона,
Одинъ задумалъ въ путь весной, другой задумалъ лѣтомъ,
А третій осенью идетъ, когда созрѣютъ гроздья.
Сестра услышала о томъ и молитъ милыхъ братьевъ:
«Возьмите, братья, вы меня, съ собой на свѣтъ возьмите!»
— Шумитъ одежда у тебя и волосы густые
И обувь женская стучитъ: Харонъ тебя услышитъ! —
«Свою одежду я сложу и волосы обрѣжу,
И обувь съ ногъ моихъ сниму и здѣсь ее оставлю,
Возьмите, братья, вы меня, съ собой на свѣтъ возьмите!
Тамъ плачетъ матушка моя и сестры горько тужатъ!»
— Не плачетъ матушка твоя: все ходитъ по сосѣдямъ;
Не тужатъ сестры по тебѣ, а пляшутъ въ хороводахъ! —

---

http://rcin.org.pl

III.

СОНЪ ДИМА.

Не разъ я говаривалъ Диму въ бою:
Приплюсни ты вострую шапку свою
И мѣдную грудь запахни у себя:
Не то угадаютъ Албанцы тебя!

Кукуетъ кукушка за дальней горой,
Кричитъ куропатка въ долинѣ глухой,
А ласточка, взвившись, надъ Димомъ шумитъ,
По нашему Диму поетъ-говоритъ:
«Что́ нынѣче задумчивъ и невеселъ, Димъ?
И что ты не йдешь къ Поликарамъ своимъ!»
— А то я задумчивъ, что легъ я уснуть
И только дремой позабылся я чуть,—
Гляжу: небеса и въ дыму, и горятъ,
И красныя звѣзды оттуда глядятъ;
И мутны кровавыя волны ручья
И кровью забрызгана сабля моя....

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОДЫ СЪ РАЗНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СЪ САНСКРИТСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ИЗЪ «МАХАБГАРАТЫ».

—

ЦАРЬ УСИ́НАРА И КОРШУНЪ.

Сивійскій царь Уси́нара
На берегахъ Іа́муна
Молился въ часъ полуденный;
Вдругъ видитъ онъ: летитъ къ нему
Голубка бѣлокрылая,
Моля, чтобъ защитилъ ее
Отъ коршуна свирѣпаго.

КОРШУНЪ.

О, царь! слывешь правдивымъ ты,
Отдай же, царь, голубку мнѣ,
Что́ въ пищу мнѣ назначена
Самимъ премудрымъ Бра́гмою!
Я умираю съ голоду.

ЦАРЬ.

Ко мнѣ голубка робкая
Прибѣгла въ часъ молитвенный,
Прося, чтобъ защитилъ ее.
Ужель не разумѣешь ты,
Что первая обязанность
Царя — спасать отъ гибели
Того, кто предстоитъ ему,
Взывающій о помощи?

http://rcin.org.pl

КОРШУНЪ.

Но все живится пищею,
И я умру отъ голода,
О, правосудный царь земли!
Когда лишусь питанія;
За мной и дѣти малыя
Погибнутъ вмѣстѣ съ матерью;
Спасая нынѣ голубя,
Семью ты губишь цѣлую.
О, царь! священный долгъ не святъ,
Когда ему пожертвуешь
Другимъ священнымъ долгомъ ты.
О, царь, отдай мнѣ голубя!

ЦАРЬ.

Сказалъ ты слово мудрое;
Не самъ ли ты владыка птицъ,
Супáрна, царь всевѣдущій?
Еще ли просишь голубя?
Возьми, чтобы насытиться,
Быка себѣ изъ стадъ моихъ,
Оленя, или буйвола,
Или кабана дикаго!
Чего ни пожелаешь ты
Я дамъ взамѣну голубя.

КОРШУНЪ.

Быка мнѣ, царь, не недобно,
Не надо мнѣ и буйвола;
Отдай лишь то, что́ Брáгмою
Мнѣ въ пищу предуставлено!

http://rcin.org.pl

ЦАРЬ.

Я Сивы царь, я дамъ тебѣ
Всего, чего потребуешь,
О, птица ты премудрая!
Но не отдамъ я голубя,
Молящаго о помощи.

КОРШУНЪ.

О, царь земли Усйнара!
Когда тебѣ онъ дорогъ такъ,
Взамѣнъ его мнѣ вырѣжи
Величиною съ голубя
Кусокъ изъ груди собственной!

ЦАРЬ.

О, коршунъ, справедливо ты
Рѣшилъ: тебѣ охотно я
Кусокъ изъ тѣла вырѣжу.

И добрый царь Усйнара
Кусокъ изъ груди вырѣзалъ
И взвѣсилъ вмѣстѣ съ голубемъ,
Но голубь перетягивалъ;
И царь отсѣкъ еще кусокъ,
Но голубь все тяжеле былъ;
Тогда великодушный царь
На чашу самъ становится.

КОРШУНЪ.

Узнай: я Индра, царь небесъ,
А голубь — Агнисъ, богъ огня!
На землю нисходили мы,

http://rcin.org.pl

О, царь, чтобъ испытать тебя.
За подвигъ добродѣтели,
Предъ нами совершившійся,
Отнынѣ уготовано
Тебѣ жилище на́ небѣ
Блаженное и свѣтлое,
И тамъ дотолѣ будешь ты,
Доколѣ человѣками
Твой подвигъ будетъ славиться.

Сказалъ и быстро на́ небо
Вознесся Индра, неба царь.

Такъ доблестный Уси́нара
Въ селеньяхъ рая свѣтлаго
Блаженство унаслѣдовалъ
И, осіянный солнцами,
Взлетѣлъ за Индрой на́ небо.

http://rcin.org.pl

ИЗЪ «СРИНГАРАТИЛАКИ» (1), ИЛИ «КНИГИ ЛЮБВИ».

I.

ДѢВУШКА-ОХОТНИКЪ.

Милую видѣть мучительно жаждая,
Къ ней прибѣжалъ я: вдругъ стала у ней
Лукомъ натянутымъ бровь ея каждая,
Мѣткими стрѣлами — взоры очей;
Я же, испуганной сдѣлавшись серною,
Сталъ на порогѣ, а сердце колотится!
Буду я дѣвѣ добычею вѣрною,
Пусть поиграетъ она, поохотится!

II.

ПОЦАЛУИ.

Знаю нашихъ я красавицъ:
Въ сердцѣ ядъ, а слово — сахаръ...
Но, скажите, не за тѣмъ ли
Такъ мучительно-отрадны
Сладкихъ устъ ихъ поцалуи?

---

(1) Иные думаютъ, что это имя поэта.

http://rcin.org.pl

III.

ОПИСАНІЕ КРАСАВИЦЫ.

Глаза у ней изъ лотоса,
Лицо изъ бѣлой лиліи,
Уста изъ почекъ розана,
А грудь изъ листьевъ чампака....
Неужли сердце, дѣвушка,
Въ тебѣ изъ камня твердаго?

ИЗЪ АМАРУ-САТАКА: «СТО ПѢСЕНЪ АМАРУ».

I.

ДВѢ ДѢВУШКИ.

«Будь въ страстяхъ твоихъ умнѣе,
Силъ душевныхъ не губи;
Съ милымъ будь похолоднѣе,
Такъ безумно не люби!»

Та стоитъ, блѣдна, чуть дышитъ:
«Замолчи и не грѣши,
А не то тебя услышитъ
Властелинъ моей души (2)!»

---

(2) Это выраженіе «властелинъ моей души» — переведено съ санскритскаго слово въ слово.

http://rcin.org.pl

«Онъ отсюда недалёко,
У меня подъ сердцемъ спитъ
И недремлющее око
Всякій вздохъ мой сторожитъ!»

II.

ЗАЩИТА.

— Погоди, что́ такъ стремишься?
Ночь ненастна и темна;
Неужли́ ты не боишься
По ночамъ ходить одна? —

«Что́ мнѣ ночь и что́ ненастье?
Не боюсь я ничего:
Я люблю, я вѣрю въ счастье,
Вѣрю въ друга моего,

«И къ нему стопою смѣлой
Оттого могу идти,
Что Кандарпъ (3) пернатострѣлый
Мнѣ защитникъ на пути!»

---

(3) Кандарпъ — Амуръ, любовь.

http://rcin.org.pl

СУДРАКЪ.

(Изъ драмы: «Глиняная Повозочка».)

БРАГМАНЪ ВНТЪ ПРЕСЛѢДУЕТЪ БАЯДЕРКУ ВАСАНТАСЕНУ ПО УЛИЦАМЪ.

Погоди, Васантасена!
Легкій станъ мнѣ дай обнять
И роскошныя колѣна!
Погоди!... но ты изъ плѣна,
Какъ волны игривой пѣна,
Вырываешься опять!

Ты бѣжишь.... ты убѣжала,
Чуть касаясь до земли;
Ты, какъ молнья, проблистала
И какъ молнія пропала,
Только шелестъ покрывала
Чуть я слышу издали!

Только прыгаютъ и бьются
Кольца звонкія серегъ,
По щекамъ, какъ змѣи, вьются;
Только слышно, какъ трясутся
Какъ пронзительно смѣются
Колокольчики у ногъ....

http://rcin.org.pl

Точно серна передъ львами —
Такъ отъ насъ она бѣжитъ,
Только поясъ передъ нами
Драгоцѣнными камнями,
Будто яркими огнями,
И блистаетъ и горитъ.

Но опять я догоняю,
Я дотронулся слегка
До нея.... коснулся краю
Покрывалъ ея.... я таю:
Я услышалъ, я глотаю
Ароматъ ея вѣнка....

———

http://rcin.org.pl

БХАРТРИГАРИ(¹).

I.

ДѢВУШКА.

Какъ услышишь — полюбишь,
Поглядишь — не отстанешь,
А когда прикоснешься,
Обезумѣешь вовсе....
Ужь не знаю, назвать ли
Эту дѣвушку милой?

II.

БЛИЗКО И ДАЛЕКО.

Если ты ко мнѣ близка,
И очамъ моимъ открыта:
Ты отрадна, ты сладка,
Влага жизни ты, амрита!
А когда ты далека, —
Ты, какъ язва, ядовита,
Какъ отрава ты горька!

(¹) Древне-индійскій поэтъ и братъ царя Викрамадитьи, жившаго за 50 лѣтъ до Р. Х.

http://rcin.org.pl

СЪ ДРЕВНЕ-АРАБСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ИЗЪ «ХАМАСЫ» (1).

БЕДУИНЪ.

Я смотрѣлъ, за пальмой скрытый, сладко плача и рыдая,
Какъ она съ горы спускалась, что́ денница молодая;
Я смотрѣлъ — и непрестанно грудь слезами обливалась,
Точно нить драгихъ жемчужинъ въ ожерельѣ разорва-
лась....

---

(1) Хама́са значитъ — доблесть. Такъ названа книга древнихъ бедуинскихъ пѣсенъ, собранныхъ Арабомъ Абутемамомъ въ IX вѣкѣ.

http://rcin.org.pl

СЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

АНАКРЕОНЪ.

—

I.

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Дочь Танта́лова стояла
Гдѣ-то камнемъ на брегахъ;
Дочь Пандіона летала
Птицей-ласточкой въ поляхъ.
Мнѣ-жь бы въ зеркало хотѣлось
Обратиться хоть во снѣ,
Чтобы милая смотрѣлась,
Отражалася во мнѣ.
Я хитономъ быть хотѣлъ бы;
Я, прекрасная, одѣлъ бы
Плечи бѣлыя твои;
Обратился бы водою,
Чтобы, черпая рукою
Серебристыя струи,
Омывала дѣва мною
Перси нѣжныя свои.
Я хотѣлъ бы обращеннымъ
Въ дорогія масти быть,
Чтобы духомъ благовоннымъ
Кудри милой напоить.

http://rcin.org.pl

Легкимъ поясомъ прекрасной
Я желалъ бы побывать:
Я бы сталъ съ любовью страстной
Тонкій станъ ей обвивать.
Даже обувью твоею
Побывать желалъ бы я,
Чтобы ножкою своею
Попирала ты меня!

II.

РОЗЫ И ЛИЛІИ.

Что́, красавицы, бѣжите,
Мнѣ смѣясь издалека́?
Отчего вы не хотите
Посидѣть у старика?

Баловницы молодыя,
Видно, сущая бѣда
Эти кудри вамъ сѣдыя
И сѣдая борода!

Посидѣли бы со мною,
Посидѣли бы вы тутъ:
Вѣдь и лиліи порою
Вмѣстѣ съ розами растутъ!

---

http://rcin.org.pl

III.

ЦИКАДА.

Сколь блаженна ты, цикада:
Ты, росы упившись каплей,
На верху деревъ высокихъ,
Будто царь, поешь свободу.
Все твое, что́ предъ собою
На лугахъ ты злачныхъ видишь,
Все твое, что́ красно лѣто
И весна съ собой приносятъ.
Ты любезна земледѣльцу,
Не вредишь его посѣвамъ;
На землѣ ты всѣмъ пріятна,
Провозвѣстница веселья!
Ты отрадна Піэридамъ
И любима Аполлономъ;
Одарилъ тебя, цикада,
Онъ возвышенною пѣснью.
Ты и старости не знаешь,
О, безкровная пѣвица!
Неволнуема страстями,
Ты почти богамъ подобна!

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СЪ ЛАТИНСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ГОРАЦІЙ.

ДЕРЕВНЯ.

Блаженъ, кто, удалясь отъ суетныхъ заботъ,
Средь мирныхъ деревень спокойно поселится
И тамъ, въ поляхъ отцовъ, какъ древній смертныхъ родъ,
За плугомъ ходитъ онъ и весело трудится.

Заутра звукъ трубы его не пробудитъ,
Не угрозятъ морей разгнѣванные боги,
И робкая нога его не посѣтитъ
Надменной знатности высокіе пороги.

Но самъ онъ поутру проснется и пойдетъ
Въ аллеи темныя отеческаго сада
И тополь юную заботливо увьетъ
Зеленой, гибкою лозою винограда;

Засохшіе сучки обрубитъ онъ ножомъ
И свѣжіе привьетъ; и въ долы, сномъ объяты,
Спѣшитъ, гдѣ у него, стрегомы пастухомъ,
Пасутся буйволы и рѣзвые ягняты.

Иль станетъ выжимать изъ сота сладкій медъ
И кроткихъ стричь овецъ. Когда жь приходитъ лѣто
И осень съ полною кошницею идетъ,
Трясетъ колосьями и ждетъ его привѣта:

http://rcin.org.pl

Онъ въ садъ уходитъ вновь и, тамъ уединённъ,
Плоды поспѣлые рукой срываетъ жадной:
И груши сладкія, и сливы, и лимонъ,
И гроздія съ лозы снимая виноградной,

Тебѣ приноситъ ихъ, изнѣженный Пріапъ!
Потомъ ложится онъ подъ клены вѣковые,
На мягкой муравѣ, минутный нѣги рабъ,
И внемлетъ иволги степанія живыя;

Когда же зимній хладъ на землю шлетъ Зевесъ
И снѣгомъ мертвыя долины одѣваетъ —
Ловецъ, покинувъ домъ, бѣжитъ въ дремучій лѣсъ
И ярыхъ вепрей тамъ со стаей псовъ гоняетъ,

Свой духъ отважною забавой веселя;
Не то, къ себѣ дрозда коварной сѣтью манитъ;
Иль, взявши крѣпкій лукъ, онъ гостя-журавля
И зайца робкаго стрѣлою мѣткой ранитъ.

Душа охотника веселіемъ полна;
Деннницу каждую онъ зритъ съ улыбкой ясной,
Готовясь въ дальній путь; а добрая жена,
Межь тѣмъ, какъ мужъ уйдетъ за ловлею опасной,

Въ тревогѣ проведетъ томительную ночь,
Сабинка кроткая, съ любовью неизмѣнной,
Иль смуглолпкая долинъ тибурскихъ дочь,
Зажжетъ пенатамъ огнь въ тиши уединенной,

И станетъ ихъ молить, чтобъ мужъ издалека
Пришелъ и здравъ, и цѣлъ; потомъ рукою нѣжной
Она сосцы коровъ отъ сладкаго млека
Осушитъ и вина съ заботою прилежной

http://rcin.org.pl

Въ сосуды нацѣдитъ, и ждетъ съ закатомъ дня
Борьбою со звѣрьми истерзаннаго мужа;
Пришелъ онъ къ очагу, садится у огня;
Забытъ имъ тяжкій трудъ и яростная стужа,

И кажется ему пріятна и вкусна
Простая трапеза, трудовъ его награда,
И сладокъ острый сокъ янтарнаго вина;
Охотникъ насыщенъ, ему тогда не надо

Лукринской устрицы, ни афрскихъ куликовъ,
Ни жирныхъ рябчиковъ Іонін счастливой,
Лишь зелень вкусная, дитя родныхъ луговъ,
И мальвы нѣжныя съ домашнею оливой,

Да любящій поля питательный лапаѳъ,
За трапезой ножомъ изрѣзанный на части,
И жареный телецъ, питомецъ сельскихъ травъ
У волка жаднаго исхищенный изъ пасти.

Такъ сладко возлежать, свершивъ удачный ловъ
И вечеремъ глядѣть на жизнь полей цвѣтущихъ,
На мирныхъ поселянъ, на медленныхъ воловъ
Усталое ярмо и борону влекущихъ....

---

http://rcin.org.pl

ТИБУЛЛЪ.

СУЛЬПИЦІЯ.

Вижу Сульпицію нынѣ въ блестящей, пурпурной одеждѣ.
Марсъ! на нее посмотрѣть съ неба на землю сойди!
Боги о томъ не узнаютъ, но бойся ты, пламенный сердцемъ,
Выронить божескій мечъ бойся изъ твердой руки!

Диво Сульпиція нынѣ для взоровъ и бога безсмертныхъ!
Свѣточи ясныхъ очей вдвое зажглись и горятъ;
Дѣлать ли что начинаетъ, идетъ ли куда — и повсюду
Слѣдомъ за ней Красота, слѣдомъ за нею Любовь.

Если распуститъ она по плечамъ златокудрую косу,—
Кажется: лучше нельзя голову дѣвы убрать;
Снова ль подъ гребень слоновый сберетъ ее нѣжной рукою,
Въ гребнѣ опять хороша, гребень ей также къ лицу;

Явится ль въ тирской одеждѣ—повсюду сердца зажигаетъ;
Или въ туникѣ одной—также дивится народъ.
Много я знаю красавицъ, счастливыхъ красою Киѳеры,
Всѣхъ побѣждаетъ она: ихъ и не видишь при ней.

Кажется, ей лишь пристойны драгія тирійскія ткани,
Яркіе камни для ней черный Индіецъ несетъ;
Ей благовонныя масти Арабъ собираетъ богатый
Тамъ, гдѣ на жирной землѣ сочныя травы растутъ.

Музы! воспойте вы дѣву на праздникѣ Марса великомъ!
Фебъ! на струнахъ золотыхъ нынѣ и ты загреми!
Праздникомъ этимъ она да владѣетъ на многіе годы!
Дѣвы достойнѣе сей хоръ вашъ нигдѣ не найдетъ!

http://rcin.org.pl

СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ПЕТРАРКА.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Благословенъ годъ, мѣсяцъ и седмица,
Благословенъ и день, и самый часъ,
И даже мигъ, когда моя царица
Передо мной явилась въ первый разъ!

И будь ея благословенно око,
И та стрѣла благословенна будь,
Что́ навсегда вонзилася глубоко
Пѣвцу въ его страдальческую грудь!

Благословляю первое созданье
Моей души, святую пѣсню ту,
Гдѣ высказалъ я первое страданье
Гдѣ я воспѣлъ Лауры красоту!

Благословляю перья, что́ въ чужбинѣ
Писали мнѣ про милую мою!
Благословляю сердце, гдѣ донынѣ
Всѣхъ чувствъ моихъ владычицу таю!

---

http://rcin.org.pl

СЪ НѢМЕЦКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ГЁТЕ.

—

ИЗЪ «ФАУСТА».

ЛАБОРАТОРІЯ ФАУСТА.

(Ночь наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія.)

. . . . . .

ВАГНЕРЪ.

О, я остался бы и долѣ,
Чтобъ съ вами здѣсь потолковать.
Позвольте завтра, въ праздникъ, побывать:
Вопросъ одинъ-другой, не болѣ....
Хоть знаю много я, хотѣлъ бы *все* узнать!

(Уходитъ).

ФАУСТЪ.

И вотъ о чемъ мерещется невѣждѣ!
Къ богатствамъ льнетъ безсильная рука,
А роется во прахѣ, какъ и прежде,
И радъ, когда отыщетъ.... червяка!

И какъ ты смѣлъ коснуться къ сей святынѣ,
Когда *они* толпою притекли?...
Однако и тебѣ спасибо нынѣ,

http://rcin.org.pl

Бѣднѣйшему изъ всѣхъ сыновъ земли:
Отчаянье мой разумъ помутило,
Но изъ него меня исторгнулъ ты....
Явленье столь величественно было,
Что я упалъ пигмеемъ съ высоты!

Я, нѣкій духъ, чья творческая сила
Уже себя отъ міра отрѣшила;
Подобіе и образъ божества,
Я мнилъ уже стоять у граней естества
И полонъ былъ отрадной вѣры,
Что мнѣ иной доступенъ свѣтъ,
Иная жизнь, иныя сферы
И что задачъ мнѣ больше нѣтъ.
Я думалъ быть къ предвѣчной правдѣ близко;
Казалось, протекалъ ужь я
По тайнымъ нервамъ бытія, —
И что жь? опять грозой низверженъ низко!

Уже ль во прахѣ мнѣ лежать?...
Нѣтъ, мѣряться съ тобою я не смѣю:
Я вызывать тебя умѣю,
Но не умѣю удержать.
Когда во мнѣ кипѣло вдохновенье,
Я былъ великъ и малъ въ одно мгновенье,
Но ты смутилъ души высокій пиръ
И бросилъ вновь меня въ мышиный этотъ міръ!...
Какой мудрецъ теперь меня научитъ:
Куда идти? къ чему весь этотъ трудъ?
Вотъ такъ и всѣ хлопочутъ и снуютъ,
И что-нибудь всегда насъ въ жизни мучитъ!

О, гордый умъ! куда ты ни взлети,
Презрѣнный прахъ стѣснитъ тебя и свяжетъ,

http://rcin.org.pl

На творческую мысль твою наляжетъ,
Преградою возстанетъ на пути, —
И свѣточъ генія чудесный
Какъ-разъ померкнетъ въ кельѣ тѣсной!

Когда несется мощный умъ,
Въ порывѣ гордыхъ, смѣлыхъ думъ,
Надежды полный, въ лоно Бога, —
Ему небесъ недостаетъ;
Когда жь на землю онъ падетъ,
Ему тогда не надо мѣста много!...
Такъ мелкая забота въ насъ живетъ,
Тревожныя вселяетъ въ сердце боли
И точитъ насъ, подобно нѣкой молли,
Отъ горнихъ сферъ къ ничтожеству зоветъ
И путаетъ земною паутиной,
Являясь всякій разъ подъ новою личиной:
То хлѣбомъ, то ребенкомъ, то женой,
Огнёмъ, водой, кинжаломъ, или ядомъ,
Она съ тобой повсюду ходитъ рядомъ
И тѣшится повсюду надъ тобой!
Боишься ты всего, чего не знаешь;
Еще не потерялъ, а самъ уже рыдаешь....

И вотъ куда мечты меня вели!...
Такъ, я ничто предъ Тѣмъ, кто міромъ правитъ,
Я червь, который выползъ изъ земли;
Когда, кормясь, онъ роется въ пыли, —
Прохожаго пята его раздавитъ!

А этотъ хламъ? И это тлѣнъ, и пыль,
Мертвящіе фантазію живую,
Ненужный соръ и ветошь.... ужь не вы ль

http://rcin.org.pl

Откроете мнѣ тайну роковую?
Иль мнѣ прочесть въ мильонѣ этихъ книгъ
И вновь узнать, разрывши хартій груду,
Что люди маялись повсюду,
Что иногда небесный лучъ на мигъ
Съ высотъ сіялъ?... А ты что́ скалишь зубы,
Безмозглый черепъ, глядя на меня?
Иль ты, какъ я, искалъ во мракѣ дня
И также грызъ въ досадѣ губы,
Напрасно плача и стеня?...
И вы смѣетесь, хитрыя машины,
Валы, цилиндры, скобки и пружины!
Вы послужить имѣли мнѣ ключомъ
И ключъ въ замкѣ пошелъ-было ужь ходко,
Но все-таки остался ни причемъ,
Хоть у него кудрявая бородка!
Такъ, цѣлый вѣкъ считая и чертя,
Мой умъ донынѣ — слабое дитя!
Напрасно онъ трудится и хлопочетъ
Осуществить невѣрныя мечты:
Коль истина открыться не захочетъ,
Бросай, бѣднякъ, пружины и винты!...
Вы, старые, ненужные снаряды,
Сбережены лишь-только потому,
Что вы отцу служили моему.
Ты, свитокъ древній, копотью лампады
Пропитанный, лежишь съ которыхъ поръ!...
Давно бы мнѣ продать весь этотъ соръ,
Чѣмъ здѣсь потѣть и чахнуть безъ отрады.
Что́ получилъ въ наслѣдье отъ отца,
Умѣй ты тѣмъ воспользоваться нынѣ,
Чтобъ твой отецъ по смерти ожилъ въ сынѣ. —
И не стыди ты мертвеца!

http://rcin.org.pl

Но отчего мой взоръ влечется жадно
Къ той чашѣ сокровенной? Какъ магнитъ,
Она меня и тянетъ, и манитъ,
И стало мнѣ такъ ясно, такъ отрадно,
Какъ будто бы во мракѣ изъ-за тучъ
Внезапно мнѣ сверкнулъ веселый лучъ.

Привѣтъ тебѣ, сосудъ смиренный!
Съ благоговѣніемъ тебя я отыскалъ,
Рѣзьбой искусною украшенный бокалъ;
Скрываешь ты напитокъ драгоцѣнный,
Снотворно-сладкій, темный сокъ.
Смотрю я на тебя — и я уже далёкъ
Отъ мелочныхъ заботъ; въ душѣ моей отвага;
Безвѣстный океанъ очамъ моимъ открытъ,
У ногъ сверкаетъ искристая влага
И новый, яркій день къ себѣ меня манитъ!

Вотъ, вотъ она! несется колесница....
Огонь съ колесъ! Готовъ ужь я, готовъ
Летѣть къ тебѣ, зовущая денница,
И вырваться изъ бренныхъ сихъ оковъ!
Я чувствую, я слышу возрожденье,
Высокое, святое наслажденье;
Я вижу свѣтъ, играющій вдали....
Прощай, свѣтило блѣдное земли!
Ужь я не червь, я выше херувима,
Дерзаю дверь чудесную отверзть,
Которую другой обходитъ мимо.
Пора сложить томительную персть
И доказать, что воля человѣка
Сильнѣй всего отнынѣ и до вѣка,
И не дрожитъ предъ бездной роковой,

http://rcin.org.pl

Гдѣ самый Адъ, гдѣ скрежетъ, плачъ и вой....
Какъ весело на этотъ шагъ рѣшиться,
Хоть бы съ опасностью въ ничтожность обратиться!...

Итакъ, иди, расписанный кристалъ,
Изъ твоего старинпаго футляра!
Въ былые дни средь пира ты блисталъ,
Ты былъ — виномъ наполненная чара;
Сѣдыхъ отцовъ ты нашихъ веселилъ,
Когда они сидѣли за столами.
Бывало, тотъ, кто сокъ янтарный пилъ,
Разсказывалъ товарищу стихами
О томъ, что́ здѣсь художникъ начертилъ.
Все это мнѣ напоминаетъ живо
Веселыя проказы прежнихъ лѣтъ....
Теперь не то: въ бокалъ граненый пива
Я не налью, не будетъ пить сосѣдъ!
И какъ тогда, гостей въ бесѣдѣ шумной,
Не разсмѣшу я рѣчью остроумной.
Хмѣльно́й напитокъ, скрытый тутъ,
На днѣ лежащій влагой темной, —
Не разсуждая, быстро пьютъ.
Иди жъ ко мнѣ, напитокъ скромный!
Пора! проходитъ ночи тѣнь....
Привѣтствую тебя, великій день!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ!
Для васъ отрада,
Земныя чада,
Васъ ждетъ награда
Среди небесъ!

http://rcin.org.pl

ФАУСТЪ.

Небесный звукъ, отрадный гласъ,
Благовѣствующій спасенье!
Уже ль пробилъ великій часъ
И свѣтлое настало воскресенье?
Не эта ль пѣснь, спасительно-чиста,
Въ ночь погребенія, сначала,
Надъ дивною гробницею Христа
Изъ устъ архангеловъ звучала?

ХОРЪ ЖЕНЪ-МУРОНОСИЦЪ.

Мастью драгою
Мы умастили
Ноги Христа;
Мы пеленою
Тихо покрыли
Божьи уста.
Съ мастью приходимъ
Снова мы днесь,
Но не находимъ
Господа здѣсь!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Воскресъ Христосъ!
Блаженъ живущій,
Въ печалѣхъ сущій,
Кто крестъ гнетущій
Безъ плача нёсъ!

ФАУСТЪ.

Могущественно-сладостные звуки,
Меня въ пыли вы ищете къ чему?
Звучите тамъ, гдѣ нить скорбей и муки!

http://rcin.org.pl

Я слышу вѣсть, но вѣры не ему,
А чудеса блаженной вѣры чада!
Ни вѣровать, ни вѣдать мнѣ не надо,
Отколь звучитъ божественная вѣсть....
А между тѣмъ небесная отрада
И нѣчто чудотворное въ ней есть.
Былые дни припомнилъ я невольно,
Субботы сей торжественную тишь;
Знакомый звукъ, ты снова мнѣ звучишь, —
И мнѣ съ землей ужь разставаться больно!
Я слышу тѣ колокола,
Которымъ я внималъ, бывало,
Когда сама собой изъ устъ моихъ текла
Молитва жаркая и духъ мой волновала,
И голосъ трепеталъ отъ дѣтскихъ, сладкихъ слезъ;
Когда какая-то невѣдомая сила
Въ луга и въ лѣсъ меня манила,
Гдѣ я игралъ, и нѣжился, и росъ....
Иная жизнь, безъ шума, и безъ грозъ....
Святая пѣснь, меня ты оживила!
Послала мнѣ младенческіе сны
И чувства праздника весны....
Прочь, прочь, бокалъ! утихли сердца муки!
Раздайся тихій, сладкій звонъ!
Пролейтесь вы, спасительные звуки!
Я плачу: вновь землѣ я возвращенъ!

ХОРЪ УЧЕНИКОВЪ.

Уже погребенный
Въ обители слезъ,
На небо нетлѣнный
Вознесся Христосъ.
Его жь призываемъ
Въ слезахъ и въ борьбѣ,

http://rcin.org.pl

Поемъ и взываемъ,
Учитель, къ Тебѣ:
Услыши моленье
Скорбящихъ земли,
Душамъ ихъ спасенье,
Владыко, пошли!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Владыко воскресъ!
Свергайте оковы
И будьте готовы
На лоно Еговы,
Въ обитель небесъ!
Его, вездѣсущаго,
Намъ въ скорбѣхъ присущаго,
Спасенье несущаго,
Молитъ вся плоть,
Нашъ Онъ Господь!

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СЪ ШВЕДСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

РУНЕБЕРГЪ (1).

—

I.

ЖАЛОБА ДѢВЫ.

Еслибъ, сердце, ты лежало
На рукахъ моихъ,
Все качала бы, качала
Я тебя на нихъ,

Будто мать дитя родное,
Съ тихою мольбой, —
И заснуло бъ ретивое
Ты передо мной!

А теперь въ груди сокрыто,
Заперто въ тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему;

Но не видитъ онъ печали;
Какъ мнѣ съ этимъ быть?
Позабыть его? Едва ли
Можно позабыть!

---

(1) Первый шведскій поэтъ настоящаго времени, родомъ Финляндецъ; живетъ постоянно въ городѣ Борго.

http://rcin.org.pl

Мчатся годы, грусть все та же,
Тѣ же все мечты....
Сердце, сердце, да когда же
Здѣсь умолкнешь ты?

II.

ИЗМѢНА МИЛАГО.

Прибѣжала дѣва рано,
Щеки дѣвы красны были.
«Отчего ты такъ румяна?»
Братья тугъ у ней спросили.

— Ныньче утромъ до восхода
За малиной я ходила,
Да подня́лася погода
И дождемъ въ лицо мнѣ било. —

Разъ пришла она въ свѣтлицу,
Щеки дѣвы блѣдны были;
Братья встрѣтили сестрицу
И про то́ у ней спросили.

Имъ, дрожа и леденѣя,
Дѣва молвитъ черезъ силу:
«Братья, братья, поскорѣе
Вы копайте мнѣ могилу!

«На могилу положите
Доску черную, простую,
На доскѣ вы напишите,
Напишите рѣчь такую:

http://rcin.org.pl

«Разъ пришла она румяна,
Разгорѣлась, распылалась
Оттого, что утромъ рано
Долго съ милымъ цаловалась.

«Разъ пришла, что́ мраморъ блѣдный,
Былъ опущенъ взоръ унылый,
Оттого, что дѣвѣ бѣдной
Сталъ ея невѣренъ милый!»

---

http://rcin.org.pl

СЪ АНГЛІЙСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

БАЙРОНЪ.

—

I.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ БАЙРОНОМЪ НА ЧЕРЕПѢ.

Зачѣмъ трепещешь ты? Не думай,
Что я инаго міра гость,
Мертвецъ холодный и угрюмый,
Гробовъ безсмысленная кость!

Я не начну о жизни прошлой
Давно извѣстный всѣмъ разсказъ,
И утомительный, и пошлый,
Какіе слышалъ ты не разъ;

Нѣтъ, не мертвецъ передъ тобою:
Какъ ты, я жилъ, любилъ, страдалъ,
Но умеръ я и взятъ землёю,
И долго гнилъ, и долго спалъ;

Меня нашелъ ты межь гробами
И, мною кубокъ замѣня,
Ты нынѣ пьянствуешь съ друзьями....
И такъ дотронься до меня!

http://rcin.org.pl

Не столько холодны и грубы
Уста холодныя людей,
Какъ отвратительныя губы
Могильныхъ жителей-червей!

Пусть нынѣ буду въ пользу брата —
И тамъ, гдѣ мозгу нѣтъ давно,
Гдѣ свѣтлый умъ блестѣлъ когда-то,
Пускай блеститъ твое вино!

Пей, пей, пока еще, ликуя,
Живешь и пьешь между своихъ!
Покуда, надо мной рюмуя,
Смѣшишь, или пугаешь ихъ!

Умрешь — и, можетъ быть, достанутъ
Твой черепъ также, и надъ нимъ
Трунить и забавляться станутъ,
И рюмовать, какъ надъ моимъ!

http://rcin.org.pl

II.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Л. Г. К.)

Она идетъ, блистая красотою,
Цвѣтущая земли роскошной дочь,
Одѣтая сіяніемъ и тьмою,
Какъ дивная полуденная ночь;
Исполнены плѣнительныя очи
Небеснаго и тихаго огня,
Какого нѣтъ у самой ясной ночи,
У самаго блистательнаго дня!

Однимъ лучомъ, одною тѣнью болѣ, —
И безыменной нѣтъ уже красы,
Что́ сладостно покоилось дотолѣ
Въ волнахъ ея изнѣженной косы,
И на челѣ возвышенномъ сіяла,
Гдѣ кроткая и тихая мечта
Таинственно для смертныхъ начертала,
Что свѣтлая скрижаль ея чиста.

Она идетъ воздушною стопою
Не по землѣ, а мнится, въ небесахъ;
Она идетъ, блистая красотою,
Съ улыбкою привѣта на устахъ.

http://rcin.org.pl

Все чудно въ ней, торжественно и стройно,
И хоть лицо горитъ у ней огнемъ,
Но дѣвственное сердце въ ней спокойно
И самая любовь — невинность въ немъ!

---

http://rcin.org.pl

СЪ ЧЕШСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ГАНКА.

I.

ЛАБА (1).

Ты куда, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывешь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поешь?

Про кого поешь ты пѣсни
Въ темной рощѣ и въ лѣсу?...
Распѣвалъ и я, бывало,
Про нее, мою красу!

Да недолго безмятежно
Дни катилися мои,
Что́ у Лабы серебристой
Тиховодныя струи:

Разлучили вдругъ со мною
Сердце — милую мою, —
Съ той поры я, сиротина,
Звонкихъ пѣсенъ не пою!

---

(1) Эльба.

http://rcin.org.pl

Ты куда жь, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывешь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поешь?

II.

О Ч И.

Очи, полныя огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

Веселюсь ли я съ толпой,
Въ стѐпи ли безлюдныя
Унесусь — и вы за мной,
Пламенныя, чудныя!

Всякій день и всякій часъ,
Днемъ и въ ночь угрюмую,
Только знаю, что про васъ
Думушку я думаю!

Очи, полныя огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

---

http://rcin.org.pl

СЪ ПОЛЬСКАГО

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

МИЦКЕВИЧЪ.

—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ «ПАНЪ ТАДЕУШЪ».

I.

ЗАМОКЪ СТОЛЬНИКА ГОРЕШКИ.

Кто лѣтъ не помнитъ тѣхъ, когда, въ счастли́вой долѣ,
Онъ юношею былъ, ходилъ отважно въ поле,
Закинувъ мѣткую винтовку на плечо, —
А бѣшеная кровь кипѣла горячо?
Какъ птица воленъ былъ среди дубравъ широкихъ,
Бродилъ по всѣмъ путямъ, и въ небесахъ далекихъ
Заранѣ, какъ пророкъ, онъ бури узнавалъ,
Порой, какъ чародѣй, къ землѣ онъ припадалъ:
Она, безмолвная для прочихъ, какъ могила,
Таинственную рѣчь съ нимъ тихо заводила....

Вотъ, утренній вѣщунъ, задергалъ карастель,
Вспорхнулъ — и вновь упалъ въ зеленую постель:
Его не сыщешь тамъ!... вонъ жаворонокъ вьется,
Звенитъ и пѣснь его далёко раздается....
Порой, въ высѝ небесъ, покажется орелъ,

http://rcin.org.pl

Очами зоркими окидывая долъ,
Иль ястребъ, просвистѣвъ крыломъ подъ облаками,
Повиснетъ въ воздухѣ надъ темными лѣсами, —
И вдругъ на голубя, спорхнувшаго съ гнѣзда,
Онъ падаетъ съ высотъ небесныхъ, какъ звѣзда.

О, милый сердцу край! Когда-то снова боги
Узрѣть позволятъ мнѣ родимые пороги,
Когда-то я опять въ деревнѣ буду жить
И въ конницѣ псарей по-прежнему служить,
Не зная битвъ иныхъ, окромѣ лишь охоты,
И вмѣсто модныхъ книгъ слѣдя бурмистра счеты?...

Ты вновь приснился мнѣ, полей моихъ просторъ....
Вотъ солнце медленно выходитъ изъ-за горъ,
И въ рощу, сквозь вѣтвей, бѣгутъ лучи денницы,
Какъ ленты изъ косы души моей дѣвицы,
Заглядываютъ въ садъ, на желтое гумно,
И будятъ сонную красавицу давно:
На темной муравѣ лежитъ она; ланиты
Пылаютъ розами; уста полуоткрыты
И грудь высокая вздымается слегка
И бѣлоснѣжная откинута рука.
Проснись: уже пора! чу, хлопнувши крылами,
Ужь лебедь началъ пѣть надъ сонными водами
Свой гимнъ торжественный, привѣтствіе зарѣ;
И гусь загоготалъ съ гусыней надъ дворѣ;
Какъ эхо, на прудѣ имъ утки отвѣчали,
По кровлямъ воробьи, скача, защебетали;
На пастбища бѣгутъ веселыя стада
И звонкій рогъ трубитъ въ долинахъ иногда.

Охотники давно проснулись въ Соплицовѣ.
Движенье, суета. Все въ сборѣ, на готовѣ

http://rcin.org.pl

Пуститься полевать. Визжатъ и скачутъ псы,
Полны особенной и жизни, и красы
(Быть можетъ, одному охотнику понятной),
На сворку просятся: то знакъ благопріятный.
Выходитъ панъ Судья, компанію прося —
И шумно двинулась за нимъ охота вся.

Вотъ поле сѣрое предъ ловчими открыто,
Гдѣ только лишь вечоръ жнецы убрали жито.
Кочкарь и борозды бѣгутъ, пестрѣя, вдаль
Туда, гдѣ синяя небесъ видна эмаль,
Слегка дрожащая отъ утренняго пара.
Высокія межи, подобіе бульвара,
Повсюду поросли косматою травой:
Пахучимъ донникомъ, репьями, лебедой.
И все, и весь ландшафтъ широкій, необъятный,
Все вѣетъ свѣжестью, охотнику пріятной:
И бодро конь его и песъ его бѣжитъ....
Вдругъ тихо раздалось протяжное: «лежитъ!»
Которое съ сѣдла выводитъ доѣзжачій,
Поднявъ арапникъ вверхъ — все стихло: визгъ собачій
И всей охотничьей аравы топотня.
Тадеушъ удержалъ ретиваго коня,
Привсталъ на стременахъ и ждетъ, что заяцъ вскочитъ;
Глядитъ впередъ себя, но тщетно онъ хлопочетъ:
Не видитъ ничего охотникъ молодой,
Лишъ только борозда бѣжитъ за бороздой
И въ безконечности теряются далёко:
Чтобъ видѣть русака, привычнѣй нужно око!
Тадеушъ отъ полей давно уже отвыкъ;
А заяцъ, съёжившись, за кочкою приникъ
Какъ-разъ противъ него: прижался и таится,
Почуялъ борзыхъ псовъ и выскочить боится;
Но вотъ ужь у него арапникъ на хвосту:

http://rcin.org.pl

Русакъ вскочилъ, пошелъ — «ату его, ату!»
Задорные ловцы всѣ разомъ закричали
И, мигомъ пыль поднявъ, въ клубахъ ея пропали.

Въ то время подъѣзжалъ къ охотѣ, сбоку, Графъ,
Шажкомъ; какъ водится, на травлю опоздавъ:
Ни разу, отродясь, онъ не вставалъ до свѣту.
Шотландскій макинтошъ гороховаго цвѣту
Полами длинными съ зефирами игралъ,
Межь-тѣмъ, какъ всадникъ нашъ охоту узиралъ.
За нимъ — одѣтые по-англійски лакеи,
Которые звались въ дому его джокеи.

Вдругъ замокъ передъ нимъ изъ рощи возстаетъ:
Графъ смотритъ и никакъ его не узнаетъ,
Затѣмъ, что поутру попалъ туда впервые:
Исчезли старыхъ стѣнъ морщины вѣковыя,
И нанесенная столѣтіями мгла,
При утреннихъ лучахъ, съ гранитнаго чела
Разсѣялась; пропалъ куда-то мракъ всегдашній —
И замокъ весь сіялъ съ его красивой башней.
Далекій травли гулъ, крикъ столькихъ голосовъ
По вѣтру донеслись къ нему изъ-за лѣсовъ:
Ихъ шумъ дремавшія развалины встревожилъ —
Казалось: замокъ вновь, народомъ полонъ, ожилъ.

Картиной пораженъ, Графъ лошадь осадилъ,
Затѣмъ, что всякую нечаянность любилъ,
Оригинальныя, массивныя строенья,
Съ печатью старины, преданій и забвенья,
Напомнившія далекіе года.
Графъ былъ большой чудакъ: видали иногда,
Какъ онъ, заѣхавши охотиться въ дубраву,
Внезапно покидалъ охотничью ораву

http://rcin.org.pl

И молча гдѣ-нибудь садился надъ ручьемъ.
Порою бе́зъ толку бродилъ одинъ съ ружьемъ:
Дичь видитъ, а не бьетъ. Богъ вѣсть, о чемъ забота....
Твердили, что ему не достаетъ чего-то:
Должно быть несовсѣмъ въ порядкѣ голова;
Но всякъ его любилъ, и знала вся Литва,
Что тихо онъ живетъ, не судитъ и не рядитъ
О ближнемъ; что его и прадѣтъ и прапрадѣдъ
Такими жъ графами окончили свой вѣкъ;
Что, напослѣдокъ, онъ хорошій человѣкъ:
Хотя обремененъ огромными долгами,
Но къ бѣднымъ милостивъ и ласковъ со слугáми;
Что гостю всякому во всякій часъ онъ радъ,
И даже для жидовъ негордъ и тароватъ.

Такъ точно и теперь отъ псарни онъ отбился,
Поѣхалъ въ сторону, предъ зáмкомъ очутился,
На стѣны посмотрѣлъ, подумалъ — и тогда жъ
Досталъ изъ-подъ сѣдла портфель и карандашъ
И ну чертить ландшафтъ; вдругъ видитъ: кто-то сбоку
Подкрался и стоитъ оттоль неподалéку,
Весь въ созерцаніи, спокоенъ, недвижимъ,
Казалось, тѣмъ же былъ недугомъ одержимъ:
Въ разрушенныхъ стѣнахъ разглядывалъ каменья,
Какъ-будто въ нихъ искалъ предметъ для вдохновенья.
Замѣтивъ пришлеца и свой портфель убравъ,
Тихонько на конѣ къ нему подъѣхалъ Графъ,
Вглядѣлся пристально, окликнувши три раза —
И только тутъ узналъ онъ Ключника Герваза.
То́ старый шляхчичъ былъ, давно какъ лунь сѣдой,
Съ огромной лысиной, съ небритой бородой,
Съ физіономіей угрюмой и суровой,
Остатокъ жалостный отъ челяди дворовой
Горешки; въ оны дни отчаянный буянъ,

http://rcin.org.pl

Гуляка, балагуръ; когда жь вельможный панъ
Горешка въ битвѣ палъ, — Гервазъ перемѣнился:
Ходилъ насупившись, не спорилъ, не бранился,
Утихъ и присмирѣлъ; и вотъ ужь много лѣтъ
На свадьбахъ, на пирахъ простылъ его и слѣдъ;
Ни шутки отъ него не слышно, ни усмѣшки
Не видно на устахъ. Послѣдняго Горешки
Носилъ ливрею онъ изъ синяго сукна,
Гдѣ были на бортахъ остатки галуна
И шитый графскій гербъ — коза въ зеленомъ полѣ,
Отъ этого Козой зовутъ его дотолѣ;
Мопанкомъ иногда зовутъ и наконецъ,
Что лысина въ рубцахъ, зовутъ его Рубецъ.
На счетъ его гербовъ, но видно онъ гербами
Своими пренебрегъ: весь вѣкъ ходилъ съ ключами
И Ключникомъ себя смиренно называлъ,
Хоть за́мокъ съ давнихъ поръ въ развалинахъ стоялъ,
Безъ оконъ и дверей — въ томъ не было потери —
Но Ключникъ отыскалъ какія-то двѣ двери
И въ за́мкѣ ихъ воздвигъ на собственный свой счетъ;
Съ тѣхъ поръ въ одной изъ залъ спокойно онъ живетъ,
По комнатамъ пустымъ одинъ-себѣ гуляетъ
И двери всякій день преважно отпираетъ,
И этимъ сытъ. Чудакъ у Графа жить бы могъ,
Нашелся бъ для него и хлѣба тамъ кусокъ,
Но Ключникъ, безъ своихъ горешковскихъ развалинъ,
Безъ за́мка своего былъ боленъ и печаленъ.

Лишь только вдалекѣ онъ Графа увидалъ, —
Горешки кровнаго, — проворно шапку снялъ
И, низменный поклонъ отвѣсивши глубоко,
Вдругъ лысину открылъ, свѣтившую далёко,
Браздами взрытую и вдоль и поперегъ;
Потомъ приблизился, опять до панскихъ ногъ

http://rcin.org.pl

Припалъ, какъ слѣдуетъ, и поклонился низко,
И робко началъ такъ: «Мопанку мой, паниско!
Прости такую рѣчь слугѣ ты своему!
«Мопанку» говорилъ (да будетъ миръ ему!)
Послѣдній стольникъ нашъ, Горешка. Ясный пане!
Мопанку! правду ли болтаютъ поселяне,
Что бросилъ ты процесъ и старый за́мокъ свой
Соплицамъ отдаешь? Скажи: то слухъ пустой,
Мопанку, или все, что́ лаютъ, справедливо?»
А самъ поглядывалъ на за́мокъ боязливо.

— По мнѣ тутъ ничего особеннаго нѣтъ,
Сказалъ небрежно Графъ: процесу много лѣтъ,
Напрасно тратимся! и дорого, и скушно;
Пора покончить споръ, простить великодушно
Другъ друга и задать на примиреньѣ пиръ! —
«Покончить? крикнулъ тотъ: простить? съ Соплицей миръ?
(И это говоря, онъ страшно искривился
И собственнымъ словамъ не вѣрилъ и дивился):
О, нѣтъ! ты шутишь, панъ! покончить, уступить!
Не вѣрю ни за что! Во вѣкъ тому не быть!
Пустыя выдумки, напраслина, насмѣшки!
Мопанку! за́мокъ нашъ, наслѣдіе Горешки
Соплицамъ уступить? Съ Соплицей миръ? Ни-ни!
Пожалуй, слѣзь съ коня, будь милостивъ, взгляни
На за́мокъ.... ну, а тамъ пусть судитъ Богъ и время!»
И Ключникъ придержалъ ему рукою стремя.

Вошли. «Вотъ здѣсь, въ сѣняхъ, старинные панцы
(Такъ началъ Ключникъ рѣчь), дворомъ окружены,
Сидѣли на скамьяхъ по трапезѣ вечерней.
Панъ стольникъ разрѣшалъ отсюда споры черни,
Повѣтскихъ поселянъ; когда же въ духѣ былъ,
Гостямъ исторіи разсказывать любилъ,

http://rcin.org.pl

Иль самъ выслушивалъ ихъ шутки и бесѣды.
Порой на молодежь посматривали дѣды,
На игры въ бары, въ мячъ; кто крѣпче и сильнѣй,
Тотъ панскихъ объѣзжалъ здѣсь по́ двору коней.»

Прошли еще покой. «А какъ о томъ разсудитъ
Мой панъ (сказалъ Гервазъ) и кампей тутъ не будетъ,
Что́ винныхъ бочекъ здѣсь разбито въ оны дни;
Рядами по стѣнамъ тутъ ставились они,
На крѣпкихъ поясахъ изъ погреба добыты
Честно́ю шляхтою, на праздникъ знаменитый,
Не то на сельскій сеймъ, собравшейся сюда;
На хорахъ музыка играла иногда,
Органы до утра весь за́мокъ оглашали;
Когда жь заздравные викаты возглашали,
Трубили трубы здѣсь, какъ-будто въ судный день.
И пѣли пѣвчіе съ окрестныхъ деревень.
Виваты рядомъ шли: сначала пили гости
Здоровье короля, его кролевской мости,
Потомъ за здравіе примаса, а потомъ
Шелъ тостъ уже за весь за королевскій домъ;
А тамъ за здравіе всей шляхты именитой,
А тамъ ужь, наконецъ, всей Рѣчи Посполитой,
Потомъ «Kochajmy się (1)!» тутъ свѣжихъ бочки три
Послѣдній тостъ гремѣлъ до утренней зари,
Межъ тѣмъ, по строгому наказу воеводы,
Гостямъ готовились и цуги, и подводы.»

Прошли въ молчаніи еще покоя два.
По сводамъ, кое-гдѣ, вилась уже трава.
Гервазъ не говорилъ, но, будто сномъ объятый,

---

(1) Возлюбимъ другъ друга! — заключительный тостъ всѣхъ польскихъ пирушекъ.

http://rcin.org.pl

Оглядывалъ кругомъ знакомыя палаты,
Насупивъ безъ того угрюмое чело,
Казалось, выражалъ молчаньемъ: «все прошло!»
Здѣсь жалостно кивалъ, а тамъ махалъ рукою...
Потомъ они пришли къ обширному покою,
Который прежде весь былъ убранъ въ зеркалахъ,
А нынѣ рамы лишь виднѣлись на стѣнахъ,
Безъ стеколъ; выбиты глядѣли всѣ окошки;
Насупротивъ, въ травѣ протоптанной дорожки,
Нависло ветхое, убогое крыльцо;
Ступивши на него, старикъ закрылъ лицо
И долго простоялъ; когда же о́тнялъ руки, —
Въ очахъ, на всемъ челѣ такъ много было муки,
Что Графъ, хоть и не зналъ покуда ничего, —
Глядѣлъ съ сочувствіемъ и грустью на него.
Молчанье перервавъ, Гервазъ поднялъ десницу:
«Нѣтъ, молвилъ, никогда Горешковъ и Соплицу
Нельзя соединить! Мопанку, и въ тебѣ
Течетъ Горешки кровь: не уступай борьбѣ!
Ты стольнику родня по матери Ловчинѣ;
Узнай же про него исторію ты нынѣ,
Внимательно слѣди разсказъ мой до конца! —
Все это было здѣсь, у этого крыльца!

«Покойный стольникъ мой былъ первый панъ въ повѣтѣ,
Богачъ, имѣлъ онъ дочь всего одну на свѣтѣ,
Красавицу, тогда шестнадцати годовъ.
Отбою не было у насъ отъ женихов.
Межъ шляхты былъ одинъ, не изъ большаго рода,
Соплица, прозванный изъ шутокъ Воевода,
Весь округъ у себя держалъ на сторонѣ,
Про все, что́ захотѣлъ, приказывалъ роднѣ,
И сотней ихъ шаровъ командовалъ заранѣ,
Какъ-будто у него лежатъ они въ карманѣ;

http://rcin.org.pl

Хоть самъ имѣлъ земли съ четыре полосы,
Да саблю у́ боку, да длинные усы —
И только. Стольникъ-панъ до этого народу
Былъ ласковъ, принималъ почасту Воеводу
И въ замкѣ угощалъ. Соплица мой (туда жь
Залѣзетъ въ голову такая дрянь и блажь!)
Монанку, выдумалъ, какъ-будто бы на ровнѣ,
Посватать попытать на нашей стольниковнѣ!
Непрошеный сюда къ Горешкамъ зачастилъ,
Какъ дома у себя, у насъ и ѣлъ, и пилъ,
Токаю одного пошло не вѣсть что́ дюжинъ....
Но вдругъ ему гарбузъ (2) мы подали на ужинъ.
А панна видно тожь, немного, знать, того....
Однако никому объ этомъ ничего.

«Довольно лѣтъ тому, дѣла временъ Косцюшки.
Панъ шляхту собиралъ; сходились другъ ко дружкѣ,
Конфедерацію почуявши вдали;
Вдругъ, въ ночь, нагрянули на за́мокъ Москали,
Изъ пушки выпалить едва осталось время,
Всѣ двери заперть и хворосту беремя
Позади навалить; а въ за́мкѣ — я да панъ,
Да двое поварятъ; кухмистеръ, хоть и пьянъ,
А то же взялъ ружье; стволы во всѣ окошки!
Глядимъ, а Москали, карабкаясь, какъ кошки,
Ужь лѣзутъ на заборъ; мы залпъ имъ прямо въ лобъ:
Кто на плетнѣ повисъ, кто сверху на земь хлопъ,
Разсѣялись — и тутъ пошелъ огонь батальный,
Гремя безъ устали, какъ въ битвѣ генеральной.
Пятнадцать на полу лежало ружей тутъ:
Пали́ изъ одного, другое подаютъ, —
Ксендзъ-пробощъ заряжалъ и стольничиха-пани,

(2) Т. е. тыкву — знакъ отказа.

http://rcin.org.pl

Все было мастерски обдумано заранѣ —
Градъ пуль изъ-за плетня пустили Москали
И, нечего сказать, порядкомъ насъ дошли;
Проклятый сопостатъ былъ вчетверо сильнѣе,
Но видно сверху мы удачнѣй и вѣрнѣе
Накаливать могли: врагъ трижды напиралъ,
Но кто-нибудь всегда вверхъ ноги задиралъ,
И по́ лугу кашкетъ его катился черный....
До самаго утра кипѣлъ здѣсь бой упорный;
Всего-то пять стрѣлковъ, а задали мы жаръ!
Подъ утро Москали бѣжали за амбаръ
И тамъ столпились всѣ — пришло имъ больно худо —
Панъ вышелъ на крыльцо и ну палить оттуда:
Чуть голову какой высовывалъ холопъ —
Панъ стольникъ за ружье — бабахъ! — и прямо въ лобъ.
Мы также рядомъ съ нимъ огонь открыли мѣткій,
И подлинно, отъ насъ украдывался рѣдкій
Пѣхура за амбаръ. Тутъ битвѣ бъ и шабашъ:
На штурмъ хотѣли мы; панъ выхватилъ палашъ:
«За мной, Гервазъ, за мной!» вдругъ выстрѣлъ съ боку
грянулъ —
Панъ стольникъ поблѣднѣлъ, шатнулся и отпрянулъ
Назадъ; я посмотрѣлъ: попала пуля въ грудь.
Хотѣлъ онъ говорить, лишь могъ рукой махнуть,
И пальцемъ показалъ на крайнюю свѣтлицу —
Узналъ я, угадалъ разбойника Соплицу
По росту и усамъ! и сердце мнѣ мое
Сказало.... онъ стоялъ держа въ рукахъ ружье,
Насупротивъ, и дымъ еще струился бѣлый;
Я вмигъ прицѣлился — онъ сталъ, какъ помертвѣлый;
Я дважды выстрѣлилъ и дважды промахъ далъ,
Съ досады, съ горя ли.... тутъ крикъ я услыхалъ:
Сбѣжались изъ дому ксендзъ-пробащъ, панна, пани,
Потомъ и Москали.... но это какъ въ туманѣ

http://rcin.org.pl

Я помню.... Такъ погибъ, такой имѣлъ конецъ
Нашъ стольникъ, шляхты братъ, селянамъ панъ-отецъ!
Носилъ онъ булаву, а не оставилъ сына,
Кто могъ бы отомстить.... но слуги господина
Живутъ еще: снискалъ онъ лаской ихъ любовь;
И Ключникъ живъ еще! въ струящуюся кровь
Тогда же омочилъ я прадѣдовскій, длинный,
Завѣтный мой палашъ, мой ножикъ перочинный,
Какъ всѣ его зовутъ (чай, панъ слыхалъ о немъ?
На сеймахъ и вездѣ по ярмаркамъ кругомъ
Давно извѣстенъ онъ) — я далъ себѣ присягу
Весь вѣкъ Соплицамъ мстить, пока въ могилу лягу.
И вотъ ужъ сколько лѣтъ преслѣдую я ихъ:
Въ Варшавѣ посадилъ на ножикъ мой тройхъ,
Четвертаго поймалъ въ Кореличахъ на рынкѣ,
Двоихъ подъ Краковомъ убилъ на поединкѣ,
Во Львовѣ одного; обшарилъ цѣлый свѣтъ;
А что ушей посѣкъ — о, имъ и счету нѣтъ!
Остался лишь одинъ и живъ, и цѣлъ на свѣтѣ,
Тому Соплицѣ братъ, уваженный въ повѣтѣ,
Богачъ, тебѣ сосѣдъ, Сопліца панъ-судья...
И замокъ нашъ ему? нѣтъ, графъ, не вѣрю я,
Не вѣрю, чтобы смѣлъ сюда занесть онъ ногу,
Кровь стольника стереть съ высокаго порогу
Нечистымъ сапогомъ! Нѣтъ этому не быть!
Покамѣстъ я могу хоть пальцемъ шевелить
И двигать свой палашъ, свой ножикъ перочинный —
Не будетъ паномъ здѣсь Сопліца ни единый!»

— Да, подлинно, сказалъ, прослушавъ повѣсть, Графъ:
Преданье хоть куда! Ты въ самомъ дѣлѣ правъ:
Мы замокъ отстоимъ; я чтилъ его не даромъ,
Любилъ руины тѣ (онъ такъ добавилъ съ жаромъ),

http://rcin.org.pl

Хоть и не зналъ, что здѣсь, межь самыхъ этихъ стѣнъ,
Случилось столько битвъ и драматичныхъ сценъ!
Гервазъ! когда права на за́мокъ мы докажемъ,
Ты будешь мой мургра́фъ, ты будешь за́мка стражемъ.
Досадно, не пришли сюда мы въ часъ иной,
Когда на стѣны тѣ ложится мракъ ночной:
Окутанный плащомъ, я сѣлъ бы на руинахъ,
А ты бы мнѣ вѣщалъ о прежнихъ властелинахъ,
О панахъ этихъ мѣстъ, дѣянья прошлыхъ лѣтъ....
Во всей Германіи такого за́мка нѣтъ,
Съ которымъ хоть одно не связано преданье —
Кровавый договоръ — любовниковъ свиданье —
Коварство недруга — измѣна — битва — месть....
Но я не зналъ досель, что въ Польшѣ тоже есть
Такіе случаи.... Я кровь Горешковъ слышу
И буду защищать мою родную крышу
Съ оружіемъ въ рукахъ! Такъ, будетъ сабель звонъ!—
Сказалъ — и, медленно шагая, вышелъ вонъ.
За нимъ послѣдовалъ Гервазъ печальный сзади.
Графъ прыгнулъ на коня и, при послѣднемъ взглядѣ
На за́мокъ, проворчалъ тихонько: — право жаль,
Здѣсь нѣтъ наслѣдницы: пошло бы это вдаль,
Соплица началъ бы упорствовать упрямо,
Я тоже, — и какъ-разъ могла бы выйти драма:
Здѣсь — давняя вражда, вендетта, кровь за кровь,
А здѣсь — поэзія, восторги и любовь! —

Такъ ше́пча про себя, коню даетъ онъ шпоры
И скачетъ по полямъ, узрѣвъ смычки и своры,
Охотниковъ, коней, собакъ со всѣхъ сторонъ,
Несется прямо къ нимъ (любилъ охоту онъ),
Но вдругъ, по сторонамъ блуждать пуская взгляды,
Цвѣтущій огородъ увидѣлъ сквозь ограды.

http://rcin.org.pl

На правильныхъ грядахъ, какъ въ рамѣ, за травой,
Капуста лысою качала головой,
Широкій сморщивъ листъ, какъ бы насупя брови,
Казалось, о судьбахъ задумалась моркови....
За ней, вдали, горохъ, бобовнику родня,
Рядами круглыхъ глазъ мигалъ промежь плетня
И живописною гирляндой черезъ сучья
Развѣшивалъ свои темнозелены стручья;
Здѣсь яркій папушой вытягивалъ свой станъ
И въ воздухѣ ходилъ златой его салтанъ,
А далѣ, наконецъ, изъ зелени кудрявой
Выкатывалъ арбузъ свой корпусъ величавый
И дынѣ на ухо нашептывалъ порой...
Тамъ темныхъ коноплей виднѣлся ровный строй,
Качались на грядахъ они, какъ лѣсъ дремучій,
Пугая гусеницъ изъ зелени пахучей;
За ними маковъ шла цвѣтущая гряда,
Какъ-будто мотыльковъ игривыя стада
Усѣлись, трепеща, на стебляхъ чуть замѣтныхъ
И блеща искрами каменьевъ самоцвѣтныхъ....

Межь тѣхъ пушистыхъ грядъ дѣвица шла, не шла,
А точно по волнамъ, по зелени плыла;
Косынка на плечахъ; простое платье было;
Рукой отъ солнышка тихонько заслонила
Она свое лицо; глаза спустила внизъ;
Двѣ ленты алыя за ко́сами вились.
Вотъ наклонилася, какъ-будто что-то ловитъ
Рукою на грядахъ; вдругъ взоры остановитъ
И быстро побѣжитъ.... Все это видѣлъ графъ;
Дыханье затаивъ, на стремени привставъ,
Коня остановилъ и чудное видѣнье
Безмолвно созерцалъ; вдругъ слышитъ онъ движенье
И шелестъ позади: то былъ отецъ плебанъ,

http://rcin.org.pl

Ксендзъ Робакъ: «огурцовъ, спросилъ онъ, хочешь панъ?
Иль такъ, о чемъ другомъ мечтаешь на свободѣ?
Нѣтъ овощу про васъ на этомъ огородѣ!»
И пальцемъ погрозивъ, пошелъ себѣ опять.
Слегка смущенный Графъ сталъ снова наблюдать,
Со смѣхомъ и въ сердцахъ, но были пусты гряды,
Лишь пара алыхъ лентъ мелькнула сквозь ограды,
Да чуть еще вдали сверкнуло чрезъ окно
Какъ снѣгъ бѣлѣвшее сорочки полотно,
Да по лугу еще, гдѣ пробѣжали ножки,
Едва замѣтныя виднѣлись двѣ дорожки,
Тихонько подлѣ нихъ качалися кусты
И что-то межь собой шептали ихъ листы,
Да позабытая корзинка тамъ осталась
И тихо на травѣ зеленой колыхалась....

II.

РОДНЫЯ НЕБЕСА.

Люблю въ осенній день я наши облака:
Какая въ нихъ игра! Волшебника рука,
Мнѣ кажется, тогда жезломъ по небу водитъ—
И образъ тамъ во слѣдъ за образомъ выходитъ!
Вотъ тучи темныя, какъ сонмъ богатырей,
Идутъ по небесамъ; съ распущенныхъ кудрей,
Висящихъ до земли, катится дождь струями
И молніи блестятъ подъ черными бровями!
Вотъ туча круглая, живой аэростатъ,
Несется высоко́, на землю мечетъ градъ;
А тамъ, среди луговъ сіяющей лазури,

http://rcin.org.pl

Какъ стадо лебедей, отъ сокола — отъ бури,
Полупрозрачныя, живыя облака,
Поднявши крылья вверхъ, летятъ издалека,
Сшибаются, ростутъ, и вотъ, другое диво:
Явились ногъ ряды, заволновалась грива,
Загнулись головы, поднялся хвостъ трубой —
И кони понеслись по степи голубой!
Всѣ бѣлые, какъ снѣгъ! Смѣшались — и въ мгновенье
Иное чудное представилось видѣнье:
Изъ крѣпкаго хребта взлетѣли въ небеса
Три мачты, а изъ гривъ повисли паруса,
Канаты напряглись — и вотъ, въ замѣну стада,
Возникла корабля воздушная громада;
Встряхнулъ снастями онъ и, воздымая грудь,
Среди безбрежныхъ волнъ помчался въ дальній путь.

III.

РОДИМЫЕ ЛѢСА.

Ровесники князей воинственной Литвы,
Дремучіе лѣса, все тѣ же ль нынѣче вы?
Все такъ же ль дѣвственны, благоуханно-свѣжи
Вы, рощи Свитези и пущи Бяловѣжи?
Среди чужихъ полей я вспомнилъ нынѣче васъ,
Чья царственная тѣнь ложилася не разъ
На думную главу Великаго Миндовы;
Гдѣ часто Гедиминъ, среди своей дубровы,
Удачно совершивъ благопріятный ловъ,
Перуну приносилъ барановъ и воловъ,
И, лежа у костра, внималъ, подъ шумъ Вилейки,
Заманчивымъ рѣчамъ маститаго Лидзейки:

http://rcin.org.pl

Любя его живыхъ разсказовъ благодать,
Дремалъ — и въ вѣщихъ снахъ онъ думалъ градъ создать!
И, жертвуя потомъ Перуну изобильно,
Среди завѣтныхъ пущъ построилъ городъ Вильно,
Столицу всей Литвы, — и грозно встали тутъ,
Въ защиту родины: и Ольгердъ и Кейстутъ,
Равно счастливые и славные въ ловитвѣ
За дикими звѣрьми, и съ недругами въ битвѣ.

Лѣса родимые! Случится ли опять,
Хотя подъ старость лѣтъ, мнѣ взоромъ васъ обнять?
Придется ль свидѣться съ родимой стороною,
Гдѣ свѣтъ увидѣлъ я, гдѣ ползалъ я дитёю
По мягкой муравѣ, среди косматыхъ пней,
Гдѣ пѣлъ и гдѣ любилъ на утрѣ лучшихъ дней?...
Стоитъ ли нынѣ тамъ, надъ Росью серебристой,
Могучій Баублисъ (3), широкій и вѣтвистый,
Въ сѣни котораго, какъ-будто подъ шатромъ,
Двѣнадцать человѣкъ садилось за столомъ;
И липа старая, предъ домомъ Головинскихъ,
Свидѣтель мирныхъ битвъ и подвиговъ воинскихъ,
Гдѣ прежніе вожди сходились искони
О замыслахъ своихъ бесѣдовать въ тѣни,
И гдѣ, не такъ давно, при Августѣ, бывало,
Сто бравыхъ молодцовъ мазурку танцовало.

Давно знакомые душѣ моей лѣса!
Я вижу васъ опять: угрюмая краса
И сумракъ чудный вашъ встаютъ передо мною;
Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,

(3) Историческій дубъ въ повѣтѣ Росинскомъ, помнящій языческія времена.

http://rcin.org.pl

Лѣса родимые, лѣса моей Литвы!
Все такъ же ли, какъ встарь, величественны вы,
Невозмутимые? Все такъ же ль горделиво
Растете въ облака и, смертному на диво,
Стоите, крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли выдерживая бой?
Все та же ль тишина подъ вашими вѣтвями?
Любимы ль такъ же вы пернатыми пѣвцами?
Поютъ ли тамъ они, какъ въ прежніе года?
Иль безпощадная прокралася нужда
Въ обитель тихую торжественнаго мира
И тамъ звенитъ теперь тяжелая сѣкира
По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вонъ?...

Былое предо мной мелькаетъ будто сонъ....
Лѣса родимые, отеческія сѣни!
О, сколько смѣлыхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
Вы мнѣ навѣяли! Какъ часто отъ друзей
Я въ вашу глушь бѣжалъ; подъ сумракомъ вѣтвей
Задумывался я и было мнѣ отрадно,
Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
Къ невнятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
Мнѣ дубъ разсказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи,
И три столѣтія на рамена могучи
Поднявъ. Тамъ, издали замѣтная едва,
Береза плакала, какъ скорбная вдова,
Иль матерь нѣжная, утратившая сына.
Вакханка ювая, румяная рябина,
Стояла близь нея съ пылающимъ лицомъ;
А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная,
Орѣшина, своей головкою кивая
Черешнѣ молодой, которую внизу

http://rcin.org.pl

Ужь обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу
Забросилъ далѣе, какъ юноша отважный....
Порою пробѣгалъ надъ нами гулъ протяжный
И вихорь темныя вершины колебалъ,
Казалось: тамъ прошелъ бурливый моря валъ —
И все стихало вновь.... лишь изрѣдка, высоко,
Въ дубъ дятель клевомъ билъ и отлеталъ далёко;
Иль вѣкша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ;
Вдругъ, гостя чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
Стрѣляла въ глушь лѣсовъ — и въ сумракѣ глубокомъ
Терялась.... Тихо все. Вотъ вѣтви затряслись,
Чуть слышные шаги по рощѣ раздались, —
И словно солнца лучъ, иль яркая денница,
Мелькнула вдалекѣ, подъ липами, дѣвица,
Стыдливая дубравъ родимыхъ красота,
Идя за ягодой, румяной какъ уста....
Вонъ юноша близь ней: предъ дѣвой оробѣлой
Онъ вѣтви крѣпкіе рукой сгибаетъ смѣлой;
Чу! рогъ вдали трубитъ и слышенъ топъ коней;
Собаки залились, почуявши звѣрей....
Вмигъ дѣва съ юношей, исполнены тревоги,
Исчезли въ глубинѣ, какъ рощей темныхъ боги....

IV.

ВОЙСКІЙ ТРУБИТЪ ВЪ РОГЪ.

Тутъ Войскій ухватилъ широкою рукой
Свой буйволовый рогъ, изогнутый змѣёй,
Прижалъ его къ устамъ, надулся, по́дъ лобъ очи
Немного закатилъ, сталъ дуть, что́ было мо́чи —

http://rcin.org.pl

И грянулъ звонкій рогъ раскатомъ къ небесамъ
И музыка пошла по рощамъ и лѣсамъ.
Умолкли всѣ кругомъ, заслыша гулъ призывный
И восхищаяся гармоніею дивной.
Старикъ искусствомъ тѣмъ давно по рощамъ слылъ,
Теперь въ послѣдній разъ имъ ловчихъ оживилъ,
Наполнилъ звуками широкую дубраву,
Какъ-будто бы со своръ спустилъ борзыхъ араву,
За гончими во слѣдъ, и травлю началъ вдругъ:
Имѣлъ особое значенье каждый звукъ —
Сначала по́зывъ въ рогъ, потомъ слышнѣе тоны,
Завыли голосовъ собачьихъ милліоны,
Ведутъ по красному.... вотъ стихли, а пото́мъ
Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздавшагося громъ!

Умолкъ, — а все трубитъ охотникамъ казалось,
Но это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.

Опять задулъ артистъ — и мнилось, дивный рогъ
Мѣняетъ образы: то, длиненъ и широкъ,
Реветъ медвѣдемъ онъ, то вдругъ завоетъ волкомъ,
То пробирается въ дубравѣ тихомолкомъ,
Какъ хитрая лиса; чу! взвылъ, какъ ураганъ
И рявкнулъ вдалекѣ, какъ раненый кабанъ.

Умолкъ, — а все трубитъ охотникамъ казалось,
Но это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
За звукомъ улеталъ, переливаясь, звукъ,
Дубъ дубу повторялъ, кленъ клевамъ, буку букъ.
Тутъ Войскій къ небесамъ направилъ рогъ могучій —
И гимнъ торжественный тріумфомъ грянулъ въ тучи,
Потомъ разсыпалось по рощѣ сто роговъ,
Порсканье, выстрѣлы, смѣшенье голосовъ....

http://rcin.org.pl

Умолкъ, — а все трубитъ охотникамъ казалось,
Но это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Что́ лѣсу, то роговъ, играютъ и поютъ
И пѣсню дивную другимъ передаютъ, —
И музыка пошла отъ края и до края,
Теряяся въ дали, слабѣя, замирая,
Покуда гдѣ-то тамъ погасла въ небесахъ....

Настала тишина въ дубравахъ и лѣсахъ.
Художникъ, бросивъ рогъ и опустивши руки,
Ловилъ послѣдніе, стихающіе звуки,
И, вдохновенія вкушая торжество,
Стоялъ, пылая весь. Межь тѣмъ вокругъ него
Сошлись охотники въ восторгѣ удивленья
И долго слышался ихъ крикъ и поздравленья.

V.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Предъ бурею всегда бываетъ тишина, —
Все смолкнетъ и замретъ.... Но туча ужь видна:
Нависнетъ и грозитъ, пустивъ на вѣтеръ гриву,
Хоть вихрей яростныхъ могучему порыву
Свободы не даетъ; лишь изрѣдка порой
Послышится раскатъ неясный за горой,
Да по небу мелькнетъ невѣрный лучъ зарницы.
Такая тишина была въ дому Сопляцы.

Поужинавъ, судья и гости всѣ идутъ
Прохладой подышать на нѣсколько минутъ

http://rcin.org.pl

И по завалинкамъ, обросшимъ муравою,
Разсѣлись, весело толкуя межь собою
И глядя въ небеса, которыя вдали,
Какъ-будто опустясь въ объятія земли,
Чуть слышнымъ говоромъ и шопотомъ неяснымъ
Во мракѣ предались бесѣдамъ сладострастнымъ —
И музыка у нихъ вечерняя пошла.

Сначала, на концѣ уснувшаго села,
Пустушка крикнула, усѣвшися на крышѣ;
Во слѣдъ за ней сова откликнулась потише,
Протяжно огласивъ любимый свой пустырь;
Вотъ крыльями шепнулъ проворный нетопырь;
Ночныя бабочки изъ сада налетѣли,
Вiясь, гдѣ Зосины глаза во тьмѣ блестѣли,
Какъ ясные огни; а въ воздухѣ надъ ней
Запѣли комары, все громче и сильнѣй,
Но въ тонкихъ голосахъ угадывало ухо,
Когда, забившись къ нимъ, жужжала басомъ муха.

На нивахъ заигралъ отрывисто дергачъ;
Тамъ бучень подхватилъ, полуночи трубачъ,
Потомъ взвился бекасъ, чуть видимая пташка,
И въ воздухѣ звенитъ блѣяніемъ барашка.

Межь тѣмъ, съ той музыкой сливаясь иногда,
За рощей свой концертъ заводятъ два пруда,
Какъ тѣ заклятыя кавказскія озёры,
Что́ ночью межь собой вступаютъ въ разговоры.
Одинъ, широкій прудъ, серебряной трубой
Свободно загремѣлъ изъ перси голубой;
Другой, болотными задавленный травами,
На вызовъ отвѣчалъ чуть слышными словами;
Одинъ изъ глубины невозмутимыхъ водъ

http://rcin.org.pl

Трубитъ фортиссимо, — тотъ жалобно поетъ:
Въ обоихъ слышны жабъ безчисленныя орды,
Два хора, слитые въ согласные аккорды.

Такъ темные пруды, играя чередой,
Таинственно вели бесѣду межъ собой,
Средп дремотою охваченнаго дола,
Какъ арфы стройныя и звучныя Эола.
А мракъ въ поляхъ густѣлъ; лишь около рѣки
Мелькаютъ кое-гдѣ рыбачьи огоньки,
Играя и дробясь въ струяхъ лазури чистой.
Вотъ мѣсяцъ, наконецъ, надъ рощею тѣнистой
Затеплилъ свой фонарь и матовымъ лучомъ
Все небо озарилъ и землю всю кругомъ,
Дремавшія давно въ объятіяхъ другъ друга....

Вотъ, подлѣ луннаго златаго полукруга,
Сверкнула звѣздочка, что́ искорка одна;
А вонъ, за ней, еще! а тамъ еще видна!
А вонъ и Близнецы, безсмѣнные доселѣ:
У нашихъ праотцевъ вы Леле и Полеле
Въ дни оные звались, а нынѣче въ Польшѣ вы
Слывете звѣздами Короны (*) и Литвы.
А далѣе, на югъ, повѣшены двѣ Чаши,
И слышно, что Господь, создавъ планеты наши,
Повѣсилъ ихъ на тѣ воздушные Вѣсы,
Покуда не пришли урочные часы
И міру каждому Зиждителемъ вселенной
Начертанъ не былъ путь въ пространствѣ неизмѣнный.
А тамъ, къ полуночи, горитъ на небѣ Крестъ
И около него Плеяда яркихъ звѣздъ,
Что́ попросту зовутъ селяне наши: Сито,

(*) Другое названіе Польши.

http://rcin.org.pl

Твердя, что сквозь него намъ Богъ просыпалъ жито.
Такъ люди старые толкуютъ о звѣздахъ.
Но болѣе всего разсѣявала страхъ
Тогда на западѣ сіявшая комета:
Багровой полосой разлившись на полсвѣта,
Вся въ блескѣ и въ лучахъ, но холодно-свѣтла,
Она къ полуночи стремительно текла
И, звѣзды по пути захватывая въ кучу,
Пророчила Литвѣ погибель неминучу....

---

http://rcin.org.pl

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ «КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ».

Идетъ зараза на Литву,
Лія тлетворное дыханье.
Внимай народную молву,
Услышишь чудное сказанье:
Средп холмовъ, средп полей
Стоитъ «дѣвица моровая»;
Кровавый платъ въ рукахъ у ней;
Кровавымъ платомъ повѣвая,
Она живое все мертвитъ,
И страшенъ всѣмъ заразы видъ.

Разящій взоръ въ пустыняхъ блещетъ;
Чуму завидя вдалекѣ,
На башнѣ за́мка стражъ трепещетъ,
Копье дрожитъ въ его рукѣ;
Привратный песъ протяжно востъ,
И, чуя смерть, онъ землю роетъ.

Зараза блѣдная идетъ, —
И нѣтъ спасенья и пощады!
Гдѣ только платъ ея мелькнетъ, —
Пустѣютъ села, за́мки, грады.

http://rcin.org.pl

И вотъ ужъ цѣлая страна
Вокругъ чумой поражена....
Однако всѣ страшились болѣ,
Когда, мечомъ грозя Литвѣ,
Являлся латникъ въ дальнемъ полѣ,
Съ высокимъ шлемомъ на главѣ.

Подобный страшному видѣнью,
Гдѣ онъ прошелъ грозящей тѣнью, —
Пылала брань, струилась кровь....
Пойдемъ, о юноша, со мною,
Кто сохранилъ еще любовь
Къ своей отчизнѣ! кто душою
Донынѣ истинный Литвинъ, —
Пойдемъ, среди пустыхъ долинъ,
Надъ скорбною Литвы судьбою,
Пойдемъ, поплачемъ мы съ тобою!
Кручину въ сердцѣ затаимъ,
А духъ истерзанный и хилый
Живою пѣснью напоимъ,
Преданьями отчизны милой!

О, пѣсня, ты святой ковчегъ,
Куда народъ во дни печали
Кладетъ свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней скрижали.
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ.
Сгараютъ, тлѣютъ письмена,
Могучихъ геніевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Какимъ-то чудомъ спасена!

http://rcin.org.pl

Всегда жива, одна и та же,
О пѣсня, ты стоишь на-стражѣ
Съ мечомъ архангела у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній!
О пѣсня, ты священный кладъ,
Ты цвѣтъ народныхъ достояній!
Когда же суетный народъ
Тебя услышавъ не пойметъ, —
Бѣжишь ты, пѣсня, и хоронишь
Свою завѣтную красу
Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
Или среди развалинъ стонешь....
Такъ съ крыши, обнятой огнемъ,
Слетаетъ птичка поневолѣ,
Покинувъ гнѣздышко и домъ,
Надъ нимъ повьется и потомъ
Она летитъ въ лѣса и въ поле —
И тамъ пріютъ себѣ найдетъ
И пѣсни прежнія поетъ.

Я пѣсни слушивалъ, бывало,
Когда столѣтній земледѣлъ,
Съ полей родныхъ влекущій рало,
О дняхъ былыхъ мнѣ грустно пѣлъ
И вспоминалъ минувшій бои
И васъ, могучіе бойцы,
Давнозабытые герои,
Отцы.... бездѣтные отцы!
Неудержимые бѣжали
Потоки слёзъ изъ глазъ моихъ,
А пѣсни тѣ, въ поляхъ родныхъ,
Еще сильнѣе поражали:
Одинъ-однимъ я слушалъ ихъ!

http://rcin.org.pl

Какъ въ оный часъ трубою судной
Господь воздвигнетъ мертвецовъ,
Такъ мнѣ, при звукахъ пѣсни чудной,
Являлись призраки отцовъ,
Вставали арки и колонны,
И пробуждались воды сонны,
Шумя подъ веслами гребцовъ....
Рѣчамъ былаго внемля жадно,
Бывалъ я духомъ возмущонъ,
Мечталъ и грезилъ такъ отрадно,
И такъ жестоко пробужденъ!

Исчезли вы, лѣса и селы,
Въ очахъ монхъ густая мгла;
Замолкли вѣщіе глаголы
И лютня грустно замерла.
Брожу одинъ въ нѣмой пустынѣ,
Но искры стараго огня
Не тухнутъ въ сердцѣ у меня,
И неожиданно понынѣ
Порой, сквозь сумракъ темныхъ тучъ,
Незапный вспыхиваетъ лучъ
И въ сердце мнѣ лѣтъ отраду....
Такъ въ драгоцѣнную лампаду,
Стряхнувъ съ нея сѣдую пыль,
Становятъ иноки фитиль, —
И свѣточъ сей, плѣняя взоры
Рѣзьбой и гранью дорогой,
Раскинетъ по стѣнѣ нагой
Великолѣпные узоры....

О, еслибъ въ васъ пролить я могъ
Огонь, что́ насъ палилъ и жогъ, —
Тогда бы, можетъ, ваши силы

http://rcin.org.pl

Воскресли снова изъ могилы,
И, славы громъ издалека
Почуя духомъ, всякій ожилъ
И хоть одну бъ минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка....

Но мужъ великій недалёко:
О немъ хочу повѣдать вамъ;
Внимай, Литва, моимъ словамъ
И въ сердцѣ ихъ тай глубоко!

http://rcin.org.pl

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

I.

СТРАННИКЪ.

Такъ, я достигъ давно-желанной цѣли:
У ногъ моихъ цвѣтущій край земли,
И моря шумъ, и рѣютъ корабли,
Качаяся въ волнахъ, какъ въ колыбели;

Но снятся мнѣ родимыя мятели....
О Русь! лѣса дремучіе твои
Отраднѣе и слаще сердцу пѣли,
Чѣмъ звонкіе Байдара соловьи!

И кажется мнѣ краше и дороже
Нѣмая ширь и глушь моихъ степей,
Чѣмъ пышное цвѣтовъ душистыхъ ложе:

Тамъ я любилъ на утрѣ лучшихъ дней,
Тамъ и она.... но снится ли ей то же,
Что́ снится мнѣ о прошломъ и о ней?

http://rcin.org.pl

II.

АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Плыву среди сухаго океана,
Въ волнахъ цвѣтовъ ныряетъ легкій возъ,
Минуя кустъ колючаго бурьяна
И острова карамловые розъ.

Не видно ни дороги, ни кургана;
Сіянье звѣздъ по небу разлилось,
А тамъ, вдали, какъ зарево зажглось:
То блещетъ Днѣстръ — лампада Аккермана!

Какая тишь! трава не шелохнётъ!
Кругомъ меня вся ночь живетъ и дышитъ;
Вонъ, журавлей мнѣ слышится полетъ;

Чу, мотылекъ во тьмѣ траву колышетъ
И легкій вѣтеръ ласково поетъ....
Какая тишь! откликнись, мой народъ:

Въ такой тиши мой духъ тебя услышитъ!.
Поѣдемъ: голосу никто не подастъ!

---

http://rcin.org.pl

III.

МОГИЛА ПОТОЦКОЙ (5).

Въ странѣ весны, какъ роза молодая,
На утренней зарѣ увяла ты,
Въ далекую отчизну посылая
Послѣдній вздохъ, послѣднія мечты!

Тамъ, къ сѣверу, брилльянтами играя,
Потоки звѣздъ по небу разлиты:
Не твой ли взоръ оставилъ тамъ слѣды,
На родину стремясь и догорая?

О, Полька! здѣсь, покинувъ свой народъ,
Паду и я, забытый міромъ странникъ;
Когда-нибудь соотчичъ-патріотъ,

Подобно мнѣ, блуждающій изгнанникъ,
Къ тебѣ на гробъ задумчиво придетъ —
И пѣсню намъ родимую споетъ!

---

(5) Недалеко отъ стѣны, окружающей ханскіе сады въ Бахчисараѣ, стоитъ, на углу стараго кладбища, надгробный памятникъ, по-татарски дюрбе, въ видѣ башни, съ круглымъ кирпичнымъ куполомъ, на которомъ въ настоящее время, выросъ абрикосъ. Посредниѣ купола — золотой шпицъ, осѣненный луною. Этотъ памятникъ соединяется почему-то, въ преданіи, съ именемъ Маріи Потоцкой. Надпись надъ дверями, на мраморной доскѣ, означаетъ слѣдующее: за душу покойной и отпущенной въ грѣхахъ Диляра-Пикечь Фатиху!—Подразумѣвается: прочти—Фатиха—первая глава Корана. Диряра-Пикечь—персидское слово, по-русски: украшающая сердца княжна. Говорятъ, ханъ Керимъ-Гирей, назвалъ такъ одну чужеземную плѣнницу, которой имя ему не понравилось.
Прим. переводчика.

http://rcin.org.pl

IV.

МОГИЛЫ ГАРЕМА ([6]).

МИРЗА.

Здѣсь гроздья нѣжныя въ тиши любовь таила,
Но по́звалъ ихъ къ себѣ на трапезу Алла —
И раковина вѣчности, могила,
Изъ моря счастія тѣ перлы унесла

И пеленой забвенія покрыла....
Надъ ними выспится изъ мрамора скала,
Чалма и столбъ, какъ знамя Азраила,
И темнымъ бунчукомъ трава ихъ обвила.

О вы, эдема дѣвственныя розы,
Вы отцвѣли подъ листьями стыда,
Невѣрному незримы никогда!

Но днесь — Пророкъ, смири твои угрозы! —
Я самъ привелъ невѣрнаго сюда:
Зане онъ пролилъ искреннія слезы!

([6]) Ханскія жены поколятся вмѣстѣ съ мужьями на особомъ ханскомъ кладбищѣ, за оградой, подлѣ главной дворцовой мечети, среди сада съ разными плодовитыми деревьями. Иныя гробницы, высѣченныя изъ мрамора, или изъ бѣлаго камня, бо́льшею частію очень искусно, стоятъ подъ открытымъ небомъ; другія — въ дюрбе́, подобно гробницѣ Диляра-Ишке́чь. Такихъ дюрбе́ на ханскомъ кладбище два: одинъ крытъ бѣлымъ желѣзомъ, а другой обыкновеннымъ. На гробницахъ, находящихся внутри этихъ дюрбе́, до-сихъ-поръ уцѣлѣли покровы, исписанные стихами Корана. Чалмы, осѣняющія женскія гробницы, имѣютъ совершенно особый видъ отъ тѣхъ, которыя высѣчены надъ мужскими гробами. Прим. переводчика.

http://rcin.org.pl

V.

ОТПЛЫТІЕ.

Ударилъ вѣтръ! кишатъ морскія чуды;
Матросъ повисъ на сѣти, какъ паукъ;
Вотъ тронулся корабль высокогрудый
И побѣжалъ съ полуночи на югъ!

Напрасны волнъ упрямыя усилья:
Борецъ летитъ по степи водяной,
Онъ ураганъ захватываетъ въ крылья
И облака онъ рѣжетъ головой.

И я лечу! я грудью налегаю —
И кажется, быстрѣй корабль пошелъ,
Какъ-будто бы ему я помогаю,
И любо мнѣ: теперь я самъ орелъ!

---

http://rcin.org.pl

VI.

ШТИЛЬ НА МОРѢ.

Едва дрожитъ просторъ волны хрустальной,
Какъ спящей дѣвы млѣющая грудь,
И пологъ у нея опочивальный
Зефиръ крыломъ не смѣетъ шевельнуть;

Корабль стоитъ, не двигаясь ни чуть;
Матросъ забылъ чужбины берегъ дальный,
Тяжелый трудъ и странствій бѣгъ печальный
И можетъ безмятежнѣе вздохнуть.

О, море! спятъ въ минуту непогоды
Чудовища твоихъ глубокихъ водъ....
Такъ и во мнѣ тревожный змѣй живетъ;

Онъ долго спитъ.... проходятъ дни и годы....
Но чуть блеснетъ коварный лучъ свободы —
Проснется онъ и кольца разовьетъ!

---

http://rcin.org.pl

VII.

БУРЯ.

Чернѣютъ небеса; легли на волны тѣни;
Свѣтило блѣдное погасло въ тучахъ мглы;
Робѣютъ путники; повсюду крики, пѣни....
Шквалъ, буря! — и корабль помчало на скалы!

Бушуютъ горы волнъ, то мрачны, то свѣтлы.
И дерзостной стопой на влажныя ступени
Восходитъ гибели могущественный геній,
Какъ воинъ, вражіе штурмующій валы.

Кто плачетъ, кто спѣшитъ съ товарищемъ проститься;
Кто взоры къ небесамъ молящіе возвелъ,
Кто на колѣни палъ и набожно крестится....

Одинъ лишь къ сторонѣ безмолвно отошелъ
И думалъ про-себя: счастливъ, кто бурь боится,
Кто вѣру сохранилъ и можетъ помолиться!

http://rcin.org.pl

VIII.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА.

Ударовъ не щадя, я вскачь пустилъ коня:
Равнины, горы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
У ногъ моихъ бѣгутъ стремительной волною,
Роятся и снуютъ, какъ тѣни вкругъ меня;

Лицо мое горитъ; я полонъ весь огня,
Хотѣлъ бы умереть, упившись быстротою....
Но конь мой ослабѣлъ передъ закатомъ дня;
Игру теряетъ міръ, одѣтый темнотою.

Все спитъ; не спится мнѣ: лечу на берегъ я,—
Несется изъ моря холодная струя,
Чело мое свѣжитъ и брызгами дробится;

Склоняюсь передъ ней и жду, что мысль моя,
На зыби вѣчныхъ волнъ носимая ладья,
Утихнетъ и на мигъ въ забвенье погрузится....

http://rcin.org.pl

IX.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Повѣялъ вѣтерокъ; стихаетъ пламя дня;
Съ высотъ на Чатырдагъ спускается лампада ([7]),
И льетъ по небесамъ, очей моихъ отрада,
Послѣднія струи волшебнаго огня —

И гаснетъ. Тьма кругомъ. Палящій зной смѣня,
Въ долинахъ стелется вечерняя прохлада;
Вотъ вѣтеръ зашепталъ съ лозою винограда
И музыка цвѣтовъ пошла вокругъ меня....

Летитъ крылатый сонъ — и я заснулъ глубóко,
Вдругъ снова пробужденъ: какъ молнія, высóко
Промчался метеоръ и небо все разсѣкъ.

О ночь восточная! ты гурія востока,
Что́, нѣгой усыпивъ, опять блистаньемъ ока
Разбудитъ и манитъ на ложе новыхъ нѣгъ.

([7]) Послѣ заката солнца вершина Чатырдага, самой высокой горы на Крымскомъ Полуостровѣ, остается нѣсколько времени освѣщенною и кажется звѣздою, или лампадою, висящею въ небѣ. То же явленіе описывается въ слѣдующемъ сонетѣ:... Для смертныхъ въ небесахъ затеплилъ ту звѣзду. Прим. переводчика.

http://rcin.org.pl

X.

ВИДЪ ГОРЪ ОТЪ ЕВПАТОРІИ.

СТРАННИКЪ.

Аллахъ ли тамъ простеръ стѣною море льду?
Для троновъ ангеламъ сковалъ свои туманы?
Иль дивы провели по высямъ борозду,
Чтобъ сдерживать свѣтилъ бродящихъ караваны?

А тамъ: что́ за пожаръ у путника въ виду?
Быть можетъ, то Аллахъ, какъ стихнетъ день румяный
И вечеръ свой покровъ раскинетъ надъ поляной, —
Для смертныхъ въ небесахъ затеплилъ ты звѣзду?

МИРЗА-ПРОВОДНИКЪ.

Тамъ? былъ я: тамъ зима и хладныя мятели!
Полету облаковъ назначенъ тамъ предѣлъ;
Истоки ярыхъ водъ у ногъ моихъ шумѣли;

Дохнулъ я въ высотѣ: въ дыханьѣ снѣгъ летѣлъ!
Тамъ спящую грозу я видѣлъ въ колыбели,
Гдѣ въ небѣ надо мной лишь мѣсяцъ пламенѣлъ....
То — Чатырдагъ....

http://rcin.org.pl

XI.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВѢ (8).

Тѣ башни, на часахъ стоящія вдали,
Отъ недруговъ тебя когда-то берегли
И красили собой, о, Крымъ неблагодарный!
Не стало тѣхъ мужей, ихъ славы лучезарной;

Чертоги рыцарей травою поросли;
Во мракѣ, между плитъ, гнѣздится змѣй коварный,
Колонны рухнули, простершися въ пыли,
И вьется плющъ по нимъ и виснетъ гроздъ янтарный....

На сводахъ письмена съ короной и гербомъ,
Трофеи пышные, забытые съ героемъ,
Чье имя нѣкогда гремѣло передъ строемъ

И проникало всѣхъ восторгомъ и огнемъ;
Теперь лишь воронья надъ нимъ летаютъ роемъ
И машутъ траурнымъ крыломъ....

---

(8) При входѣ въ балаклавскую бухту, на скалахъ, по правую руку, видны двѣ-три небольшія стѣнки съ башнями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Изображеніе этихъ развалинъ можно видѣть въ моемъ «Севастопольскомъ Альбомѣ», на рисункѣ № 18, но тамъ видъ съ суши, а не съ моря. — Мицкевичъ говоритъ, что это слѣды древнихъ греческихъ укрѣпленій и позднѣйшаго генуэзскаго замка Чембало. Во время севастопольской осады, на главныхъ башняхъ развалинъ были устроены Англичанами телеграфы. Прим. переводчика.

http://rcin.org.pl

XII.

АЮДАГЪ.

Люблю смотрѣть съ вершины Аюдага,
Какъ море вдругъ взволнуется кругомъ
И заиграетъ пѣнистая влага
На солнцѣ перекатнымъ жемчугомъ;

Встаютъ, блестятъ и зыблются кристаллы,
Въ утесы бьетъ бурливый ихъ прибой,
Отхлынули — и яркіе кораллы,
И перлы оставляютъ за собой!

Такъ и въ тебѣ, страдалецъ горделивый,
Вскипитъ страстей неукротимый рой,
Когда жь волной отпрянетъ говорливой, —
Онъ перлы-пѣсни ронитъ за собой!

http://rcin.org.pl

XIII.

ЧАТЫРДАГЪ.

Челомъ къ стопѣ твоей священной
Я припадаю, Чатырдагъ,
Великій минаретъ вселенной,
Горъ неприступный падишахъ!

Принявъ изъ Божьей длани силу,
Главой взлетѣлъ ты въ горній край,
И тамъ, подобно Гавріилу,
Ты стережешь Господень рай.

Какъ перлы льды твои сіяютъ;
Плащемъ тебѣ — твой лѣсъ дремучь;
Узоры молній обвиваютъ
Чалму твою изъ черныхъ тучъ.

Встаютъ ли бури, непогоды,
Грохочетъ ли въ долинахъ громъ,
Мятутся ль подъ тобой народы
И лютый бой кипитъ кругомъ —

Спокоенъ ты; не замѣчаешь
Мірскихъ волненій и тревогъ,
И лишь тому горѣ внимаешь,
Что́ говоритъ природѣ Богъ.

---

http://rcin.org.pl

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

I.

ВЪ АЛЬБОМЪ КНЯГИНИ ЧАРТОРИЖСКОЙ.

На югѣ ты блестишь тепло и животворно,
Какъ солнце южное и вѣчно предъ тобой
Избранники толпы вѣнчанной головой,
Какъ Парсы древніе, склоняются покорно.

Вдругъ неожиданно стучится у дверей
Далекій, чуждый гость и слышенъ голосъ новый,
Средь южныхъ голосовъ и рѣзкій, и суровый,
Какъ смѣлый селянинъ въ бесѣдѣ у царей.

Царица! не кичись, не бойся этой встрѣчи,
Прислушайся: твой гость свободный и живой,
Веселый этотъ звукъ — знакомый старый твой,
Сердечный звукъ твоей роднмой рѣчи!

———

http://rcin.org.pl

II.

М*.

На жизненномъ пути задумчивый прохожій,
Лишь встрѣтилъ я тебя — смятеніе и страхъ
Я въ сердцѣ ощутилъ и слезы на глазахъ....
Нельзя милѣе быть, и чище, и пригожѣй!

Безмолвно я стоялъ, ища въ твоихъ чертахъ
Забытый идеалъ, тотъ образъ, дивно схожій....
Заговорила ты — и словно ангелъ Божій
По имени меня окликнулъ въ небесахъ!

Съ тѣхъ поръ я ожилъ вдругъ и вѣрю въ избавленье;
Пріютнѣй стало мнѣ и легче съ этихъ поръ;
Пускай мірскихъ судебъ суровый приговоръ

Готовитъ для тебя съ другимъ соединенье, —
Я помню краткій мигъ, я помню ясный взоръ
И встрѣчу нашихъ душъ хотя и на мгновенье!

---

http://rcin.org.pl

III.

ВСТРѢЧА.

Весь день я просидѣлъ въ бесѣдкѣ у порогу....
«Ты ль это, милый другъ? О, сжалься надо мной!
Откуда поздно такъ?» — Едва нашла дорогу,
При блескѣ мѣсяца бродя въ глуши лѣсной! —

«Позволь поцаловать трепещущую ногу!
Я слышу ты дрожишь!» — Боюсь вечерней тьмы
И шелеста листовъ.... виновны видно мы,
Когда я чувствую волненье и тревогу! —

«Нѣтъ! въ очи мнѣ взгляни; взгляни: мое чело
Какъ небо южное безоблачно-свѣтло!
Нѣтъ! преступленіе такимъ не смотритъ взоромъ!
Далекій отъ тебя, я только разговоромъ

«Тебѣ передаю завѣтныя мечты,
Молитву лепечу и замираю снова,
Любуясь на тебя, на ангела земнова,
Какъ-будто ангеломъ небеснымъ стала ты!»

http://rcin.org.pl

IV.

МОЯ БАЛОВНИЦА.

Какъ станетъ моя баловница, играя,
Порой говорить, лепетать, распѣвать,
Такъ сладко лепечетъ, что я, не желая
Ни слова, ни звука ея потерять,
Смущонъ, очарованъ сижу передъ нею,
Дохнуть, засмѣяться, заплакать не смѣю,
Сижу неподвижно, любуюсь, молчу —
И слушать, и слушать, и слушать хочу!

Но если же очи ея голубыя
Огнемъ загорятся подъ говоръ живой,
Небрежно разсыплются кудри густыя
По розовой шейкѣ роскошной волной,
Зардѣются щечки, откроются губки
И ярко заблещутъ перловые зубки, —
Тогда перестану я милой внимать,
Хочу цаловать, цаловать, цаловать!

http://rcin.org.pl

V.

ВЕЧЕРЪ И УТРО.

На землю сумракъ палъ; не шелохнутъ кусты;
Свернулись лиліи поблекшіе листы
И тихо озеро почило.
Подъ обаяніемъ волшебнымъ красоты,
Стою задумавшись: «что грустенъ нынче ты
И все кругомъ тебя уныло?»

Поутру прихожу: росой оживлена,
Проснулась лилія, роскошна и пышна,
И милая въ блистающей одеждѣ
Съ улыбкою глядитъ на небо изъ окна,
И плещетъ въ озерѣ веселая волна,
А я.... я грустенъ какъ и прежде.

http://rcin.org.pl

VI.

РАЗГОВОРЪ.

Не стало словъ, не стало вдохновенья!
Зачѣмъ нельзя безъ словъ ее молить,
Безъ словъ найти живыя выраженья,
Безъ звука душу въ душу перелить
И высказать всѣ радости, всѣ муки?
А что́ слова? — безжизненные звуки!

Люблю тебя, люблю! я повторяю,
А ты твердишь, смущенія полна,
Что я любви твоей не понимаю,
Что рѣчь моя мертва и холодна,
И мы опять безмолвствуемъ съ тобою,
И прежнею томлюся я тоскою.

Теперь, мой другъ, ни слова не скажу я:
Нѣтъ, я безъ словъ прильну къ груди твоей —
И выскажетъ все пламень поцалуя,
Да тихій вздохъ, да молнія очей!
Такъ говорить мы будемъ, ангелъ милый,
Здѣсь на землѣ и послѣ за могилой!

http://rcin.org.pl

VII.

ПРОЩАНІЕ.

Прощай! спокойный сонъ! На хо́лмахъ тьма лежитъ
И вѣчные огни зажглись подъ небесами;
Пускай крылатый богъ глаза твои смежитъ,
Еще горящіе слезами!

Прощай! спокойный сонъ! Какъ тихо все вокругъ!
Лишь свисты соловьевъ приносятся изъ чащей;
Пусть сонъ всѣ звуки дня сольетъ въ единый звукъ,
Отрадно для тебя звучащій!

Прощай! спокойный сонъ! Какъ дологъ и горячъ
Послѣдній поцалуй!... еще! еще!... все мало!...
Открытое плечо и ножку ты не прячь,
Не прячь назадъ подъ одѣяло!

Прощай! спокойный сонъ! Еще хочу взглянуть,
Покуда не сомкнешь совсѣмъ дремотой очи;
Прощай! Гони меня, не то не дамъ заснуть,
Тебѣ желая доброй ночи!

---

http://rcin.org.pl

VIII.

ПРЕЖНІЕ ГОДЫ.

Ты помнишь ли, мой другъ, минувшіе года,
Колодецъ, молодымъ увѣнчанный ясминомъ,
И лоно темное широкаго пруда,
И мельницу, и лѣсъ, и обнесенный тыномъ

Душистый вишенникъ, гумно и надъ овиномъ
Вiющійся дымокъ.... въ село бѣгутъ стада,
Послѣдній лучъ зари играетъ по долинамъ
И всходитъ на небо вечерняя звѣзда....

Мы въ садъ бѣжимъ съ тобой, а мѣсяцъ изъ-за тучи
Взглянувши на тебя, льетъ золото лучей,
Невыразимый блескъ придавъ красѣ твоей....
Ты помнишь ли, какъ ласки были жгучи,

Какъ рѣчь была жива! Единый вѣдалъ Богъ,
Что́ чувствовали мы и что́ творилось съ нами,
Когда кипѣлъ въ душѣ за вздохомъ тайный вздохъ
И слезы тихія мѣшались со слезами....

———

http://rcin.org.pl

IX.

М.

Разстались мы; ты одиноко вянешь,
Но, въ памяти былое сохраня,
Гдѣ ни пройдешь, куда порой ни взглянешь,
Вездѣ, во всемъ припомнишь ты меня.

Да, всякій часъ, мой другъ, и въ каждомъ мѣстѣ
Съ тобой я тамъ бесѣдую въ тиши:
Вездѣ, гдѣ мы хоть мигъ бывали вмѣстѣ,
Навѣкъ осталась часть моей души.

Случайно ль сядешь ты за клавикорды
И слабою, небрежною рукой
Возьмешь на нихъ послушные аккорды —
Припомнишь ты романсъ любимый мой;

Иль за шахматы сядешь ты порою—
Вспомянешь ты былые вечера,
Послѣднюю игру мою съ тобою,
И какъ тогда окончилась игра;

Иль гдѣ-нибудь въ углу уединенномъ,
Въ ненастный день, ты книгу развернешь,
Подумаешь о другѣ отдаленномъ
И грустно пролепечешь: отчего жь

http://rcin.org.pl

И нашъ романъ, какъ эта небылица,
Не кончился?... Погасишь ты потомъ
Свою свѣчу и мыслей вереница
Тогда въ умѣ закружится твоемъ....

Вдругъ подъ окномъ зашелеститъ крапива,
Иль вѣтеръ ставнемъ стукнетъ, — чуть дыша,
Сама себѣ ты скажешь торопливо:
«Ахъ, это вѣрно милаго душа!...»

Такъ, всякій часъ, мой другъ, и въ каждомъ мѣстѣ
Съ тобой я тамъ бесѣдую въ тиши:
Вездѣ, гдѣ мы хоть мигъ бывали вмѣстѣ,
Навѣкъ осталась часть моей души!

http://rcin.org.pl

X.

СОНЪ.

Когда меня ты будешь покидать,
Не говори «прощай» мнѣ на прощеньѣ:
Я не хочу въ послѣдній мигъ страдать
И разставаясь знать о разставаньѣ!

Въ послѣдній часъ, и веселъ, и счастлйвъ,
У ногъ твоихъ, волшебница, я сяду
И вѣчное «люблю» проговоривъ,
Изъ рукъ твоихъ приму я каплю яду,

И головой склонившися моей
Къ тебѣ на грудь, подруга молодая,
Засну, глядясь въ лазурь твоихъ очей
И сладкія уста твои лобзая;

И такъ просплю до страшнаго суда;
Ты въ оный часъ о другѣ не забудешь:
Съ небесъ сойдешь ты ангеломъ сюда
И легкою рукой меня разбудишь, —

Вновь на груди владычицы моей
Проснусь тогда, роскошливо мечтая,
Что я дремалъ, глядясь въ лазурь очей
И сладкія уста твои лобзая!

http://rcin.org.pl

РЕНЕГАТЪ.

Надавно случилось въ Иранѣ:
Паша на роскошномъ диванѣ
Въ палатахъ гарема высокихъ
Межь плѣнницъ сидѣлъ черноокихъ.

Гречанки, Черкешенки пляшутъ,
Бьютъ въ бубны и шалями машутъ;
При пляскѣ ихъ перси трепещутъ
И очи какъ молнія блещутъ.

Не смотритъ паша и не внемлетъ,
И въ сладкомъ спокойствіи дремлетъ,
Лишь дымъ изъ кальяна порою
Пускаетъ летучей струёю.

Вдругъ двери гарема раскрылись,
И слуги паши разступились:
Кизляръ-Ага велъ за собою
Рабыню подъ бѣлой чадрою.

«Эффенди, котораго сила
Великій Иранъ покорила!
Чья слава промчалась далёко
За свѣтлыя страны Востока!

http://rcin.org.pl

«О, ясное солнце Дивана! —
Вотъ вѣтеръ съ долинъ Ляхистана,
Твой рабъ, на услуги готовый,
Подарокъ принесъ тебѣ новый!

«Еще ни блистало ни разу,
Подъ солнцемъ такого алмазу!
Въ садахъ падишаха-владыки
Такой не найти одалыки!»

И вотъ красоты покрывало
Къ ногамъ ея тихо упало:
Паша поглядѣлъ, изумился, —
И будто бы въ сонъ погрузился.

Чубукъ изъ руки его выпалъ
И кучами пепелъ разсыпалъ.
Зовутъ, но паша ихъ не слышитъ!
Глядятъ — ренегатъ ужь не дышетъ.

http://rcin.org.pl

XI.

ПАРЕНЬ И ДѢВИЦА (9).

Дѣвка въ чистомъ полѣ
Ягодки сбираетъ,
Вдругъ невѣсть отколѣ
Парень подъѣзжаетъ;

И пригожъ и молодъ,
Будто маковъ цвѣтикъ:
«Гдѣ тутъ ѣздятъ въ городъ,
Покажи, мой свѣтикъ?

«Насъ въ сторонку эту
Занесла охота;
Глядь: проѣзда нѣту,
Топи да болота.»

Запылала дѣва,
Будто розанъ алый:
— Вотъ сюда налѣво
Поѣжай пожалуй.

— Нѣтъ дороги проще:
Видишь лѣсъ кудрявой —
Прямо къ этой рощѣ,
А оттуда вправо.

---

(9) Это стихотвореніе начато Одынцемъ, а кончено Мицкевичемъ.

http://rcin.org.pl

— Гдѣ плетень, заборъ-атъ,
Мельница и рѣчка,
Ужь оттоль и городъ
Будетъ недалечка. —

Свистнулъ онъ, дрогну́ла
Степь съ конца до краю....
Дѣвица вздохнула,
Отчего — не знаю.

Темная дуброва —
Дѣвка тамъ гуляетъ;
Къ ней все тотъ же снова
Парень подъѣзжаетъ:

«Вашему народу
Чуть поддайся спросту —
Не найдешь ни броду,
Никакова мосту.

«Вотъ повѣрь разсказамъ!...
Этакъ я съ тобою
Угодилъ бы разомъ
Въ омутъ головою.»

— Ну, ступай, коль хочешь,
Вонъ гдѣ, видишь, нива:
Ножки не замочишь
И доѣдешь живо. —

«Ладно, попытаю!»
Мо́лодца не видно....
Знаю-перезнаю,
Что́ ей стало стыдно.

http://rcin.org.pl

Дѣвица по нивамъ
Цвѣтики сбираетъ,
На конѣ ретивомъ
Парень подъѣзжаетъ;

И кричитъ далеко:
«Дѣвка, ну те къ Богу!
Тамъ оврагъ глубокой, —
Вотъ нашла дорогу!

«Я усталъ до смерти!...
Этими путями
Ѣздятъ развѣ черти
Ночью за дровами.

«Эдакъ не годится —
Пропадешь пожалуй!»
Вспыхнула дѣвица,
Будто розанъ алый.

Запылалъ онъ взглядомъ,
Прыгъ съ коня.... подходитъ,
Съ ней садится рядомъ,
Разговоръ заводитъ.

Такъ шептались мило
За полночь далече...
Жаль: за вѣтромъ было
Не слыхать ихъ рѣчи.

Какъ-то понемногу
Разобралъ я только,
Что ужъ про дорогу
Не было и толку.

http://rcin.org.pl

ІОСИФЪ МАСАЛЬСКІЙ.

—

ПРАВО МАМЕНЬКѢ СКАЖУ.

Что такое это значитъ:
Какъ одна я съ нимъ сижу
Все тоскуетъ онъ и плачетъ?...
Право маменькѣ скажу!

Я ему одна забота,
Но въ душѣ моей, вишь, лёдъ,
И глаза мои за что-то
Онъ княжнами зоветъ.

Вишь рѣзва я, не послушна,
Ни на мигъ не посижу....
Право мнѣ ужь это скушно,
Право маменькѣ скажу!

Подъ окномъ моимъ все бродитъ,
Самъ съ собою говоритъ;
Какъ одна — онъ глазъ не сводитъ,
А при людяхъ — не глядитъ.

http://rcin.org.pl

Но порой, какъ съ нимъ бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и пылаю....
Право маменькѣ скажу!

Пусть она о томъ разсудитъ;
Вотъ ужо я погляжу,
Что́-то съ нимъ, съ бѣдняжкой будетъ?...
Нѣтъ, ужь лучше не скажу!

КОНЕЦЪ.

http://rcin.org.pl

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ.

	стр.
Предисловіе	3
Ольдрихъ и Болеславъ	9
Бенешъ Германычъ	11
Ярославъ	14
Честміръ и Власлав	23
Людиша и Люборъ	31
Забой и Славой	35
Збигонь	44
Олень	48
Вѣнокъ	49
Ягоды	50
Роза	52
Кукушка	—
Сирота	53
Жаворонокъ	54
Сеймъ	—
Любушинъ судъ	55
Пѣсня подъ Вышеградомъ	59

ИЗЪ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЯ».

Пѣсня Ярославны	63

http://rcin.org.pl

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

ЭПИЧЕСКІЯ.

Царь Лазарь и царица Милица 67
Погибель Сербскаго царства 73
Разговоръ Милоша съ Иваномъ 76
Косовская дѣвушка 79
Юришичь-Янко 83
Построеніе Скадра 88
Ваня-Голая Котомка 95
Симеонъ-Найденышъ 103
Царь Стефанъ празднуетъ день своего святаго . . . 109
Смерть Марка-Кралевича 111

ЛИРИЧЕСКІЯ.

Молодецъ въ хороводѣ 117
Братъ, сестра и милая 118
Юноша и дѣва 119
Мать и дочь . . . . . —
Разлука милыхъ 121
Соколиныя очи . . . . . —
Морлахъ въ Венеціи 122

УКРАИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Милый шолъ горой высокой 127

ИСПАНСКІЕ РОМАНСЫ.

Смерть Сида 131

ПѢСНИ НОВЫХЪ ГРЕКОВЪ.

Примѣты 139
Дѣвушка у Харона 140
Сонъ Дима 141

http://rcin.org.pl

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОДЫ СЪ РАЗНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

—

СЪ САНСКРИТСКАГО.

ИЗЪ «МАХАБГАРАТЫ».

Царь Усйнара и коршунъ 147

ИЗЪ «СРИНГАРАТИЛАКИ».

Дѣвушка-охотникъ 151
Поцалуи . . . . . —
Описаніе красавицы 152

ИЗЪ «АМАРУ-САТАКА».

Двѣ дѣвушки 152
Защита 153

ИЗЪ СУДРАКА.

Брагманъ Витъ преслѣдуетъ баядерку Васантасену по улицамъ 154

ИЗЪ БГАРТРИГАРИ.

Дѣвушка 156
Близко и далеко . . . . . —

СЪ ДРЕВНЕ-АРАБСКАГО.

ИЗЪ «ХАМАСЫ».

Бедуинъ 159

СЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАГО.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Мои желанія 163
Розы и лиліи 164
Цикада 165

http://rcin.org.pl

СЪ ЛАТИНСКАГО.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Деревня 169

ИЗЪ ТИБУЛЛА.

Сульпиція 72

СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Благословеніе 175

СЪ НѢМЕЦКАГО.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Лабораторія Фауста 179

СЪ ШВЕДСКАГО.

ИЗЪ РУНЕБЕРГА.

Жалобы дѣва 191
Измѣна милаго 192

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Стихи, написанные Байрономъ на черепѣ 197
Еврейская мелодія 199

СЪ ЧЕШСКАГО.

ИЗЪ ГАНКИ.

Лаба 203
Очи 204

http://rcin.org.pl

СЪ ПОЛЬСКАГО.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Отрывки изъ поэмы «Панъ Тадеушъ»:
1. Замокъ стольника Горешки 207
2. Родныя небеса 221
2. Родимые лѣса 222
4. Войскій трубитъ въ рогъ 225
5. Вечеръ въ деревнѣ 227
Отрывокъ изъ поэмы «Конрадъ Валленродъ» 231
Крымскіе сонеты:
1. Странникъ 236
2. Аккерманскія степи 237
3. Могила Потоцкой 238
4. Могилы гарема 239
5. Отплытіе 240
6. Штиль на морѣ 241
7. Буря 242
8. Байдарская долина 243
9. Алушта ночью 244
10. Видъ горъ отъ Евпаторіи 245
11. Развалины замка въ Балаклавѣ 246
12. Аюдагъ 247
13. Чатырдагъ 248
Въ альбомъ княгини Чарторижской 249
М* 250
Встрѣча 251
Моя баловница 252
Вечеръ и утро 253
Разговоръ 254
Прощаніе 255
Прежніе годы 256
М. 257
Сонъ 259
Ренегатъ 260
Парень и дѣвица 262

ИЗЪ МАСАЛЬСКАГО.

Право маменькѣ скажу 265

Instytut Polonistyczny KORBUTIANUM Uniw. Warsz.
http://rcin.org.pl

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

7321

ПРОДАЮТСЯ

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ОБѢИХЪ СТОЛИЦЪ:

1. Библіотека иностранной поэзіи. Изданіе Н. В. Гербеля. Выпускъ I. Переводы и подражанія Н. В. Берга. Спб. 1860. . . . 1 р. 25 к.
2. Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Часть I. *(Изданіе второе.)* Спб. 1860. . . . . 1 р. 25 к.
3. Тоже. Часть II. Спб. 1857 . . . . . 1 р. 25 к.
4. Драматическія сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Часть III. Спб. 1857 . . . . . 1 р. 50 к.
5. Тоже. Часть IV. Спб. 1858. . . . . 1 р. 25 к.
6. Тоже Часть V. Спб. 1859. . . . . 1 р. 25 к.
7. Тоже. Часть VI. . . . . 1 р. 50 к.
8. Тоже. Часть VII . . . . . 1 р. 25 к.
9. Тоже. Часть VIII. Спб. 1860 . . . . . 1 р. 25 к.
10. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ пяти актахъ. Соч. Фридриха Шиллера. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1859 . . — 50 к.
11. Игорь, Князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Изданіе второе. Спб. 1856. Въ англійской папкѣ . . . . . 2 р. —
    Тоже. Въ бумажкѣ . . . . . 1 р. 50 к.
12. Отголоски. Стихотворенія Николая Гербеля. Спб. 1858. Двѣ части . . . . . 1 р. 50 к.
13. Изюмскій Слободской казачій полкъ. 1651 — 1765. Николая Гербеля. Спб. 1852. 1 р. 60 к.
14. Изюмцамъ. Николая Гербеля. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1854 . . . . . — 50 к.
15. Стохотворенія Н. Я. Прокоповича. Изданіе Н. В. Гербеля. Спб. 1858 . . . . . 1 р. —

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

K
7321

http://rcin.org.pl